

Олег Н. Гор
Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Просветление без правил –

«Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу / Олег Гор»: Э;
Москва; 2018
ISBN 978-5-699-97958-5

Аннотация

Все мы время от времени оказываемся в такой ситуации, когда не получается ничего, любое предприятие заканчивается неудачей, а судьба постоянно ставит подножки, и чем больше стараешься исправить ситуацию, тем безнадежнее она становится. Именно это

произошло с автором книги Олегом Гором: в одночасье он потерял налаженный бизнес, деньги, комфортное жилье, машину и даже друзей и стал объектом пристального внимания тайских бандитов – и опять пришел к необходимости переосмыслить и начать заново свою жизнь. А пройти через череду новых испытаний и извлечь из них полезный жизненный урок ему вновь помогает его духовный учитель, «неправильный монах» брат Пон.

Книга содержит подробные описания техник, позволяющих контролировать ум, тело и эмоции, сохранять присутствие духа, не бояться потерь и находить выход из самых сложных жизненных ситуаций.

Олег Гор

Просветленные видят в темноте. Как превратить поражение в победу

Пара слов от автора вместо предисловия

То, как началось и проходило мое обучение у неправильного монаха брата Пона, описано в книгах «Просветленные не ходят на работу» и «Просветленные не берут кредитов».

Несмотря на все пережитое, я оказался не готов к тому, что произойдет дальше.

Искренне надеюсь, что эта книга уничтожит надоевшую рутину обыденного существования читателей так же, как брат Пон в свое время уничтожил мою размеренную и приятную жизнь в Паттайе.

Названия и имена изменены, топографические ошибки допущены осознанно, любые совпадения случайны.

Глава 1

Явление из мрака

Мягкие руки легли мне на плечи, и хриплый женский голос, пахнувший сигаретами и ромом, прошептал:

– Пойдем танцевать. Ты же хочешь, я вижу... – Нет, спасибо, – отозвался я, с изумлением наблюдая за тем, как в душе поднимается отвращение. Ведь Аня – женщина красивая, умная, и за версту видно, что я ей нравлюсь.

– Ну и дурак! – фыркнула она и, проведя по моей шее коготками, направилась в обход стола.

Я вздохнул и пососал из соломинки, надеясь выдавить изо льда в стакане хоть немного арбузной мякоти: шейки в дорогом ресторане «Облико морале», где мы сидели, делали куда хуже и водянистее, чем у нас на Пратамнаке, зато стоили они в четыре раза дороже.

Друг мой, ради дня рождения которого я сюда приперся, успел надраться и выплясывал подгруппу «Тату» в компании пары красных, точно креветки, туристок из Питера. Музыка орала, гоготали пьяные американцы за соседним столом, воняло потом, паленым виски и дешевыми духами.

Мне в такой обстановке было не то чтобы весело, в последние годы я утратил вкус к развлечениям подобного рода.

Нельзя сказать, что я и раньше пил много, теперь же совершенно не испытывал влечения к алкоголю. Да и вообще желания мои выглядели куда более спокойными и, если можно так выразиться, «прозрачными», чем до поездки на север Таиланда.

Из второго путешествия туда я вернулся чуть меньше года назад.

Аня, облаченная сегодня в красное короткое платье, обняла за мускулистые плечи Виталика, нашего дайвера, зашептала что-то ему на ухо, мстительно поглядывая на меня. Потом они дружно заржали и уже вдвоем уставились в мою сторону: он – насмешливо, она –

с вызовом.

Я отсалютовал им нагретым стаканом и подумал, не заказать ли новый шейк.

Насмешка, один намек на которую некогда заставлял меня дергаться, теперь не трогала вовсе – нет, я ее замечал, регистрировал, но не испытывал по этому поводу никаких эмоций.

Аня распрямилась, вызывающе тряхнула рыжей гривой.

– Ты чо сидишь, братан?! – воскликнул наклонившийся в мою сторону Виталик. – Задремал?!

И в этот момент рядом с нашим столом появился невысокий, крепкий таец в вызывающе оранжевой майке и джинсах, «украшенный» копной сальных волос, почти целиком закрывавших его лицо.

Заметив этого типа, я испытал вялое удивление – и как только охрана пустила?

– Привет, чуваки! – воскликнул он по-английски, сочно рыгнул, пошатнулся и ухватился за спинку стула.

– Ты кто такой? – недовольно спросил Виталик на том же языке.

– Ваш друг! – воскликнул таец и игриво хлопнул по лысине здоровяка Толика, имевшего бизнес из нескольких кафе в Наклыа.

– Э! – недовольно проворчал тот, начиная подниматься. – Оборзел?

На английском Толик мог изобразить разве что пару ругательств и хрестоматийное «Май нейм из Вася».

Лицо Виталика перекошило от злости, я же не испытал ни раздражения, ни гнева. Спокойно отметил лишь, что голос тайца в джинсах я где-то слышал, и вроде бы не так давно, но, кажется, не в Паттайе.

Толик воздвигся над чужаком, как Годзилла над обреченным небоскребом, и, не тратя времени на слова, ударил. Откровенно пьяного тайца в этот момент качнуло впереди вниз, так что вышло нечто вроде поклона, и тяжелый кулак хозяина кафе прошел мимо цели.

Могучий замах повлек Толика дальше, и он тяжело, с матюками, кувырнулся через стул.

– Ну все, ты попал! – заявил Виталик, вскакивая.

Я был рад его появлению, но и испытывал смущение, что вижу монаха в такой виде.

Таец в этот момент распрямился, тряхнул головой, словно пародируя жест Ани, и я увидел его лицо!

Изумление шарахнуло меня подобно разряду тока.

Это был брат Пон, неправильный монах, мой наставник из вата Тхам Пу!

Но в таком виде, в каком я не мог представить его и в кошмарном сне: антаравасаки нет, голова не обрита, вместо сумки для подношений – наряд завсегдадая ночных клубов Паттайи, да и замашки под стать одежде!

– Стоп! Я разберусь! – поспешно сказал я. – Удержи Толика!

Наш большой друг поднимался, раздраженно пыхтя и сотрясая воздух ругательствами. Со стороны танцпола спешил качавшийся от выпитого именинник, в кильватере у него держались «креветки» из Питера, американцы от соседнего столика тарасили глаза.

Чудно только, что никто из персонала не обратил на инцидент внимания.

Но размышлять над этой странностью я не мог в силу нехватки времени.

– Пойдем, – сказал я, аккуратно беря брата Пона за предплечье. – На воздух. Подышим немного.

Я был очень рад его появлению, но одновременно испытывал смущение, что вижу монаха в таком виде.

От души чуть отлегло, когда брат Пон подмигнул.

Нет, не может быть, чтобы он пил на самом деле, притворяется – лицедей из него изумительный, я это отлично знаю.

– Ща я ему врежу! – завопил Толик, но я уже не слушал.

Мы с братом Поном шагали между столами, причем двигался он ловко и уверенно, без пьяной расхлябанности, но при этом не забывал икать, глупо тарашить глаза и выкрикивать «Хей-хоп!».

От смеха я удерживался с большим трудом.

Выход я выбрал не главный, и поэтому мы очутились не на шумной, залитой ярким светом и забитой людьми Уолкинг-стрит, а в погруженном во тьму, узком и довольно вонючем переулке.

Но внутри у меня в этот момент пели птицы и разносилось благоухание цветов.

– Брат Пон? – спросил я дрожащим от волнения голосом. – Вы? Как? Откуда? Почему так странно выглядите?

На шее у монаха болталась золотая цепь, а джинсы были все в молниях и клепках.

– А ты как выглядишь? – отозвался он со знакомым смешком. – Осознай-ка! Забрался в кабак, битком набитый пьяными фарангами и продажными женщинами, и для чего? Ладно бы хоть получал от этого удовольствие, искренне отдавался порокам!

Щеки мои залило горячим, уши запылали:

– Но я...

Наверняка сказал бы какую-нибудь глупость, попытался бы оправдаться, но брат Пон перебил меня:

– Я выгляжу так, как мне нужно в данный момент. А сейчас я явился к тебе, пришел из благословенного мрака. Ведь я обещал, что найду тебя, что мы с тобой встретимся?

– Обещал, – я вспомнил наш последний разговор в заброшенном маленьком вате, крохотном, но уютном Тхам Пу. – Только вот сейчас не самое подходящее время...

– Что? – брат Пон вытаращил глаза так, словно с ним человеческим голосом заговорила жаба. – Неподходящего времени и места не бывает, есть только один момент, когда ты в силах что-то делать, что-то изменить и в конечном итоге обрести свободу. Называется он – сейчас.

Вот тут мне стало по-настоящему стыдно, я нервно кашлянул, почесал в затылке.

– Возвращайся туда, к своим друзьям, – неожиданно сказал монах. – Развлекайся. Только осознавай, где ты, что ты делаешь и зачем... Я тебя сам найду...

– А мы... ну... – я хотел поинтересоваться, в какое путешествие и когда мы на этот раз отправимся, но вовремя понял, что брат Пон не ответит, скорее всего, просто не обратит внимания на вопрос.

– Только не жди, что я буду тебя наставлять, – продолжил он, глядя на меня пронзительными глазами, что слегка поблескивали во мраке. – Я тебя ничему не учил. Вообще мне нечему тебя обучать.

В первый момент я решил, что ослышался.

А как же храм в джунглях и то, что там происходило, и как же наше длинное, полное событий путешествие? Чем мы занимались все это время, как же лекции, наставления и разные упражнения?

– К-как? – это прозвучало как жалкое, придушенное карканье.

– Не пыжься, все равно сейчас не поймешь, – брат Пон, судя по широкой ухмылке, наслаждался моим замешательством. – На, этот предмет поможет тебе лучше тысячи слов.

И он положил мне в ладонь нечто прохладное и гладкое.

А затем ободряюще хлопнул меня по плечу, отступил в сторону и сделал вроде бы всего один шаг в сторону Тапрайя-роад, но при этом растворился в темноте, не оставив ни движения, ни звука.

Вернувшись в ресторан, я обнаружил, что держу алую гроздь цветков бутен.

В точности такую же, какую я год назад сорвал с высокого дерева – не протягивая рук, не забираясь по веткам, не приставляя лестницы и не забрасывая веревки, исключительно перестроив сознание.

Следующим утром пришлось встать рано, поскольку меня ждала вторая часть дня рождения – Виталик подарил имениннику дайв-трип, и мы заранее решили, что все тоже поедем нырять.

Поднялся я в редкостно тяжелом настроении, неприятное послевкусие от разговора с братом Поном не развеялось, даже стало сильнее, возникло ощущение, что наставник поймал меня на чем-то постыдном, запретном. Не помогло и созерцание цветка бутен – зачем монах выдал мне эту штуку, на что она должна намекать?

И что значили его слова насчет того, что он меня никогда не наставлял и ему нечему меня обучать?

Я отловил ближайшего таксиста-мотобайщика и поехал на пирс Бали Хай.

Народу на лодке дайв-центра «Человек-амфибия» было, как всегда, полно, туристы рассаживались по шезлонгам на верхней палубе, суетились команда и дайвмастера, белозубо скалился капитан.

Аня показала мне язык, страдающий от похмелья Толик выдавил хмурую улыбку.

Взревел двигатель, и наше судно, качнувшись, принялось неспешно отходить от причала. Чтобы сохранить равновесие, я ухватился за поручень и невольно пихнул стоявшего ко мне спиной мужчину.

Вернувшись в ресторан, я обнаружил, что держу алую гроздь цветков бутен.

– Извин... – начал я и осекся, поскольку мужчина повернул голову.

Это оказался брат Пон, но на этот раз он выглядел совсем иначе: волосы собраны в аккуратный пучок на затылке, вместо джинсов обычные шорты, какие по сто бат на любом развале, голый торс, и золотая цепь с шеи исчезла.

Ничего удивительного, что никто из наших его не узнал, если кто и увидел, то принял за обычного туриста откуда-нибудь из Бурятии или Узбекистана.

– Что, не ожидал? – спросил монах, проказливо хихикнув.

В этот раз меня вместо замешательства охватило необычайное спокойствие, миг я словно наблюдал сцену нашей встречи со стороны, а затем мир вокруг меня одновременно рассыпался и обрел удивительную, живую целостность. Закрутилось колесо из тысяч элементов восприятия: запахов, фрагментов осязания, звуков, мыслей и эмоций, зрительных образов.

Все это было мной, и внутри меня, и снаружи, и, несмотря на кажущийся хаос, складывалось в необычайную гармонию, сложный порядок, от которого я мог уловить лишь обрывки.

За год, прошедший с момента нашей последней встречи с братом Поном, я несколько раз впадал в это состояние, называемое им «преддверием бодхи», и порой задерживался в нем на часы, но никогда не переживал его с такой остротой.

Через мгновение все стало как раньше.

– Вот видишь, – сказал он. – Уже есть какая-то польза от того, что мы встретились. Только разве это можно назвать обучением?

Слов у меня в этот момент не нашлось, да и желания говорить не обнаружилось.

– Пойдем, – продолжил монах. – Надо на тебя посмотреть как следует.

И мимо будочки, внутри которой помещались дайвмастера, по лестнице вниз мы спустились на нос и у ourselves рядом с форштевнем, по тайскому обычаю обмотанным

полосами разноцветной ткани и украшенным гирляндами желтых цветов в честь духов-покровителей.

Некоторое время брат Пон меня рассматривал, а я боролся с ощущением, что его «рентгеновский» взгляд пронизывает тело насквозь и видит все, вплоть до затаенных желаний и содержимого кишечника.

– Нормально, – сказал он. – Ты растерял кое-что, это было неизбежно... Но главное! Главное ты сохранил.

Я расслабился и облегченно вздохнул.

Жизнь моя в последний год не была лишена проблем, но они меня более не волновали. Я почти всегда находил возможность изменить поток событий так, чтобы он меня устраивал. В любой суতোлке и горячке отыскивал время, чтобы заняться упражнениями: полным осознанием, когда ты отдаешь себе отчет во всем, что происходит вокруг или внутри, установлением в памяти, когда желание то разжигается до невероятной силы, то гасится, или разложением объекта на части, когда объект восприятия в результате направленной медитации теряет связность, распадается на ряд отдельных явлений.

Эмоции никуда не делись, но теперь я повелевал ими, а не наоборот.

Удивительно, но перемен во мне и в моем характере никто и не заметил, ну а я не спешил делиться переживаниями с друзьями, знакомыми или даже родственниками, время от времени приезжавшими из России.

– Теперь рассказывай, что помнишь из моей науки, – брат Пон хлопнул себя по коленям и ожидающе на меня уставился.

Я почесал в затылке и начал говорить...

Струи восприятия, которыми мы на самом деле являемся, восемь видов сознания, формирующих человеческое существо – зрительное, слуховое, обонятельное, вкусовое, осязательное, ментальный регистратор образов внутреннего мира, потом ум, комбинирующий объекты шести предыдущих, и за всем этим – сознание-сокровищница, алая-виджняна, истинный центр всего.

Эмоции никуда не делись, но теперь я повелевал ими, а не наоборот.

Именно она, используя «семена», следы прошлых деяний, «выращивает» события нашей жизни, разворачивает их в определенной последовательности. При этом не имеет особого значения, как воспринимать эти события – как перемещения объектов в материальном мире или как нескончаемый поток дхарм.

Ведь и за тем, и за другим лежит пустота, шуньята, нечто неопишное, но доступное для восприятия.

Правда, воспринять его способен лишь тот, кто сумеет осуществить «поворот в основании», сможет прервать цикл прорастания «семян», появления из них плодов и новых «семян», оторвать внимание сознания-сокровищницы от иллюзорных объектов внешнего мира.

Обратить его внутрь, на самое себя.

– Неплохо, – сказал брат Пон. – Есть фундамент, на котором мы построим здание. Возведем дворец не-обучения...

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но монах не дал мне вставить и слова.

– Иди, – буркнул он, толкнув меня в бок. – Скоро тебя позовут.

Обернувшись, я увидел, что прямо по курсу из морской бирюзы вырос прыщ островка Ко Рин, а это значит, что вот-вот начнется обязательный для всех брифинг перед

погружением.

Отныряли мы замечательно.

Виталик сводил нас под воду сам и показал много интересного – и мурену, чья башка торчала из норы, и полупрозрачных каракатиц, и акулу-няньку, засевшую в логове под кораллами.

Так что на лодку после второго дайва я выбрался довольный как слон.

Но едва успел стащить гидрокостюм, как рядом объявился улыбающийся брат Пон.

– Самое время для практики, – промурлыкал он. – Проверим, что ты можешь.

«Внимание дыхания», что начинается со счета вдохов, далось мне без малейшего труда, в состоянии смрити, полного осознания, я вошел к тому моменту, когда сполоснулся и, переодевшись, вернулся на верхнюю палубу.

Каждый вдох, положение тела, движение мыслей и чувств, ситуация, в которой я нахожусь, – все вместе и в то же время по отдельности, обвивающие друг друга, но не сливающиеся между собой потоки, в совокупности называемые обычно «личностью», «персоной», «я».

«Созерцание объекта» я выполнил тоже достаточно быстро, вызвал из памяти образ дерева, над которым некогда медитировал в джунглях, и вот оно, торчит из палубы меж возбужденными туристами.

Но не успел я обрадоваться успеху, как под ногами у меня словно разверзлась бездна.

Алчное, леденящее ничто, прячущееся за карнавальной маской обыденности...

– Тихо, тихо, – сказал брат Пон, беря меня за предплечье.

От его прикосновения все тело слегка встряхнуло, по позвоночнику побежала теплая, щекочущая волна, и я оказался в обычном, разве что несколько раздраженном состоянии. Мгновением позже я ощутил гнев, который сменился разочарованием, печалью, а потом эмоции сплелись в тугую колючий клубок где-то в груди.

«Это не мое, это не я», – подумал я, пытаюсь отстраниться от этого половодья чувств.

Ощущение пропасти под ногами я несколько раз переживал во время прошлого учебного «семестра», и всегда оно пугало меня до полусмерти, оставляло разбитым и опустошенным.

– Это в одно и то же время и ты, и не ты, – брат Пон, как обычно, словно читал мои мысли. – А кроме того, ты еще не до конца избавился от аффектов, от тех иллюзорных пут, что привязывают нас к сансаре.

– Но если они иллюзорные, то какой смысл с ними бороться? – с трудом выдавил я, немного справившись с собой.

– Смотри, допустим, ты столкнулся с тяжелой болезнью, – сказал брат Пон.

Я кивнул.

– Страдания, как ты ныне прекрасно знаешь, не имеют реальной сущности. Представляют собой не более чем мгновенно длящиеся комбинации впечатлений-дхарм.

– Ну да, – подтвердил я, хотя и без особой охоты.

– Но это же не значит, что болезнь не нужно лечить?

Я заморгал, пытаюсь ухватить концепцию.

– Да, алчность и ненависть точно так же не имеют истинного существования, – продолжил монах. – Но они могут порождать карму, вызывают появление новых «семян». Прорастая, те вызывают ситуации, неизбежно связанные со страданием... ведь так?

Логика брата Пона выглядела безупречной, но меня она в этот момент не радовала совершенно.

– Поэтому с устранения аффектов, на санскрите именуемых клеша, все и начинается.

– То обучение, которого на самом деле не было? – пробормотал я с недовольством в голосе.

– Именно! – монах просиял. – А теперь посмотри на этих людей... Что ты видишь?

Туристы, получившие в момент посадки таблетки от морской болезни, дремали в

шезлонгах, мои друзья во главе с именинником собрались в кучку и оживленно что-то обсуждали.

– Образы, порожденные моим сознанием, – еще более мрачно заявил я.

– Тоже верно, – согласился брат Пон. – Но за этими образами есть другие существа. Разумные, обладающие таким же осознанием, как и у тебя...

– Ну, не совсем таким же!

– Их алая-виджняна ничем не отличается от твоей, уж поверь мне. Абсолютно. Сияет, будто солнце на внутреннем небосводе, только вот скрыта плотным слоем облаков.

– Тогда к чему то, через что я прошел? – поинтересовался я почти с отчаянием. – Неужели все зря?

– Как сказал один из древних: «Нет ни одного живого существа, что не было бы наделено истинной мудростью. Только цепляющиеся за омраченное сознание не могут реализовать ее. Если же отсечь омраченное сознание, то истинная мудрость тут же воссияет».

С дайв-бота я спустился в более спокойной, но все еще мрачном расположении духа.

Я открыл рот, чтобы обрушить на брата Пона лавину вопросов, но он остановил меня, подняв руку:

– Поразмысли об этом. После того, как справишься с эмоциями.

С дайв-бота я спустился в чуть более спокойном, но все еще мрачном расположении духа.

– Ну что, поехали? – заявил брат Пон после того, как я распрощался с друзьями.

Удивительно, но никто из них, даже ехидная Аня, не сказал ничего по поводу того, что я всю дорогу болтал с неизвестным тайцем.

Монах, для того чтобы сойти на берег, приделался, дополнил шорты сандалиями и яркой безрукавкой, сплошь покрытой вышивкой, а на плечо повесил рюкзак, потрепанный, но крепкий.

– Куда?! – осведомился я, ощущая, как в душе поднимается волна ужаса.

С брата Пона станется отвезти меня на автостанцию, облачить в монашеское одеяние и утащить на пару-тройку месяцев в какой-нибудь дикий угол Таиланда, а то и за его пределы.

– Не пугайся, – он ухмыльнулся, показав ровные зубы. – Всего лишь к тебе. Посмотрю, как ты живешь... и надо же мне где-то переночевать?

Дела в последний год у меня шли очень хорошо: и интернет-магазин, и обычные приносили достаточно денег, поэтому я недавно переехал из одного кондо в другое, по соседству, снял большие апартаменты с видом на море.

– Поехали, – отозвался я, и мы направились к моей машине, запаркованной на площади около пирса.

Увидев черный ниссановский пикап, брат Пон удовлетворенно хмыкнул.

– Нормально ты тут устроился, – сообщил он.

Всю дорогу до дома я просидел как на иголках, ожидая от монаха очередной каверзы. Охранник, запуская меня на парковку под кондоминиумом, сдержанно кивнул, а на моего спутника покосился с изумлением.

Брат Пон высунулся в окно и сказал что-то по-тайски.

Охранник заулыбался, точно встретил близкого родственника, а затем хлопнул себя по лбу и рысцой побежал за машиной.

– Мистер Олег! Мистер Олег! – закричал он. – Тут вас спрашивали! Двое!
– Кто и зачем? – осведомился я, выкручивая руль, чтобы заехать на свободное парковочное место.

Охранник нахмурился и пожал плечами:

– Мужчины... Не фаранги...

Пара тайцев наводила справки обо мне в кондо, где я живу? Зачем? Что им надо?

В лифте я встретил соседей с девятого этажа, со мной они любезно поздоровались, а вот на брата Пона уставились с натянутыми ухмылками. Решили, должно быть, что я завел себе дружка из голубых, но почему-то не нежного юношу, а мужика в возрасте, с сединой в волосах.

Начнут ведь трепать языками направо и налево...

Апартаменты у меня были не чета прежнему жилищу – большая спальня, гостиная, кухня, кладовая, да еще и балкон, на котором умещается не только стол с двумя стульями.

– Добро пожаловать, – сказал я, запуская брата Пона внутрь. – Я у вас в гостях был. Теперь вы...

Монах усмехнулся, но промолчал.

Зато, войдя в комнату, направился напрямик туда, где располагался небольшой стеллаж – книги, диски с музыкой и фильмами, безделушки и подарки, которые больше некуда деть.

– Хорошая штука, – сообщил брат Пон, взяв с полки вазу из чешского хрусталя.

И не успел я ответить, как он швырнул ее об пол.

Сорняки должны вырасти, чтобы их можно было выдернуть. Как же иначе?

Раздался звон, сверкающие осколки полетели в стороны, ну а я замер с открытым ртом.

– Что... что вы делаете? – выдавил я, когда первый шок прошел.

– Встряхнись! – рявкнул монах. – Проснись! Осознай, где ты и что ты! Быстро! Полный срез по всем сознаниям!

Мне понадобилось несколько минут, чтобы понять, что именно он от меня хочет.

– Какие запахи ты осознаешь! Что касается твоего тела! Быстрее! Не раздумывай! Осознавай!

Ветер шевелит занавеску у балконной двери, несет мягкий аромат Сиамского залива... орет внизу, на пляже, тайская торговка... майка неприятно липнет к спине... во рту послевкусие от пончиков, съеденных на лодке... мысли о том, что ваза, разбитая братом Поном, стоила бешеных денег...

Ничего себе срез! Вот уж точно, ничем я от друзей не отличаюсь.

Накатила печаль, и ее я тоже осознал, но фиксироваться на ней не стал, и она быстро растворилась без следа.

– Вот так, хорошо, – сказал брат Пон, усаживаясь на диван. – А то ты сладко спал. Погрузился в дрему обычной жизни, и кого волнует, что в ней присутствовали всякие медитации и мысли об освобождении... Теперь я буду встряхивать тебя регулярно, и если для этого понадобится разбивать или ломать что-то, то я буду это делать.

Я вздохнул: в том, что монах способен на подобное, сомнений не было.

– Почему, когда я рядом с вами, из меня постоянно лезет что-то не очень приятное? – спросил я. – Только вчера я думал, что забыл о таких вещах, как злость и раздражение, и вот здравствуйте...

Брат Пон заухмылялся и ответил:

– Сорняки должны вырасти, чтобы их можно было выдернуть. Как же иначе? Вспомни

обезьяну, что каталась на спине Просветленного и лупила его палкой, когда он воплотился в образе буйвола... Ведь он мог растоптать ее копытами или поднять на рога, но он терпел, даже когда она швыряла комьями тины ему в глаза или мешала пастись, дергая за хвост. А все потому, что она не давала ему «задремать» и позволяла отследить малейшие движения аффектов в сознании, хотя там от них были всего лишь следы... Удивленному лесному духу, что спросил Просветленного о причинах его смирения, тот ответил: «Ведет себя он так, словно старается мои грехи очистить. И если кротость я не проявлю, то кто же, как не я, окажется неблагодарным?»

После краткой паузы он добавил:

– Если рядом с наставником ты ощущаешь только благодать и счастье, то либо ты уже достиг окончательного бодхи-освобождения, либо с этим наставником что-то не совсем правильно.

– С наставником, который меня ничему не учил и учить не собирается? – уточнил я полушутливо.

– Совершенно верно! – монах важно кивнул. – Только так и можно научить. Отправляйся теперь за веником и совком, а то еще порежешься...

Мы сходили поест в одну из кафешек по соседству, а когда вернулись, брат Пон заявил:

– Сейчас ты будешь заново учиться медитации на объекте. Располагайся.

Он облюбывал все тот же диван, ну а мне пришлось устроиться на полу, на толстом ковре.

– Раньше ты упражнялся с деревом, теперь же вместо него будет человек, – продолжил монах.

– Человек? – удивился я. – Какой?

– Ни в коем случае не бери моделью кого-нибудь из знакомых и тем более не сосредотачивайся на известных личностях... Наилучший вариант – отталкиваться от качеств, противоположных тем, что есть в твоей собственной персоне... Ну, пол мы, пожалуй, оставим... Глаза у тебя темные, пусть у него будут голубые, волосы у тебя русые, пусть у него иссиня-черные, и так далее... Понял?

Я кивнул и принялся за дело.

Сознание, привыкшее к тому, что медитация идет определенным образом, поначалу упорно подсовывало мне образ дерева, знакомого до последнего листочка и трещины в коре.

На то, чтобы отодвинуть его в сторону, мне понадобился не один час.

А затем я попытался воткнуть на место объекта созерцания некое человеческое существо... Проблема в том, что дерево я некогда взял из реальности и долго разглядывал перед тем, как восстановить мысленно, а тут все предстояло конструировать с нуля, исключительно силой фантазии.

От усилий я даже взопрел, хотя солнце давно зашло, и у меня в апартаментах было вовсе не жарко.

Возник образ, сначала размытый, затем все более и более четкий: жилистый носатый тип с маленькими ушами, облаченный в рубаху цвета хаки с закатанными рукавами, джинсы и полувоенные ботинки, с рыжими усишками и того же цвета бородкой, но совершенно лысый.

Я держал его в сознании, разглядывая, добавляя детали – морщинка над переносицей, правый глаз чуть больше левого, губы пухлые, выпяченные, да еще и волоски на костяшках пальцев.

В один момент человек этот задвигался, недовольно мотнул башкой, и в следующий миг я потерял концентрацию.

– Достаточно, – сказал брат Пон, и я заморгал, возвращаясь к реальности.

Судя по ломоте в спине, просидел я неподвижно не один час, да и за окнами уже начало светать. Я зевнул, с удивлением отметив, что, по большому счету, не особенно хочу спать, а

вместо ожидаемой вялости ощущаю прилив бодрости.

– Теперь ты должен поддерживать его, вкладывать силы и энергию в этот образ, – настойчиво проговорил монах. – Необходимо его оживить, понять, как он говорит, двигается, какие у него любимые словечки, почему он с такой неприязнью относится к неграм.

Я нахмурился, пытаюсь сообразить, к чему эта деталь.

Но времени на размышления не оказалось, поскольку брат Пон безо всякого перехода заявил:

– Но заниматься будешь уже в другом месте... Сегодня ты должен съехать отсюда.

В ушах у меня зашумело, в горле пересохло, изо рта вырвалось судорожное:

– К-как? Почему? Мы все же уезжаем?

– Нет, Паттайю ты в ближайшее время не покинешь, но жить тут не будешь.

– Но как?! Я не могу! У меня же это... здесь...

Человек задвигался, недовольно мотнул башкой, и я вмиг потерял концентрацию.

Я мог сказать, что заплатил за два месяца вперед да еще внес депозит, что в кондо быстрый и стабильный Интернет, нужный мне для работы, а в Таиланде это вообще редкость, что район Пратамнак мне нравится, что он всем удобен и что я к нему привык...

– Но как же друзья, знакомые? – пролепетал я, понимая, что для брата Пона эти аргументы не будут иметь никакого значения.

– Те, что воспринимают тебя в первую очередь по одежке, то есть по жилищу? – лицо монаха украсила презрительная ухмылка. – Живешь в крутом кондо – молодец, обитаешь в строении попроще – все, неудачник и общаться с тобой после этого не стоит. Какое тебе до них дело?

– Но я нахожусь в окружении людей...

– Быть в окружении людей – не значит рабски подчинять себя их представлениям. Ожидания и мнения других по твоему поводу не имеют значения, и в первую очередь потому, что они иллюзорны, что это всего лишь образы, созданные твоим сознанием. Неужели ты до сих пор веришь, что способен воспринимать намерения и мысли тех, кто находится рядом?

Это заявление мне крыть оказалось нечем.

– Но... – попытался вставить я, не очень понимая, что именно собираюсь сказать.

– Кроме того, даже если они реальны, то почему ты строишь жизнь, исходя из чужих интересов? – сурово заявил брат Пон, не дав вставить и слова. – У тебя есть свои. Вспомни о них... Ну да, беспокоиться о том, что думают другие, куда проще, чем заниматься очищением собственного мышления, поэтому люди обычно выбирают первое... Как ты намерен обрести свободу, если позволяешь щупальцам мнений, взглядов и предубеждений держать тебя?

У меня мелькнула мысль, что безо всех этих «щупалец» легко жить где-нибудь в джунглях, где тебя никто не видит, что в обществе от них избавиться невозможно, разве что радикальными мерами... Ее сменила другая, что, может быть, за этим брат Пон и явился сюда, в Паттайю, туда, где я не являюсь учеником монаха в пропыленной антаравасаке, а веду обычную жизнь?

И эта мысль испугала меня не меньше, чем идея оставить апартаменты.

– Почему вчера в лифте ты позволил возникнуть беспокойству по поводу того, что тебя сочтут любителем секса с мужчинами? – продолжил он, не давая мне опомниться. – Пусть считают кем угодно! Это проблема лишь в том случае, если ты сам придаешь ей значение,

наделяешь ценностью!

– Но где я буду жить? – спросил я жалобно. – Все равно надо же где-то ночевать! Машина еще...

– Проблемы будем решать по мере их возникновения, – сказал брат Пон, вставая с дивана. – Первейшая же из них, поверь мне, для тебя состоит в том, чтобы избавиться от всего этого.

И он повел рукой, указывая на мое жилище, такое уютное, престижное и удобное...

Вид у меня, когда я с утра приперся к менеджеру, был наверняка очень жалкий.

По крайней мере, я мямлил и запинался, пытаюсь объяснить, почему я должен съехать прямо сегодня же и что вовсе не настаиваю на том, чтобы мне отдали назад аванс и депозит...

Пожилая китайка, управлявшая нашим кондо, посмотрела на меня как на идиота.

Так что я вернулся в апартаменты через час и сообщил брату Пону, что у меня есть время до вечера, чтобы освободить помещение.

– Великолепно! – заявил он с энтузиазмом. – Какой шанс для тебя!

– На что? – спросил я уныло.

– Чтобы избавиться от того хлама, которым ты пытаешься отгородиться от пустоты. Я тут осмотрелся...

Уныние мое сменилось ужасом.

Я протестующе вскинул руки, издал судорожный писк, но сказать ничего не успел.

– Э... я думал... перевезти вещи в подсобку в магазине... там найдется место...

– У меня есть мысль получше, – и брат Пон вполне по-демонически оскалился. – Выкини это барахло.

Нет, я и раньше не страдал тягой к накоплению вещей, а уж после знакомства с неправильным монахом и вовсе стал относиться к шмоткам равнодушно, но когда ты живешь на одном месте и имеешь возможность покупать все, что душа пожелает, то ты невольно обрастаешь предметами... Вроде бы и это нужно, и вон то еще, а как обойтись без вон той штучки?..

– Не хочешь выкидывать – раздари, – пожал он плечами.

– Но... но...

– Подумай о том, что тебе на самом деле нужно, – продолжил брат Пон весело. – Вспомни, насколько легко и приятно существовать, не имея ничего, кроме одежды и сумки для подношений!

«Ну да, в вате или стойбище диких аскетов», – хотелось сказать мне, но я смолчал.

Вот, например, подарок от брата – монгольская маска, оскаленный синекотий демон... Или картина с видом Толедо, напоминание о давнем, еще прошлого века, путешествии в Европу...

Разве можно избавиться от них просто так?

– Не стой столбом, а то я сам все сделаю, – и брат Пон, распахнув дверцы шкафа с одеждой, принялся выгружать шмотки прямо на пол.

Я протестующе вскинул руки, издал судорожный писк, но сказать ничего не успел. Внутри меня нечто переместилось, словно желудок поменялся местами с печенью, и я ощутил, как отступает беспокойство, рассеивается тревога, исчезает страх.

Сгинула эгоистическая фиксация, сосредоточенность на интересах того фальшивого скопления ощущений, которое мы обычно именуем собой, я вошел в «состояние Пустоты». Мягкий щекочущий покой заполнил меня до горлышка, я перестал соотносить каждое действие с собственной личностью, с пользой и вредом для нее.

И отправился на кухню, туда, где хранились пакеты для мусора.

Путешествие в Толедо я помню и так, а брат наверняка давно забыл, что подарил мне эту маску, да и вероятность того, что он приедет в Таиланд и проверит ее наличие, близка к нулю...

Я не особенно задумывался, что именно делаю, складывая в мешки одежду, посуду, безделушки, вовсе неведомо как попавшее ко мне барахло вроде порванных ласт, старого пляжного покрывала с прожженной дырой в центре или набора полиролей для мебели.

– Отлично, только не останавливайся, – приговаривал брат Пон, помогая мне. – Замечательно... Кому-то приходится заниматься такими вот вещами, чтобы добиться свободы, а кому-то достаточно посетить Лумпини, место рождения Просветленного, Бодх-Гаю, где он обрел просветление, Сарнатх, отмеченный тем, что там пришло в движение Колесо Дхармы, и Кушинагар, место его ухода в окончательную нирвану, расставания с миром иллюзий.

В другой ситуации я обязательно начал бы задавать вопросы по поводу этих географических пунктов, но в этот момент небосвод моего сознания не омрачила даже крошечная тучка интереса.

Зато когда принялся выносить мешки и отвозить их на лифте вниз, к мусорным бакам, невольно вспомнил наше с братом Поном бегство из деревни мои в Лаосе. Тогда я точно в таком же состоянии Пустоты, достигнутом, правда, куда с большим трудом, сумел незамеченным выскользнуть из охраняемой хижины.

Сейчас же обитатели нашего кондо, обычно любопытные и охочие до того, чтобы совать нос в проблемы соседей, не обращали на меня внимания, хотя занимался я не самым обычным делом. Встретившиеся в коридоре или внизу, на стоянке, проходили мимо, ехавшие вместе в лифте смотрели в сторону, будто меня рядом не было.

Монах не ошибался, утверждая, что люди реагируют на грохот мусора, который мы обычно носим внутри.

К тому времени, когда побагровевшее и раздувшееся солнце повисло над морем и заглянуло в окна апартаментов, я вынес из них практически все, что мог считать своим. Оставшиеся вещи сложил в рюкзак: ноутбук, пару смен белья, зубную пасту со щеткой и бритву, ну и папку с документами.

В этот момент я ощущал невероятную легкость, готовность воспарить над полом, но одновременно и слабую печаль, словно расстался с дорогим сердцу предметом, оставить у себя который не позволяют обстоятельства.

Осматривая комнату в последний раз – не забыл ли чего, – обнаружил на телевизоре алый цветок бутен.

– Брат Пон, – сказал я, вертя его в руках, – зачем вы дали это мне позавчера?

– Ну как зачем? – монах усмехнулся. – Как напоминание о том, что мир текуч. Изменчивая реальность всецело определяется нашим сознанием и выглядит стабильной только потому, что мы ее таковой делаем. Неужели ты запомнил, как сорвал это с ветки?

Когда мы вышли в коридор и я запер дверь на ключ, из соседних апартаментов вывалились приятели-немцы, типичные европейские богатые пенсионеры, каких в Паттайе не меньше, чем мух на помойке.

Один из них жил тут, другой регулярно приходил к нему в гости, выпить пива, посмотреть футбол.

– А-а-а! – завопил один, увидев меня. – Май френд! Халло! Халло!

Но в следующий момент в голубых глазах возникла неуверенность, и их хозяин принялся чесать в затылке. Второй пенсионер буркнул что-то по-немецки, и они затопали в

сторону лифта, обмениваясь репликами.

– Ну вот, ты почти уже перестал существовать, – сказал брат Пон. – Это здорово.

Мы спустились на первый этаж, где я отдал ключи менеджеру.

– От машины тоже нужно избавиться? – поинтересовался я, когда мы подошли к моему «Ниссану».

Продать автомобиль можно, но сделать это быстро, за день-два, не выйдет, поскольку зарегистрирован он не на меня лично, а на мою фирму.

– Нет, она нам пригодится, – брат Пон нежно похлопал автомобиль по капоту. – Забирайся, поехали, мне как раз нужно навестить друзей...

Не задавая вопросов, я уселся за руль.

Я не волновался по поводу того, куда мы направляемся и где я буду ночевать.

Отсальютовал выпустивший нас со стоянки охранник, мы покрутились по переулкам Пратамнака и направились в сторону центра: я поворачивал туда, куда мне говорили, перестраивался, когда надо, и не волновался по поводу того, куда мы направляемся и где я буду ночевать.

В крайнем случае можно устроиться и в автомобиле: не очень удобно, но терпимо.

Из состояния мертвенного спокойствия я вышел, когда осознал, что мы запарковались на Третьей улице и шагаем в сторону Сои Бокао, длинного извилистого переулка, сплошь утыканного гоу-гоу барами, массажными салонами откровенно бордельного свойства и мелкими гостиницами, где можно без проблем снять на ночь комнату с кроватью размера кинг-сайз.

Едва приехав в Таиланд, я пару раз отрывался тут по полной, ну и потом водил на «экскурсию» приехавших в гости приятелей.

– Здесь живут ваши друзья? – спросил я, ощутив легкий укол недоумения.

Брат Пон и Сои Бокао – эти два явления просто не могут стоять рядом!

– Не только живут, но и работают! – ответил монах, ничем не напоминая в этот момент служителя Будды.

К этому времени начало темнеть, загорелись вывески баров и гостиниц, на обочинах появились ярко размалеванные девицы на высоких каблуках и в коротких платьях – частью настоящие женщины, частью трансвеститы-катои.

– Вот мы и пришли! – радостно заявил брат Пон. – Заходи, не бойся!

В «Розовой кошечке», рядом с которой мы остановились, я не бывал никогда, но выглядела она как типичный паттайский бар – широкая стойка, где можно танцевать, стеллаж с батареей бутылок, длинные высокие столы и табуреты при них, тусклое красноватое освещение, зеркала во всю заднюю стену. И «девушки», а на самом деле юноши, – на высоченных каблуках, в лохматых париках под рок-звезд семидесятых, в коротеньких платьицах, с выпирающими силиконовыми грудями и гладко выбритыми ногами.

– Сюда? – промямлил я.

– Ага, – подтвердил монах и, затараторив по-тайски, шагнул внутрь «Розовой кошечки».

Барменша, могучая, покрытая татуировками дама средних лет в жилетке и черном берете, лучезарно заухмылялась, а катои, радостно щебеча вполне по-женски, ринулись к брату Пону, точно дочери к вернувшемуся из командировки отцу.

Ноги у меня ослабели, накатило острое желание ущипнуть себя, да посильнее.

– Это мой друг! – заявил монах по-английски. – Он робок и стеснителен!

И не успел я пикнуть, как меня подхватили под локотки и проводили в уголок, где и усадили спиной к стене. На стол передо мной шлепнулся стакан ананасового сока с трубочкой и кубиками льда, но никто из катоев не устроился рядом, не принялся «обрабатывать» меня как клиента.

Видимо, мой спутник велел оставить «робкого друга» в покое.

Но его тут знали, и знали отлично! Но откуда? Он что, бывал в Паттайе?

Я наблюдал, как брат Пон сидит в окружении троих катоев, оживленно болтает сразу со всеми, да еще и с барменшей, и даже делает вид, что прикладывает к открытой бутылочке «Чанга». Я-то видел, что он не пьет, но для наблюдателя со стороны все выглядело так, словно лохматый дядька средних лет бухает вовсю и оттягивается с трансами.

Вот-вот поведет их в номер гостиницы по соседству...

И в майке и джинсах, с золотой цепью на шее, в баре с катоями брат Пон выглядел так же естественно и органично, как перед статуей Будды в вате Тхам Пу, облаченный в монашеское одеяние!

«Розовая кошечка» тем временем начала заполняться, пришла компания загорелых русских парней, судя по повадкам, не новичков в Таиланде, повалили европейские фаранги, зазвучала музыка, ладно хоть не попса – «Дорз», «Квин», «Металлика» и прочая радующая слух классика рока.

Едва мой сок закончился, как один из катоев принес новый.

Голова у меня кружилась, происходящее казалось сном, не жутким, но фантазмагорическим, когда ты осознаешь, что все вокруг нереально, но вырваться из видения не можешь.

Русские заказали третью бутылку водки, две грудастые «девицы» полезли на стойку, чтобы открыть пляски. И тут от группы дедков-европейцев, сидевших слева от меня, донеслись изумленные и испуганные вскрики.

Один из них, в цветастой рубашонке и шляпе с пером, хватался за грудь и тяжело хрипел.

– Смотри внимательно! – сказал мне напрямик в ухо очутившийся рядом брат Пон.

«Куда? На что?» – хотел спросить я, но моргнул, и язык мой примерз к гортани.

За спиной дедушки в шляпе, охватывая его с боков, клубилось облако холодной, мерцающей тьмы. В нем ощущалось предвкушение, равнодушная готовность поглотить любое количество жизни и тепла.

Похоже, что пожилого фаранга шарахнул сердечный приступ и осталось ему совсем немного, часы или даже минуты.

– Смерть передает тебе привет, – прошептал монах. – Она ведь и позади тебя тоже.

Бусины на четках

Нет неподходящего времени и места для того, чтобы заниматься поиском свободы.

Даже среди шумного праздника, в окружении других людей, в ресторане, в ночном клубе, в магазине можно найти возможность для того, чтобы практиковать, исполнять хотя бы счет дыхания, полное осознание или пытаться изменить уровень и качество собственного восприятия.

Если этого не делать, то момент будет упущен, время потрачено зря.

А нам его в человеческом обличии предоставлено не так уж и много, и каждая секунда идет в счет.

* * *

«Самовстряхивание» – практика полезная на любом этапе развития.

Занимаясь обыденными делами, погружаясь в рутину, мы склонны терять осознанность, поддаваться автоматизму привычек, тонуть в болоте сноподобного состояния.

Идеальное средство борьбы с этой тенденцией – несколько раз в день «встряхиывать» себя, вспоминать о том, кто мы есть, что осознаем по всем направлениям: по поводу видимого, слышимого, осязаемого, обоняемого, воспринимаемого с помощью вкуса, собственных мыслей и комбинирующего ума, что использует образы предыдущих шести.

Создавать нечто вроде «среза», мгновенной картинки себя, мира, потока восприятия и осознания.

Сложность этой практики в том, чтобы вспоминать о ней, причем регулярно.

Для этого, если рядом нет наставника, приходится идти на разные хитрости. Заводить будильник каждые несколько часов или устраивать себе «напоминалку» из предмета, который кладется не на свое место или размещается необычным образом, зато обязательно за день не один раз попадется на глаза и запустит цепочку нужных мыслей.

Полагаться на собственную память рискованно, она в такой ситуации обычно подводит.

* * *

Мы слишком часто формируем свою жизнь исходя из ожиданий, представлений и мнений других людей, возлагаем на них ответственность за наши поступки, решения и судьбоносный выбор.

«Что подумают друзья, родственники, соседи, просто люди?» – думаем мы, определяя, как вести себя.

«Это делать нельзя, потому что никто так не делает или это выглядит глупо, смешно, необычно», – размышляем мы, упуская шанс измениться, обрести более насыщенную и осознанную жизнь.

Люди держат друг друга щупальцами предубеждений, мнений и представлений о том, что должно и не должно, каким надлежит быть и каким не надлежит, и эти «щупальца» образуют настоящую паутину, в которой мы запутываемся по нашей собственной воле.

Сколько можно беспокоиться о чужих мыслях, забывая при этом об очищении собственного мышления?

Первое проще и привычнее, зато второе ведет нас за пределы страдания.

Глава 2

Привет из девяностых

Старик фаранг умер до того, как приехала скорая. Сцена того, как его прихватило прямоком в баре, поразила меня с неожиданной силой, недавнее блаженное спокойствие разлетелось на ошметки. Свинцовой волной накатила усталость, напоминание о том, что предыдущую ночь я не спал, так что пришлось заказать кофе.

В «Розовой кошечке» мрачное настроение продержалось недолго, вновь зазвучала музыка, донесся визг катоев и ржание пьяных гостей.

Ближе к полуночи брат Пон протолкался ко мне и сообщил, что договорился о ночлеге. Я поднялся, захватил рюкзак и зашагал за ним, зевая и спотыкаясь чуть ли не через шаг.

Орущий Сои Бокао остался позади, мы свернули в переулок вроде того, где состоялся наш первый разговор в Паттайе.

– Вот тут, – сказал брат Пон, останавливаясь перед обшарпанной дверью.

Щелкнул замок, куда монах вставил ключ, загорелась хилая лампочка, осветив уходившую вниз лестницу, заваленную обрывками упаковочного полиэтилена, щепками и кусками пенопласта.

Шагнув на нее, я ощутил слабый запах гнилых овощей.

– Это что? – спросил я подозрительно.

– Роскошный просторный подвал вроде того, где мы однажды квартировали, – ответил брат Пон.

Ну да, в центре Золотого треугольника, в гостях у босса тамошней мафии.

– Надеюсь, хоть без змей, – буркнул я, пытаюсь скрыть разочарование.

Я, откровенно говоря, рассчитывал пусть на убогий, но номер в одной из окрестных гостиниц, с общим душем и туалетом, но хотя бы с кроватями, вентилятором и окном...

– А это мы сейчас узнаем.

Подвал оказался и вправду велик, и если одну его половину занимали штабеля ящиков и груды мешков, то в другой располагалось несколько брошенных на пол матрасов. Выглядели они крепкими, хоть и потертыми, и на каждом красовалось аккуратно сложенное тонкое покрывало.

– Это же прямо курорт, – заявил брат Пон, покосившись на мою мрачную физиономию. – Идеальное место для того, чтобы практиковать медитацию на объекте. Думаешь, я тебя сюда спать привел?

Я только вздохнул в ответ.

Я думал, что отрублюсь, едва улегшись, но, вытянувшись на одном из матрасов, понял, что устал как собака, но сна ни в одном глазу.

– Я же говорю – практикуй, – тихо сказал из тьмы монах, как всегда, замечавший все, что со мной творилось.

Я рассчитывал пусть на убогий, но номер в одной из окрестных гостиниц...

Деваться мне было некуда, и я вызвал из памяти образ лысого мужика, над которым работал прошлой ночью. Тот явился с удивительной быстротой, отодвинул прочь впечатления сегодняшнего дня: и смерть пожилого фаранга, и суматошный процесс бегства из кондо, и процедуру избавления от вещей.

Вскоре я мог наблюдать незнакомца во всех деталях, разглядывать каждый волосок в бороде и усах, любую складку на рубашке цвета хаки. И полный мрак, царивший в подвале,

мне совершенно не мешал, как и духота, и запах гниения, и упирившаяся в зад пружина матраса.

– А теперь переноси сознание, – подсказал брат Пон, про которого я на какое-то время забыл.

Я вздрогнул... да, я перемещал восприятие в дерево, но в другого человека?

– Не бойся... – прошептал он. – По сравнению с тем, что ты уже сделал, это просто.

Поначалу ничего не вышло, я оставался самим собой, а выдуманный мной персонаж так и маячил перед закрытыми глазами, время от времени зевая и недовольно мотая лысой головой.

Потом я ощутил рывок и понял, что сижу не на матрасе, а на полу, и за спиной стена, что тяжелые ботинки натерли ноги, а в животе бурчит по поводу недавно съеденного стейка... И еще я обнаружил напротив смутно знакомого типа – ноги скрещены, глаза закрыты, на физиономии застыло напряжение.

Это же я!

Осознание шарахнуло, точно киянка по макушке, и я торопливо поднял веки.

– Не понравилось? – осведомился монах. – Мало кого радует, если смотреть на себя со стороны... Пробуй еще!

Проснулся я от раздавшегося над самым ухом надрывного скрипа пружин.

Поначалу не понял, где нахожусь, что это за мрачный подвал, и, лишь увидев сидевшего на своем ложе брата Пона, вспомнил события вчерашнего дня.

– Доброе утро, – сказал монах. – Как выспался?

– Отлично, – сказал я, и это было правдой.

Несмотря на древний матрас и духоту, я ощущал себя отдохнувшим, меня не беспокоило, что я теперь вроде бомжа, что мое имущество всего за сутки резко сократилось.

Может быть, виной тому были упражнения, которыми я занимался едва не до утра?

– Зачем вы вчера привели меня в этот бар? – спросил я. – Что я, катоев не видел?

– Тот, кто ищет освобождения в далеких горах и глухих лесах, ничего не найдет, – брат Пон покачал головой. – Его нужно ловить здесь и сейчас, для тебя это «здесь и сейчас» – Паттайя, а что может быть типичнее для этого города, чем «Розовая кошечка»?

На такое заявление я не нашелся, что возразить.

– Пора вставать, время к полудню, – добавил монах, и тут ожил мой сотовый.

Вообще-то обычно он трезвонит с утра до ночи, но вот вчера ни разу не напомнил о себе.

– Да, – сказал я, поднеся трубку к уху.

– Э... привет... – голос Виктора, продавца из магазина, что на Сукхумвите, звучал необычайно мрачно. – Тут такое дело... Вот только что... они пришли... с битами, побили все... витрины...

– Что-о-о?! – я ощутил, что покрываюсь инеем изнутри. – Давай еще раз.

Я слушал и ощущал дежавю – подобное имело шансы произойти в России в девяностых, когда братва разного рода показывала власть над мелким бизнесом, громила киоски и магазины.

Но никак не в спокойном Таиланде!

Только ты сам определяешь события, с тобой происходящие.

Тайцы или заезжие камбоджийцы могут ограбить пьяного в стельку фаранга, тюкнув его по затылку в темном переулке, но чтобы кто-то из них отважился на такое... Нет, этого не могло быть!

– Проклятье, – выдавил я, опуская руку с телефоном, и только тут вспомнил про брата Пона. – Я должен ехать... разобраться... Почему они это сделали со мной? Почему?

Понимал, что готов начать жаловаться, что горло перехватывает от гнева и бессилия, но ничего в этот момент сделать с собой не мог – слишком неожиданно все произошло и чересчур сильными оказались эмоции.

– Никто ни с кем ничего не делает, – сказал брат Пон. – Просто не в состоянии. Другие существа не имеют возможности проникнуть в твой кокон восприятия и произвести там какие-либо изменения.

Я слышал его хорошо, разобрал каждое слово, но вот смысла обнаружить в них не мог, как ни старался.

– Только ты сам, твои прежние деяния и нынешнее состояние сознания определяют события, с тобой происходящие, – монах наверняка видел, что со мной творится, и тем не менее продолжал говорить. – Обвинять в случившемся других – все равно что сетовать на деревья за то, что они, качаясь, создают ветер.

– Да... да... – отстраненно пробормотал я, поднимаясь. – Мне нужно ехать... Немедленно... Вы со мной?

– Нет, – брат Пон тоже вскочил. – Ты найдешь меня на пляже.

Я посмотрел на него удивленно:

– На каком пляже?

– А за «Паттайя Парком», – сообщил монах.

В другой момент я бы поинтересовался, что он там забыл, но сейчас мне было не до этого. Я лишь тупо кивнул, подхватил рюкзак и, приглаживая растрепавшиеся волосы, заторопился к двери.

Запарковался я рядом с «Сеვენ-элевроном», что у выезда на пляж, и некоторое время сидел, вцепившись в руль.

Меня душила самая настоящая ярость.

Заехав в магазин, я обнаружил там полный разгром – стеллажи поломаны, кадки с пальмами опрокинуты, окна превратились в груды осколков, счастье еще, что до подсобки, где хранилась большая часть товара, налетчики не добрались, но и так я влетел не на одну тысячу долларов.

Торговали мы пряностями, эксклюзивными, отличного качества, со всей Юго-Восточной Азии, от известной всем гвоздики из Индонезии до куда менее распиаренных галангала из Малайзии и свечного ореха с Филиппин.

Полиция явилась, допросила Виктора и всхлипывающую Нок, которую мы держали для красоты и экзотики и еще потому, что, если хочешь, чтобы все было хорошо, лучше иметь в штаffe кого-то из местных.

Но по равнодушным физиономиям стражей порядка, по их тону я понимал, что суетиться и искать нападавших они не будут – ну погромили слегка фаранга, ничего, у фаранга денег много, он все восстановит и будет дальше работать, а переживать и дергаться не нужно.

«Май пен рай», как говорится.

И что, я зря оформлял рабочую визу, отдаю кучу бабла в виде налогов, что идет в том числе и на содержание полиции?

Судя по описанию Виктора, на магазин напали двое крепких тайцев или камбоджийцев за тридцать – руки в перчатках, предплечья в татуировках, на головах банданы. Ничего не сказали, просто вошли, когда не было покупателей, и начали махать бейсбольными битами.

Пять минут, и нет никого... ищи ветра в поле.

Деньги у меня, к счастью, имеются, поэтому к вечеру нам вставят окна, чтобы помещение можно было хотя бы запереть на ночь, ну а через пару-тройку дней магазин

заработает как обычно...

Но откуда взялся этот «привет из девяностых»? Кому я перешел дорогу?

Не переставая размышлять об этом, я вылез из машины и заковылял в сторону моря. Под сандалиями заскрипел песок, ушей коснулось мягкое шуршание набегающих на сушу волн.

Миновав небольшой участок дикого пляжа, я двинулся параллельно забору «Паттайя Парка».

Берег, как обычно в высокий сезон, заполняли тела разной степени подкопченности. Бродили торговцы в широкополых шляпах и намотанных на физиономии шарфах, предлагали всякий мусор вроде ожерелий из ракушек, картин с видами Таиланда, непонятно из чего сделанных мазей и кремов.

Тут же, в тени под деревьями около дорожки тайки делали клиентам туристический вариант массажа.

Солнце палило, вопили плескавшиеся в волнах дети.

Я медленно шел вдоль берега, пытаюсь высмотреть в людском месиве брата Пона... Как вообще его можно тут найти, неужели он не мог более точно определить место встречи или обзавестись сотовым, раз уж выбрался в цивилизацию?

И, естественно, едва не прошел мимо.

Монах расположился за прилавком передвижной закуской-макашницы, вид у него был крайне деловой: он как раз наваливал еды в пластиковую тарелку для высоченного и на удивление бледного фаранга.

– А, вот и ты, – сказал брат Пон, когда фаранг получил сдачу и отошел. – Как дела?

– Да чего вы спрашиваете, если все знаете?! – рявкнул я. – Плохо! Отвратительно! Наверняка сами все и устроили! Не знаю как, но с вас станется! Чтобы мне все испортить! Проклятье!

Я понимал, что ору, что на меня оглядываются, но глаза затягивала багровая пелена ярости, и мне было все равно.

– Вижу, что отвратительно, – брат Пон засмеялся, и мне стало стыдно.

Ярость и гнев не ушли совсем, но ослабили хватку.

– Надо тебя успокоить, – продолжил монах, извлекая из-под прилавка большой нож. – Иди, помогай... Будешь мне резать фрукты для шейков, а то времени на это нет, народу очень много...

– А почему вы вообще тут торгуете? – спросил я, берясь за скользкую деревянную рукоятку.

– Да вот встретил друга и предложил, что сегодня я за него поработаю, – брат Пон лучезарно улыбнулся подошедшей к нам толстой русской даме. – Давай берись за дело...

Я обогнул макашницу и обнаружил на откидном столике большой таз с фруктами – маленькие тайские арбузы, дыни, ананасы и бананы, манго и напминавшую оранжевые кабачки папайю.

Рюкзак сбросил и сунул себе под ноги.

Монах расположился за прилавком передвижной закуской, виду него был деловой.

Ладно, уж если брат Пон попросил, то можно ему и помочь, забыть про кипящее внутри раздражение и про то, что фаранг, работающий при макашнице, – вообще дело неслыханное и невиданное. Если кто из знакомых пройдет мимо, то, увидев меня за таким

делом, еще и в обморок от удивления свалится.

Начав чистить ананас, я чуть не отрубил себе палец.

– Черт! – выругался я на родном языке, глядя на длинный кровоточащий порез.

Русская дама открыла рот и уставилась на меня круглыми, точно блюдца, глазами.

Но брат Пон отвлек ее, начав предлагать соусы, а я сунул пострадавший палец в рот и сделал вид, что все хорошо. Боль улеглась, я закончил с ананасом и принялся срезать кожуцу с манго, действуя на этот раз намного аккуратнее.

– Никто не в силах ничего сделать с тобой, даже я, – сказал монах, когда дама отошла. – Твое сознание-сокровищница проращивает «семена» прежних деяний, создавая определенные рисунки на стенках того тоннеля восприятия, в котором ты находишься. Отыщи здесь место для вмешательства других людей?

– То, что я его не вижу, не значит, что его нет, – буркнул я. – Вы же можете! Вспомните, как вы успокаивали меня одним прикосновением!

– На самом деле ты сам себя успокаивал, я лишь помогал, – брат Пон покидал кусочки ананаса в блендер, добавил туда же кубиков льда и плеснул воды, после чего прибор зажужжал, лишив нас возможности разговаривать.

Я продолжал резать манго, и с каждым движением мне становилось легче.

Простая работа, легко решаемые, возникающие одна за другой задачи – разобраться с одним фруктом, взяться за следующий, бросить шкурки от банана в мусорный пакет, улыбнуться ждущему шейка ребенку, нацепить на пластиковый стакан крышку, достать новую упаковку трубочек.

Легко забыть, что где-то существуют некие проблемы.

Работника общепита я изображал несколько часов.

Когда светило тронуло боком горизонт, народ повалил с пляжа и поток клиентов иссяк.

– Ну вот, видишь, ты больше не злишься и не говоришь глупости, – сказал брат Пон, вытирая руки полотенцем. – Давай приходи завтра, опять возьмешь в руки этот нож. Так мы с его помощью из тебя за неделю Будду сделаем!

Я улыбнулся.

– Увы, я не могу тут работать... Меня в Паттайе знают многие, если кто увидит...

– Опять эти чужие ожидания и мнения, про которые нужно просто забыть, – монах цокнул языком. – Но даже если так, если ты боишься уничтожить свою драгоценную репутацию богатого и успешного чувака, то как насчет того, чтобы этой работой занялось твое второе «я»?

– Второе «я»?

– То самое, на которое ты медитировал последние дни.

Лысый тип с рыжей бородкой и усами, созданный исключительно силой моего воображения?

– Но он же... это же фальшивая личность! Его не существует! – воскликнул я.

– А та, которую ты привык считать собой, она что, существует? Настоящая?! – отозвался брат Пон, копируя мою интонацию.

На миг я закружился в колесе из дхарм, воспринимая мир как совокупность вспышек-впечатлений. Но через это состояние я проскочил мгновенно, превратился в узел сознания, в семя, выпустившее из себя ряд побегов, отвечающих за разные сорта восприятия.

Куда деть основную личность, себя?.. Не сойду ли я таким образом сука?

Последний, самый длинный, словно обвивался вокруг меня и прорастал внутрь семени, что было и прозрачным, и одновременно непроницаемо черным, и заключало в себя все, и внутренний мир, и внешний.

Я моргнул и вновь стал самим собой.

– То-то и оно, – сказал брат Пон. – Пусть твой лысый друг сидит тут и работает. Переносить восприятие в него ты научился, осталось лишь зафиксировать это состояние... Обрить голову и отпустить бородку – дело плевое, ну и одежду сменить... Родная мама не узнает.

Я задумчиво почесал подбородок: не очень верилось, что я способен на подобное.

Куда деть основную личность, себя?.. Не сойду ли я таким образом с ума?

– А чтобы твой друг больше не зарабатывал порезов, придется вас научить кое-чему... А ну-ка, поведай мне, где в данный момент находится центр твоего сознания?

– В голове, – ответил я.

– А теперь заставь его переместиться в руку! – брат Пон хлопнул в ладоши. – Пускай она станет центром твоего существа, а не волосатый отросток на шее.

– Но как?

– И это спрашивает тот, кто только что пинком открыл дверь в прихожую просветления?

Я мрачно засопел, собираясь заявить, что не имею представления, с чего начать, ведь как бы само собой разумеется, что ты осознаешь все из головы, ею думаешь, смотришь и слушаешь.

– Просто действуй, отодвинь в сторону остатки сомневающейся личности! – настойчиво добавил брат Пон.

Я честно попытался, отстранился от того, что считал собой, от эмоций, мыслей, телесных ощущений и даже воспоминаний о ситуации, в которой очутился...

Снова пережил трансформацию восприятия, и в этом состоянии, когда нет разницы между собой и окружающим миром, постарался как-то расшевелить, качнуть намертво застрявшее внутри черепа сознание.

И провалился в темноту.

Острые зубы вонзились мне в ягодицу, кто-то вырвал кусок плоти из левой пятки, другое существо вцепилось в ухо, третье принялось жевать пальцы руки... Я словно вернулся к костру на старом кладбище, туда, где плоть мою жрали демоны, столь же иллюзорные, как и я сам, как и весь мир...

Но способные причинить настоящую боль.

Очнувшись, я понял, что лежу на песке, башка трещит, все тело болит, а неподалеку шумит море.

– Ничего страшного. Перенапрягся, бывает, – донесся из мрака голос брата Пона.

– Что... произошло? – спросил я, усаживаясь.

Руки, на которые я оперся, едва не подломились, а на лбу от напряжения выступил пот.

– Ты сделал не то, что нужно, а то, что уже делал, ведь повторять всегда проще.

– Но демоны? Откуда они тут? – я нервно огляделся, точно ожидая, что зубастые существа явятся из тьмы и набросятся на меня.

Брат Пон рассмеялся:

– А ты думал, они водятся на заброшенных кладбищах? Они всегда рядом!

Сотовый телефон в кармане моего рюкзака задрожал и испустил залиvistую трель. Вытащив его, я обнаружил на экране незнакомый номер, а поднеся к уху, услышал низкий хриплый голос.

– Фаранг, ты получил наше послание? – спросил он на ломаном английском.

Судя по акценту – таец, и не из тех, что учат язык в университете.

– Какое послание? – уточнил я, ощущая, как грудь изнутри щекочет холодок тревоги.

– Из битого стекла, – мой собеседник рассмеялся. – Понял?

– Ну... да.

Точно, все в стиле девяностых – сначала разгромили мне магазин, теперь звонят.

Наверняка для того, чтобы «забить стрелку» – серьезные вопросы по телефону не решают.

– Тогда приезжай через час на недостроенный магазин, что на Сукхумвите на сорок третьем сои, за автозаправкой.

Я нахмурился, вспоминая, – верно, вроде имелась там заправка, а вот что за ней, в уходящем в сторону от трассы переулке, мне совершенно неизвестно, поскольку я там никогда не появлялся.

Терра инкогнита.

– Не успею, – сказал я, прикинув время. – Пробки сейчас. Вечер.

– Давай через полтора, – согласился мой собеседник. – Чтобы один только был. Никакой суеты. Понятно?

И он отключился.

– Что, это типы, повеселившиеся в твоём магазине? – брат Пон то ли все услышал, то ли догадался, с кем я беседовал.

– Да, – ответил я безрадостно. – Поеду с ними встречаться.

Страх я не испытывал, лишь тревогу и удивление – не ждал, что столкнусь с подобным в Таиланде, где бандюки если и есть, то жируют за счет местных, а дань с фарангов разными способами взимает государство и очень жестко следит за тем, чтобы эта монополия сохранялась.

– Я с тобой! – заявил монах.

– Велели одному приезжать... – попробовал возразить я.

– Они меня не увидят, не бойся. Да и тебе безопаснее, – монах помог мне встать, и мы заковыляли в сторону дорожки, над которой горели фонари.

– А где макашница? – спросил я. – Что со мной вообще произошло?

– Ты отрубился, я отнес тебя на пляж и уложил, а тут и друг мой вернулся. Прихватил деньги, сел за руль и уехал. А завтра мы с тобой снова тут работаем, не забудь.

Я только рукой махнул – какое завтра? Сегодня бы пережить!

Убивать меня или серьезно калечить рэкетеры не будут, я им нужен дееспособным, но могут пару раз дать мне по морде, просто чтобы «размягнуть клиента», сделать его более разговорчивым и податливым.

– Знаешь ли ты, с кем тебя ждет встреча сегодня? – осведомился брат Пон, глядя, как я вытряхиваю песок из сандалий и ерошу шевелюру, чтобы из нее вывалились коловшиеся песчинки.

– С мафией, – буркнул я.

– А вот и нет! – заявил монах весело. – С Темнотой, обретшей форму и имя! Абсолютно пустой и в то же время порождающей все феномены!

Страх я не испытывал – не ждал, что столкнусь с подобным в Таиланде...

Очень хотелось сказать, что не абстрактная «Темнота» устроила мне неприятности, но я смолчал.

– Но ведь эта Темнота, которая Пустота, заключена и в тебе, а значит, ты встречаешься сам с собой, – продолжал разглагольствовать брат Пон, пока мы шагали по пляжу, через

самую обычную тьму, прорезанную островками света возле фонарей.

Эта концепция меня несколько озадачила.

– С образами, возникшими из моего сознания? – уточнил я.

– Совершенно верно. Ты сам – точно такой же образ, тоже порожден сознанием. Ничем от них не отличаешься.

– Ну, я другим «образам» жизнь не порчу! – возразил я.

– Уверен?

Вопрос был откровенно риторическим.

Тут брат Пон на некоторое время замолчал, а заговорил, только когда мы оказались в машине:

– Смотри, зайдем с другого бока... Будда ведь у нас Просветленный, так?

Я кивнул и повернул ключ зажигания.

– А Просветленный он благодаря тому, что обрел всю полноту бодхи-просветления.

Я покосился на монаха – к чему он ведет?

– Состояние же просветленности Будды выражается в том учении-Дхарме, которое он принес в мир, состоящий из обычных дхарм, что существуют мгновение каждая. Следишь за моей мыслью?

– Пытаюсь, – признался я.

Да, я вроде бы следил, но в то же время рулил, стараясь не зацепить припаркованный мотоцикл и лезущую под колеса собаку, черную и мохнатую, как вожак хорошо знакомой мне своры.

– Дхарма равна дхармам, следовательно, просветление-бодхи составляет единое целое с дхармами, с миром, со всеми тысячами вещей, персон и явлений, что легко можно наблюдать вокруг.

– Ну да... – протянул я, хотя вовсе не испытывал уверенности, что понимаю все правильно.

Но, задумавшись о тезисах, озвученных братом Поном, я был вынужден отодвинуть в сторону мысли о предстоящей встрече с бандюками, и вполне вероятно, что хитрый монах того и добивался.

– Источник просветления-бодхи именуется обычно нирваной... – продолжал он. – Лишенная желаний, недостижимая, не прерывная и не непрерывная, не подверженная разрушению, не сотворенная... Выходит, что она, несмотря на упомянутые мной свойства, лежит в основе любых дхарм, даже тех, что образуют привычную для нас сансару.

Голова у меня пошла кругом, я попытался восстановить логическую цепочку с самого начала.

– То есть нирвана и сансара – это не пара противоположностей, это одно и то же? – поинтересовался я жалобно.

– Совершенно верно! – воскликнул брат Пон. – Пребывая в сансаре, мы находимся в то же самое время и в нирване, хотя никоим образом не осознаем этого! Представляешь?

На короткий миг я понял, о чем он говорит, и понимание это было как вспышка белого света, озарившего все мое существо. Оно не помешало мне вести машину, я вовремя затормозил на светофоре и даже не въехал в зад двигавшемуся впереди грузовику.

Времени до встречи оставалось достаточно, поэтому ехал я медленно и осторожно.

Затем понимание исчезло, точнее, ушло из рассудка, оставшись на грани сознания и подсознания.

Вновь брат Пон заговорил, когда мы вывернули на Тепразит.

– Теперь вернемся к перемещению сознания, – непреклонно заявил он. – Работай! Перемещай его В руку!

– Но подходящее ли... – начал я.

– Я тебе уже говорил, что не бывает негодного времени и места для практики, – перебил меня монах.

Я вздохнул и подчинился.

Времени до встречи оставалось достаточно, поэтому ехал я медленно и осторожно, побаиваясь, что в любой момент могу потерять сознание, как это случилось на пляже... Одновременно пытался качнуть центр восприятия, перевести его для начала в плечо, а затем и в кисть, сжимавшую руль.

– Вспомни «растворение в пустоте», – посоветовал брат Пон, видевший, что у меня ничего не выходит. – Уничтожь себя, а потом воссоздай заново, но не вокруг поросшего волосами полушария, а взяв за основу набор мелких костей, подвижных, обтянутых кожей, с роговыми наростами.

Легко сказать – «уничтожь себя»!

Не сидя со скрещенными ногами в тишине лесного вата, а лавируя в потоке машин на оживленной улице!

Самое удивительное, что у меня все получилось, и с такой легкостью, с какой никогда не выходило до этого. Я сохранил обычное сознание и возможность управлять автомобилем, но в то же время растворился, исчез, превратился в висящую в безвидной пустоте точку сознания.

А потом выстроил собственное существо заново.

И на миг, на несколько секунд воспринял себя как причудливое жирафоподобное существо – крохотная голова без глаз и рта на длинном отростке, и к ней крепится все остальное, неуклюжее, громадное тело, другие отростки разной формы, и один с прилепившимися к нему органами чувств.

– Я же говорил, что у тебя получится, – сказал брат Пон.

Я вымученно улыбнулся.

Мимо моего «Ниссана», едва не сшибив зеркало, в этот миг пронесся мотобайщик лет четырнадцати – на байке его мигал включенный для красоты поворотник, а на заднем сиденье красила губы юная барышня в короткой юбочке.

В другой момент я наверняка сказал бы, что по этому поводу думаю, но тут смолчал.

– Ну что, настало время мне самому раствориться, – сообщил монах, потирая руки. – Если твои «друзья» не идиоты, то на подъезде к месту встречи выставили наблюдателя, знающего, как выглядит твоя машина, вооруженного биноклем и сотовым телефоном, да еще и не одного...

– Наверняка, – подтвердил я, и тут понял, что рядом со мной никого нет.

– Брат Пон? – позвал я.

Да нет же, вот он сидит, как ни в чем не бывало, и врывающийся в окошко ветер треплет его черные волосы.

В следующий момент я вижу размытый силуэт, как в фильме «Хищник».

Потом опять ничего...

– Люди первым делом воспринимают не другого, а собственное представление об этом другом, – голос монаха доносился приглушенно, точно из-за прикрытой двери. – Если его убрать... Пшик, и нет ничего.

Магистраль Сукхумвита встретила нас обычным вечерним скоплением машин. Проехав некоторое время в сторону Бангкока, я развернулся и двинул обратно, выглядывая на обочине знак с цифрами «4» и «3».

Его я так и не увидел, зато обнаружил ориентир-заправку и прямо за ней повернул.

Свет фар вырвал из тьмы покосившийся забор с одной стороны и брошенное, недостроенное здание с другой.

– Иди внутрь и не бойся, – прошелестела пустота рядом со мной.

– Я не боюсь, – сказал я, и ничуть не преувеличил.

Страх или тревоги я в этот момент не испытывал – что может сделать одна иллюзия другой, что, не содержащееся внутри моего тоннеля восприятия, меня может ждать?

Я нашарил в бардачке фонарик и выбрался из машины.

Пиликнула сигнализация, узкий луч света заплясал по ржавым арматуринам, торчавшим из бетонного блока, по грудам мусора, что прятались меж толстых квадратных столбов.

– Эй, есть кто?! – позвал я.

Из темноты прикатилось искаженное эхо, и где-то в недрах здания мигнул и погас свет.

Понятно, меня ждут...

Я сделал было шаг вперед, но уловил сверху шорох и остановился, и тут же в лицо ударила волна воздуха. На землю прямо у ног шлепнулся блок то ли бетона, то ли цемента размером с человеческую голову, осколки брызнули в стороны, один чиркнул по моей лодыжке, другой ударил в живот.

Вот тут я ощутил острый укол страха!

Вряд ли эту штуку кинули в меня нарочно, скорее всего, здание просто дышит на ладан и вот-вот развалится!

– Эй, двигай сюда, – сказали из мрака, и я узнал хриплый голос: его обладатель беседовал со мной по телефону.

– А мне ничего на голову не упадет? – спросил я, глядя вверх.

– На это уж воля Будды, – добавил еще кто-то на плохом английском. – Иди сюда. Только в глаза не свети.

Я без торопливости сделал несколько шагов, различил две мужские фигуры: крепкие ребята, вроде бы молодые, облачены в майки без рукавов, джинсы и армейские ботинки.

Наверняка те самые типы, что громили мой магазин.

Кулаки буквально зачесались, накатило желание врезать кое-кому, и сильно, не сдерживаясь.

– Ты все понял? – спросил хриплый.

– Ты нам должен, – добавил второй, наверняка полагававший, что фаранги поголовно тупые и им надо все объяснять.

– С чего бы вдруг? – осведомился я.

– А это ты спроси мистера Чена по прозвищу Одноглазый, – сообщил мне хриплый.

Все поплыло у меня перед глазами, не так, как это бывает при распаде мира на частички-дхармы, а куда более банальным образом, от удивления я на некоторое время лишился дара речи.

Кулаки буквально зачесались, накатило желание врезать кое-кому, и сильно.

Откуда они знают?!

С Одноглазым я познакомился давно, когда только приехал в Таиланд и по глупости верил, что я, умный белый господин, сейчас легко наколочу бабла за счет наивных узкоглазых азиатов. Пересеклись мы в Бангкоке, несколько месяцев крутили дела вместе, и так вышло, что я оказался у него в долгу, счастье еще, что не напрямую, а через одного из подручных.

Влипни я в «просроченный кредит» у самого Чена, меня давно уже нашли бы в реке Чаопрая порезанным на куски.

Потом Одноглазый вместе с подручным исчез с горизонта, вроде бы даже попал в тюрьму или вынужден был уехать из страны, так что я облегченно вздохнул и постарался забыть о долге и обо всей этой истории.

А оно вон как всплыло...

– У тебя три дня, – сказал хриплый, озвучив сумму.

– Не успею, – возразил я, пытаюсь сообразить, где и как добыть столько денег. – Минимум – неделя.

Собеседники мои переглянулись, и второй проговорил с угрозой:

– Ладно, неделя. Но не вздумай брыкаться. Мы знаем, если что, где ты живешь.

Похоже, это о них упоминал охранник в кондо...

Правда, я там больше не обитаю, но неведомо откуда взявшимся вымогателям об этом знать незачем.

– Все, иди. Через неделю мы тебе позвоним, – сказал хриплый.

Развернувшись, я побрел к машине.

Меня никто не тронул, но ощущал я себя в этот момент побитой собакой.

Забравшись в «Ниссан», я несколько минут сидел, пытаюсь собраться с мыслями. Только потом завел мотор и принялся сдавать задом в сторону Сукхумвита – развернуться в узком переулке я бы не смог никоим образом.

– Ну что, как все прошло? – спросил брат Пон, возникая из пустоты рядом со мной.

– А то вы не знаете? – укорил я его. – Наверняка все слышали.

– Даже если бы не слышал, мог бы догадаться, о чем шла речь, – монах усмехнулся.

– Вы ведь предвидели это? – поинтересовался я. – Когда заставили меня съехать? Теперь они хотя бы не смогут меня найти так легко... А я не хотел оставлять апартаменты.

– Мы не в силах постигнуть последствия наших поступков, – сказал брат Пон. – Совершенно не представляем, к чему они приведут, а все, что думаем по этому поводу, чаще всего предназначено исключительно для собственного успокоения. Зато тратим время на оценки... О, вот это хорошее дело, я рад, я его принимаю всеми руками... а вот это мне не нравится, буду отвергать...

Я вздохнул и только в этот момент сообразил, что еду по Сукхумвиту, не зная, куда мы направляемся.

– Давай к обочине, – велел монах. – Для начала тебе нужно успокоиться...

Я включил поворотник, а он начал рассказывать легенду о бедном мальчике, который подал шедшему мимо отшельнику горсть песка, но от всего сердца и искренне, поскольку более ничего дать не мог. Отшельник через некоторое количество воплощений стал Буддой, а мальчик за свое даяние воплотился в образе императора Ашоки, могущественного и мудрого правителя огромной страны.

Выслушав эту историю, я только хмыкнул, а брат Пон тут же поведал мне вторую.

В ней Просветленный был вождем стада обезьян, проживавших в диких горах, на огромном баньяновом дереве, чья вершина упиралась в небо, а одна из ветвей склонялась над рекой.

Брат Пон рассмеялся, а я посмотрел на него с укором, но не выдержал, заулыбался.

– Только не позволяйте плодоносить этой ветке! – смешно прогундосил брат Пон, изображая речь предводителя приматов. – Если она принесет плоды, то не есть нам более сочных и сладких плодов с других ветвей!

Естественно, макаки не уследили, фрукт упал в реку, и его притащило туда, где купался некий царь со своими женами, и от этого у обезьян и их вождя случились крупные неприятности.

– Ну вот, – сказал монах, закончив историю и оценивающе поглядев на меня. – Теперь хоть на человека похож.

– Толку-то! Что делать с вымогателями, где достать деньги? В полицию нельзя... Иначе там могут узнать про Чена Одноглазого и будут рады взять за задницу мерзкого фаранга.

Брат Пон рассмеялся, а я посмотрел на него с укором, а потом не выдержал, тоже заулыбался.

– Поехали, – велел он. – Я знаю, куда тебе надо.

Для начала мы заехали в небольшой ресторанчик, где, к моему удивлению, обнаружился вай-фай. Тут я вспомнил о работе, поспешно вытащил из рюкзака ноутбук и принялся отвечать на письма и обрабатывать заказы, а их за последние три дня насыпалось достаточно.

Интернет-магазин разгромить тоже можно, но это вряд ли под силу тайским бандюкам...

Следующим пунктом нашего назначения стал магазинчик одежды на Секонд-роад, не понтовое заведение с индусом на входе, куда туристов заманивают фразой «Привет, друг» и вытянутой для рукопожатия ладонью, а обычная лавка, где шмотки навалены кипами на полках, стоят копейки, а найти там можно все что угодно.

Тут я стал обладателем рубахи цвета хаки, тяжелых ботинок, пятнистых штанов и толстого ремня.

– Переодевайся, – приказал брат Пон, когда мы со всем этим богатством удалились в подсобку.

Я переоблачился, ежась от прикосновений грубой ткани к коже.

Закончив эту операцию, обнаружил, что монах приволок табурет, а в руке держит хорошо знакомую мне бритву – старинную, опасную, с ржавыми пятнами на острейшем лезвии.

– Нет, – сказал я.

– Да, – возразил он. – Да, я сейчас не лысый, но ведь мы говорили на эту тему?

Делать оказалось нечего, и я уселся на табурет, подставил голову.

Через десять минут улыбающийся хозяин лавчонки принес большое зеркало, и из него на меня глянул мрачный рекрут, вознамерившийся на четвертом десятке связать жизнь с армией.

Он удивительным образом походил на образ, созданный мной во время медитации, не хватало только усов и бородки.

Поймав эту мысль, я испытал мгновенное головокружение, а в следующий миг осознал, что с презрением и недоверием разглядываю сидящего на табурете мягкотелого придурка, непонятно зачем облачившегося в армейку, и раздумываю, не дать ли ему по физиономии...

– Теперь ты понимаешь, зачем все это затеяно! – с удовлетворением в голосе сказал брат Пон.

Я вновь был самим собой... но не совсем.

Ощущалась некая раздвоенность восприятия, я словно одновременно смотрел через две пары глаз, слушал двумя парами ушей и даже испытывал два мало похожих друг на друга потока эмоций, один намного более яркий, более громкий, как бы находящийся на переднем плане!

Но я осознавал, что стоит мне «повернуть выключатель», приложить некое усилие, как они поменяются местами.

– Укрепляем мое второе «я», фальшивую личность? – уточнил я.

– Само собой. Мне до ужаса нужен бесплатный работник, чтобы манго кромсать! – и монах удовлетворенно потер руки. – Дело доведем до конца утром, а сейчас на ночлег.

– В подвал на Сои Бокао? – уточнил я, поднимаясь.

– Не совсем, – загадочно ответил брат Пон.

Направились мы на север, в сторону Наклыа, проехали мимо фонтана со вставшими на хвост дельфинами – одного из символов Паттайи. Запарковаться мне пришлось на крохотном пяточке позади мастерской по ремонту мотобайков.

Работавший в ней кудлатый таец посмотрел на меня мрачно, но, увидев брата Пона, заулыбался и приветственно махнул рукой.

– Откуда все вас знают? – спросил я недоверчиво.

– Не все, но многие, – ответил монах, приглаживая вовсе не подходившую служителю Будды шевелюру. – Неужели ты думаешь, что я всю жизнь просидел в глуши?

Честно говоря, насчет прошлого брата Пона я давно не строил догадок.

Мы перешли Наклыа-роад и двинулись в сторону моря даже не по переулку, а по узкой щели между домами. Едва сделали несколько шагов, как куча тряпья под одной из стен впереди зашевелилась и села, превратившись в человека.

Черные волосы его были грязны и спутаны, закрывали лицо и падали до лопаток. Через майку в прорехах виднелись тощие ребра, впалый живот, шею украшали царапины, различимые даже во мраке.

– Са ват ди храп, – сказал монах и получил в ответ неразборчивое мычание.

Человек улегся обратно, а мы прошли мимо, причем я уловил мощный запах перегара.

Еще через десять метров под ногами заскрипел песок, впереди открылось море. Дома остались позади, вправо и влево протянулась узкая полоса пляжа, но вовсе не такого, куда приходят купаться туристы.

Судя по запаху гниющего мусора, неподалеку располагалась свалка, с одной стороны виднелся остов рыбацкого корабля, лежащий на боку, наполовину разрушенный, с другой – дрожали оранжевые лепестки небольшого костра, можно было различить сидевших вокруг него людей.

– Вот, нам сюда, – сказал брат Пон.

Мы сделали несколько шагов, и я понял, что рядом с огнем расположились типичные тайские бомжи – заросшие и небритые, грязные и вонючие, облаченные в невероятное тряпье.

Куча тряпья под одной из стен зашевелилась и села, превратившись в человека.

Отвращение поднялось в душе, но, поскольку я ему не поддался, тут же отступило.

Зато недоумение осталось.

– Зачем? – спросил я.

– Ну я же говорил тебе, что научиться кое-чему можно у любого встречного, – ответил брат Пон и принялся по очереди здороваться с сидевшими вокруг пламени клошарами.

Они радостно ухали, гнилозубо улыбались и даже делали ваи!

Один из бомжей таскал на себе кучу всяких железяк вроде цепочек, брелочков и

маленьких замков и тихо позвякивал при всяком движении. Другой мог похвастаться узлом из волос на макушке, третий был настолько мал ростом, что сошел бы за ребенка, если бы не лицо в морщинах и жидкая бороденка.

Меня удостоили нескольких кивков, я поклонился в ответ.

– И чему можно у них научиться? – спросил я, когда мы уселись на песок.

– Хотя бы отношению к смерти, – сказал брат Пон. – Им нечего терять и бояться. Каждый готов уйти из этой жизни, не цепляясь за тело, за богатства, друзей и родичей... Как сказал один из древних, могучие и гордые цари одолевают армии из пехотинцев, конницы, слонов и колесниц, но победить врага единственного – смерть – не могут... Вот львы, вонзая когти в виски слонов, сбивают пыль своих врагов и уши рассекают им, но, встретившись со смертью, засыпают, лишившись гордости и сил... Змеи людей кусают острыми зубами, несущими огонь смертельный яда, но даже не пытаются ужалить смерть...

Среди жаркой весенней ночи повеяло холодом, и я невольно поежился.

– Я еще побеседую немного с нашими хозяевами, – продолжил монах после паузы. – Ты же ложись и спи, и вспомни осознание во сне, наверняка давно его не пробовал?

Я покаянно кивнул – это упражнение я и в самом деле забросил.

Да и нельзя сказать, чтобы оно у меня когда-то получалось по-настоящему...

– Вот тебе, держи, – брат Пон извлек из рюкзака свернутую пляжную подстилку. – Подушки нет, уж извини.

Я улегся чуть в стороне, так, чтобы не мешали возгласы и взрывы смеха.

Начал, как полагалось, со смрити, полного осознания, но войти в него я не смог. Поначалу с помощью «это не я, это не мое» растворил и ослабил приправленное раздражением удивление по поводу того, что вымогатели откуда-то знают про Чена Одноглазого. Зато потом меня одолели раздумья на тему «где достать денег» и сомнения типа «какого черта я тут валяюсь на берегу с вонючими бомжами».

Я ворочался, злился на себя, пока не провалился в тяжелый сон.

Бусины на четках

Никто в этой жизни ничего с нами не делает. Просто в силу того, что другие существа не в состоянии проникнуть в наш кокон восприятия.

События, что происходят вокруг, целиком и полностью рождаются из нашего сознания, из его нынешнего состояния и из тех состояний, через которые оно проходило ранее.

Да, деревья качаются, когда дует ветер, но глупо их обвинять и проклинать, когда с головы сорвало бейсболку. Никто не в силах причинить нам вреда.

Люди, якобы угнетающие нас, обижающие, мешающие нам жить, – лишь образы, отражения неких внутренних тенденций, которые должны быть воплощены тем или иным образом. В том, что они появились в нашей жизни, да так ярко и болезненно, можно упрекать только себя и никого иного.

* * *

Мы принимаем как данность, что центр восприятия и осознания намертво зафиксирован в голове, где-то за глазами, между ушей.

На самом деле это его положение определяется исключительно силой привычки.

Привычку эту можно ослабить или даже вовсе уничтожить, по собственному выбору перемещая центр восприятия в любое другое место тела: самый простой и безопасный вариант – в руку или ногу.

На первом этапе может помочь описанное ранее «растворение в пустоте».

Когда тело целиком будет уничтожено, нужно воссоздать его заново, только начать, скажем, с левой ладони, куда и поместить себя, а уже все остальное отращивать от нее, запястье, предплечье, плечо, грудь и шею...

Другой вариант, более сложный, – перестроить сознание так, что оно переместится в одну из конечностей.

И в том, и в другом случае результатом будет необычное состояние восприятия, осознание собственного тела в совершенно ином формате.

Ну а еще – полностью осознанная и разрушенная привычка.

* * *

Мы не в силах предсказать последствия собственных поступков, не можем предвидеть, к чему приведет тот или иной шаг, какая цепочка событий родится из того или иного выбора.

Поэтому нет ничего глупее, чем отвергать то, что приносит нам жизнь, накладывать на многоцветный поток событий решетку собственных мелких предпочтений или тусклое стекло стереотипов – это вот замечательно, этому я радуюсь, а это печально, надо впадать в горе и рвать на себе волосы.

То, что выглядит неудачей, может оказаться преддверием огромного успеха, а «шаг вперед» приведет в тупик или на край пропасти.

Глава 3

Большое Отшельничество

Естественно, никакого осознания во сне у меня не получилось.

А проснулся я от холода, заочневший так, словно ночевал в снегу где-нибудь на Таймыре.

Во сне скатился с покрывала и физиономией въехал в колючий песок.

– С добрым утром, – радостно заявил брат Пон, то ли вставший раньше меня, то ли вообще не ложившийся.

– С добрым, – ответил я, садясь.

Солнце взошло, но подняться над домами не успело, так что мы находились в тени. Кострище слабо дымилось, бомжи, закутанные в тряпье и распростертые на песке в живописных позах, храпели, свистели носами и причмокивали, точно изображая ансамбль телесных «инструментов».

Скрыть свой дискомфорт я даже не пытался, прекрасно знал, что монах все заметит.

– У меня ощущение, что долгое обучение у вас ни к чему не привело. Все зря, – заявил я, хлопая себя по плечам, чтобы согреться. – Ради чего я медитировал и работал? Учился воспринимать мир с точки зрения истинного сознания и созерцать потоки дхарм... Если я так же злюсь и раздражаюсь, боюсь и испытываю неприязнь к людям! Зачем все?!

– Тихо, людей разбудишь, – брат Пон прижал палец к губам. – Так же, но и не так. Теперь ты осознаешь каждое свое состояние, пусть не самое благое, и тем самым лишаешь его корней... Эмоции твои стали неглубокими, отношение к жизни – иным. Ничто не в состоянии теперь по-настоящему вывести тебя из равновесия, даже самые неожиданные и неприятные ситуации... Изнутри это видно хуже, чем со стороны, поверь.

Я задумался – ну да, в чем-то он прав...

За несколько дней я лишился удобного и привычного жилья, столкнулся с рэкетом в стиле российских девяностых и при этом не впал в тотальное бешенство или уныние, а продолжил действовать спокойно и целенаправленно.

Когда нечто подобное случалось со мной ранее, я злился, начинал кидаться на окружающих, винить их во всех смертных грехах, а сейчас я не ощутил даже желания так поступить...

Ну да, один раз напустился на брата Пона, но быстро пришел в себя.

За несколько дней я лишился жилья, столкнулся с рэкетом, но не впал в уныние.

– А то, что тебя мотает туда-сюда от отчаяния к блаженству, – так это нормально, – продолжил монах. – Вспомни шесть миров, в каждом из которых может воплотиться осознание... На самом деле они существуют и внутри человека, вот в один миг ты чувствуешь себя всемогущим богом, окруженным наслаждением, а в следующий момент ты животное, способное лишь скулить от боли и рычать от злости, через час ты голодный дух, и алчность твоя неутолима – к деньгам, к сексу, к прекрасным вещам... Но колесо вращается, и ты падаешь в бездны мучений, где нет ничего, кроме терзаемой плоти и боли, а выныривая оттуда, начинаешь думать так, как это свойственно лишь человеку, или сражаться, как полубоги-асуры...

– Миры внутри нас? – спросил я с улыбкой. – Но в то же время и снаружи?

Я согрелся, утренняя мрачность ушла, да и пока мы болтали, над крышами выстроившихся вдоль берега хибар поднялось солнце.

– Совершенно верно, – подтвердил брат Пон. – Хотя что внутри, а что снаружи? Существует только лишь сознание, а оно включает все...

– Но что мне делать с вымогателями? – решился спросить я, видя, что монах сегодня на диво разговорчив.

Вдруг ответит?

– Есть один способ, – заявил он, торжественно хмурясь. – Сто процентов успеха. Изменить это самое сознание так, чтобы проблема перестала существовать!

Брат Пон заулыбался, глядя на мою не самую довольную физиономию, и добавил:

– Неужели ты ждал, что я предложу тебе принести в жертву пару черных свиней? Или вытащу из кармана секретную медитацию против врагов, деньги вымогающих? Порекомендую тебе читать молитвы зеленому Амогасиддхи каждый день по восемь раз?

Ну да, чего еще от него ждать?!

– А теперь поехали, – монах проворно вскочил, подцепил с песка свой рюкзак. – Дела не ждут!

Для начала мы отправились в ближайшую автомастерскую, где брат Пон долго и оживленно о чем-то разговаривал по-тайски с хозяином, а потом с деловым видом поинтересовался у меня:

– Ты что предпочитаешь? Бежевый или зеленый?

– Зеленый, – отозвался я. – Но что вы хотите делать?

– Перекрасить твой «Ниссан», – виду монаха был невинный, как у мальчишки, только что запустившего руку в банку с вареньем. – Меняться, так меняться основательно.

– Но зачем... Могут быть проблемы... – попробовал возразить я, хоть и без души.

Сам понимал, что на серьезную проверку документов на тайских дорогах нарваться почти нереально.

– Зато твои алчные «друзья» больше не смогут за тобой следить, – сказал брат Пон. – А если что, то я тебя прикрою...

Он использовал словосочетание «get your ass covered» и в очередной раз удивил меня своими познаниями в английском.

Услышав подобное, я заткнулся и молча смотрел, как мою машину деловито и быстро перекрашивают. Из благородно-черной она стала противно-салатовой, но стоит признать, что совершенно неузнаваемой.

А затем мы отправились на пляж, тот самый, где брат Пон работал вчера.

Владелец макашницы встретил нас улыбкой, широкой, точно Волга у Астрахани. Продемонстрировал, что крошечная закусочная на колесах «заправлена» всем, чем нужно, от пластиковой посуды до бензина и свежих продуктов, после чего удалился, беззаботно насвистывая.

– Ну вот, принимайся за дело, – сказал брат Пон, когда мы остались вдвоем. – Сначала медитируй на объект, затем переноси сознание в него, ведь ты справедливо заметил, что столь великий и важный фаранг, как ты сам, не может снизойти до такой низменной работы.

Монах заслуживал как минимум звания мастера спорта по ехидству.

Я не вздрогнул, лишь бросил на Аню мимолетный взгляд и продолжил кромсать манго.

Я уселся на стульчик и принялся за медитацию, одновременно занимаясь фруктами.

К тому моменту, как подошел первый клиент, я видел свое альтер-эго так же четко, как и проходивших мимо людей: мрачный рыжебородый чувак, одетый совсем не для пляжа, наверняка из великовозрастных хиппи, что встречаются порой в забытых богом уголках Таиланда, разве что без хайра до лопаток.

Смена перспективы далась мне намного легче, чем в предыдущий раз, и уже я обычный стоял в стороне от макашницы и растерянно озирался, будто не понимая, как попал на пляж к «Паттайя Парку».

Только мысль «а как я в этот момент выгляжу для наблюдателя со стороны?» выбила меня из этого состояния.

– Ничего, пробуй еще, – сказал брат Пон. – И заодно двигай сознание по телу.

В сдвоенную задачу я погрузился с головой и на некоторое время забыл обо всем. Ухитрился сделать из себя существо с центром восприятия в правой ноге, в слепом отростке, засунутом в неудобную оболочку из кожи.

А потом обнаружил, что рядом с макашницей стоит Аня.

Выглядела она, как всегда, сногшибательно – грива рыжих волос, парео обернуто вокруг изящной фигуры, на правой лодыжке крохотная татуировка в виде розочки. Только вот виду нее был удивительно неуверенный, она смотрела на меня, кусая губы и поглаживая себя по подбородку.

– Шейк, мисс? – спросил брат Пон.

Я же, что удивительно, даже не вздрогнул, лишь бросил на Аню мимолетный взгляд и продолжил деловито кромсать манго. Да еще и чертыхнулся напоказ по-английски и принялся сосать якобы порезанный палец.

– Нет, спасибо, – сказала она и зашагала прочь.

– Видишь, ты в самом деле стал другим человеком! – монах хлопнул меня по плечу. – Это же так просто.

Я в ответ лишь мрачно вздохнул, а спросил неожиданно для себя о другом:

– Почему вы никогда раньше мне не говорили, что нирвана и сансара – это одно?

– А ты бы понял? Если ты и сейчас не понимаешь? – брат Пон глянул на меня с сочувственной улыбкой. – Если плоды на ветвях не созрели, то дерево трясти бесполезно, ничего с него не свалится, разве только птичье гнездо.

Он отвлекся, чтобы сделать банановый шейк для клиента, а затем продолжил:

– Вспомни, что я говорил тебе о сансаре, привычном мире, который тебя окружает. Он порожден тобой, твоим сознанием, омраченным невежеством, алчностью и ненавистью. Причиной его появления служит сам себя поддерживающий процесс возникновения и прорастания «семян» кармы, и управляет им алая-виджняна, сознание-сокровищница.

Я заскрипел мозгами, вспоминая – да, это брат Пон излагал, и не раз.

– Нирвана начинается с того, что мы этот процесс останавливаем, – сказал монах, дав мне время, чтобы переварить информацию и очистить новый арбуз. – Вспоминай. «Поворот в основании», тот момент, когда сознание-сокровищница оказывается направлена сама на себя... Он запускает другой процесс, тоже сам себя поддерживающий, но уже «чистый», не связанный с «семенами».

– И тут процесс, и там процесс, – от обилия сведений, да еще и от жары голова у меня загудела.

– Совершенно верно. Нирвана непознаваема и неопишуема, но и сансара тоже! Любые попытки описать ее приведут к тому, что мы создадим поверхностную и неполную, искаженную картинку! Кому по силам охватить разумом всю совокупность феноменов, вещей и существ, что являются нам в ярких образах? Разве что Будде!

Брат Пон замолк и глянул на меня скептически.

– Ладно, хватит на сегодня, – сказал он. – Работай, но помни, кто ты и где ты...

Я кивнул и взялся за большую папайю.

Осуществить «переключение личностей» мне удалось, а вот передвинуть восприятие на этот раз я не сумел. От бесплодных попыток голова заболела сильнее, в затылке возникла пульсация, а руки начали неметь.

Брат Пон дал мне отдохнуть полчаса, и я позвонил Виктору, чтобы узнать, как дела в магазине.

Выяснил, что все в порядке, завтра можно открываться, но когда вернулся к макашнице, понял, что перерыв не помог – башка так же трещала, перед глазами плыли огненные кольца, и еще я потел так, будто сидел в парной.

Успел еще выдавить «что-то мне нехорошо», после чего отключился.

Мне было одновременно и жарко, и холодно, тело сотрясали волны озноба.

При этом я воспринимал себя не человеком, а являлся чем-то вроде громадных песочных часов, и сознание мое сосредотачивалось в самой узкой их части, в перемычке. Именно через нее, обдирая стенки шершавыми боками, протискивались по несколько штук песчинки-дхармы разного цвета и формы.

Стеклянная чаша, лежавшая сверху, содержала барханы будущего, снизу громоздились дюны прошлого.

Сколько продлилось это мерзкое состояние, я не знал, но вынырнул из него с облегчением. Понял, что лежу на кровати, на настоящей, с простыней и подушками, в большой светлой комнате.

– Очнулся? – в дверь заглянул брат Пон. – Отлично! Сколько можно валяться?

– Что?.. Где?.. – выдавил я, но монах отвечать не стал.

– Наверняка в туалет хочешь. Давай я провожу, – заявил он.

И точно, мочевого пузырь сигнализировал, что вот-вот лопнет.

Пока я, шатаюсь, ковылял до санузла и обратно, сумел разглядеть обстановку – похоже, судьба занесла меня на огромную, совершенно роскошную виллу, с бассейном и садом за окнами, с высоким забором вокруг.

Людей я не видел, в здании и окрестностях царила полная тишина, лишь шелестели на ветру листья пальм.

– Где... мы? – повторил я, снова укладываясь на кровать. – Что... случилось?

Прогулка до туалета выпила из меня все силы, я вспотел и начал задыхаться.

Я понял, что лежу на кровати, на самой настоящей, в большой светлой комнате.

Не иначе я перегрелся, проведя целый день на пляже, хоть и в тени деревьев, и поймал солнечный удар. А вообще стал чем-то вроде девочки-институтки дворянских кровей – что ни день, то обморок.

Пора обзаводиться веером и библиотекой из сентиментальных романов.

– Мы слишком резво взялись за дело, вот ты и не выдержал, – брат Пон уселся на пол, скрестив ноги. – Попытались за несколько дней освоить то, на что в обычных условиях уходят месяцы. Дом же этот принадлежит моим друзьям, и они пустили нас сюда пожить на несколько дней.

– Машина! – вспомнил я.

– С ней все в порядке, стоит во дворе, – успокоил меня монах. – Есть хочешь? Воды?

Голода я не ощущал, а вот жажда меня мучила.

Я думал, что вскоре снова потеряю сознание или просто усну, но нет, остался в сознании и к вечеру достаточно окреп, чтобы брат Пон затеял со мной новую беседу.

– О том, что существует только лишь сознание, ты прекрасно знаешь, – сказал он. – Нужно лишь уточнить, что проявляет оно себя в первую очередь в такой штуке, как восприятие. Оно же регулируется вниманием, и именно этим предметом мы с тобой все это время и занимались.

После краткого размышления я кивнул.

Действительно, почти все упражнения, какие я выполнял, имели отношение к вниманию и восприятию – начиная с банального счета вдохов, продолжая через полное осознание и «установление в памяти» и заканчивая такой причудливой практикой, как «собрание объекта».

– В каких условиях воспринимать, мы выбирать не можем, – продолжил брат Пон, внимательно глядя на меня: вряд ли он хотел еще раз переждать и вызвать новый обморок. – Карма предлагает нам определенный набор обстоятельств, внутри которого мы существуем. Выставляет перед нами колоссальную витрину, набитую разными вещами. Тут и одежда, и еда, и игрушки, и оружие, чего только нет... Многие тысячи предметов.

Монах ненадолго замолчал, и я услышал мягкое шуршание кондиционера в соседней комнате.

– А вот на что обратить внимание – мы выбираем сами, и в этом наша свобода. Хотя чаще всего мы ее упускаем из рук, отдаемся во владение страстей – голодный в первую очередь вытарщится на еду, не видя ничего больше, скупец будет глядеть на золото и драгоценности, трус схватится за оружие, женщина ринется перебирать тряпки...

– Но витрины у всех разные? – уточнил я.

– И по ассортименту, и по размеру, – подтвердил брат Пон. – Но выбор есть всегда. Надо только помнить о нем, знать, что в каждый момент ты свободен в том, какие аспекты, грани реальности «подсвечивать» с помощью своего внимания, собирая из них свой мир.

Я нахмурился и почесал в затылке:

– Вот я могу считать, что мучаюсь тут, прикован к кровати, все плохо... или могу решить, что это такой отдых на прекрасной вилле, где ничто меня не тревожит и не беспокоит... Но ведь сама вилла, и кровать, и состояние моего тела никак не изменятся!

– Уверен? – брат Пон прищурился. – Попробовать не хочешь? Хотя не стоит... Сейчас ты слишком слаб... Отдыхай.

И он ушел, погасив свет в комнате.

Осталась только луна, светившая в окно, точно громадный фонарь.

Спал я великолепно, без видений, и проснулся бодрым, как огурец.

Я беспомощно посмотрел на брата Пона и издевается, что ли?

После завтрака узнал у брата Пона, что в доме есть вай-фай, и полез в Интернет работать. К полудню сделал несколько звонков, покончил с делами и собрался искупаться в бассейне, но тут монах, пропадавший на втором этаже, появился снова.

– Совсем другое дело, – сказал он, оглядывая меня пронзительными черными глазами. – Полагаю, что тебе станет еще лучше, если ты научишься уничтожать карму. Просто и элегантно.

– И как? – о бассейне я в этот момент напрочь забыл.

– Один из древних сказал, что следы прежних деяний неотделимы от нас, как тень или эхо, – брат Пон уселся на пол, скрестив ноги, и с азартной улыбкой потер ладони. – Поэтому ты должен уметь избавляться от того и другого.

– Что? – я заморгал. – Но как? Это же невозможно!

– Я тебе уже говорил, что в этом мире возможно все. Начнем с эха, это проще. Крикни чего-нибудь.

– Чего-нибудь! – рявкнул я сердито и услышал, как мой голос отдался в углах.

– Отлично! – монах радостно осклабился. – Теперь крикни так, чтобы эха не было.

Я беспомощно посмотрел на него – издевается, что ли?

Но даже если и издевается, то не просто так, а с определенной целью, как-то связанной с моим обучением, которое вовсе и не обучение, поскольку учить меня на самом деле нечему и незачем.

Тут я понял, что несколько запутался.

– Смотри, карма-действие бывает видимая и невидимая, – сказал брат Пон мягко. – Первая определяет то, каким образом, в каком порядке располагаются элементы чувственного мира, какие объекты из них формируются, что за обстоятельства возникают... Это тебе понятно?

– Ну да, – признал я.

– Но есть еще и невидимая, это тот нравственный оттенок, то содержание, настроение, духовная сердцевина, что кроется внутри элементов видимой кармы. Например, для туриста посещение храма Изумрудного Будды в Бангкоке имеет один смысл, а для верующего буддиста – другой, хотя внешне и то и другое может выглядеть одинаково...

Концепцию я уловил, хотя не факт, что смог бы сам толком ее объяснить.

– Так вот, упражнения, которые я тебе предлагаю, как раз и предназначены для того, чтобы слегка ослабить фиксацию невидимой кармы, тех представлений и шаблонов сознания, что давят на нас хуже железных цепей, – закончив объяснение, монах просиял, точно выглянувшее из-за черных туч солнышко. – Так что давай, кричи, не стесняйся.

– Что-нибудь! – завопил я еще раз, но эхо и не подумало исчезать.

– Еще раз, – велел монах.

Мы тренировались целый час, пока я не охрип, но толку, на мой взгляд, никакого не было – мои вопли звучали уныло, будто карканье одинокой замерзшей вороны, но порождали отголоски так же, как и всегда.

Но брата Пона это ничуть не расстроило.

– Замечательно, – сказал он. – Теперь садись спиной к окну, чтобы видеть тень.

Я выполнил это указание и получил от монаха метелку вроде той, какой тайки смахивают пыль с мебели.

Услышав «стирай ее», я не стал ничего спрашивать, а послушно заелозил метелкой по полу. Тень заколыхалась, поскольку я сам двигался, но исчезать или хотя бы истончаться не подумала.

– Это бессмысленно! – сердито воскликнул я. – Как воду решетом носить!

Английского аналога для решета я не знал, поэтому пришлось использовать русское слово, а потом еще и объяснить брату Пону, что оно означает.

– Полезная штука, – сказал он с хищным блеском в глазах. – Надо будет завести. Для учеников, ха-ха. А ты мети, не отвлекайся, карма ждать не будет, пусть ее и не видно!

Этим бессмысленным делом я занимался до самого вечера, пока не стемнело и тень не исчезла по естественным причинам.

– Не зря старался, – сообщил монах. – Теперь можно и поесть с чистой совестью. Завтра же с утра мы покинем это благословенное убежище, поскольку ты здоров и делать нам тут нечего.

Эта новость меня, мягко говоря, не обрадовала.

– А почему мы не можем остаться? – спросил я, морщась от прозвучавшего в голосе недовольства. – Тихо, спокойно, просторно, никто не мешает, хозяева вроде бы не выгоняют, можно заниматься чем угодно.

«В том числе и работать», – подумал я, но озвучивать эту мысль не стал.

– Мудрецы прежних времен практиковали Малое Отшельничество и Большое Отшельничество, – сказал брат Пон задумчиво. – Малое – вдали от людей, в лесу, в горах. Чтобы никто не мешал медитировать, никаких соблазнов рядом не было... Прекрасно ведь, правда?

И он замолчал, изучающе глядя на меня.

– А что такое Большое? – осведомился я, чтобы прервать затянувшееся, неуютное молчание.

– В людской толчее, на рынках и в харчевнях, где кишмя кишат низменные страсти. Малое ты уже прошел, взял от него все, что тебе сейчас нужно, и настало время Большого, – говорил монах без упрека, с мягкой улыбкой, но я все равно чувствовал себя как в школе, на уроке математики, когда тебя вызвали к доске, а домашнее задание не сделано. – Понимаешь, можно просидеть десять лет в пещере, обзавестись прекрасными добродетелями, но они разлетятся вдребезги при первой же встрече с простым, грубым человеком... То, насколько ты хорош, проверяется не в уединении, а меж себе подобных. Если же кто-то всю жизнь проводит в уединении, занимаясь только собой, то это не всегда признак больших духовных достижений...

Но все эти объяснения не смогли развеять моего мрачного настроения.

Ночевать в кровати на вилле мне понравилось больше, чем в подвале или на пляже, и уезжать отсюда я не хотел.

Следующим утром, едва я успел продрать глаза, мне позвонил юрист-таец, консультировавший меня много лет, и ласково сообщил, что прямо сегодня мы с ним должны посетить Налоговый департамент, чтобы прояснить кое-какие моменты работы моей фирмы, и что мое присутствие обязательно.

Ночевать на вилле мне понравилось больше, чем в подвале, и уезжать я не хотел.

Да уж, от фискальных служб ни в пещере, ни в джунглях не спрячешься.

Машина ждала во дворе, у ворот, и ключи лежали на переднем сиденье.

Все вроде с ней было в порядке, но в новом «окрасе» она выглядела дико, меня одолевало желание сморгнуть или встряхнуть головой, чтобы галлюцинация рассеялась и все стало как раньше.

– Вы сами сели за руль? – спросил я, недоверчиво покосившись на брата Пона. – Когда мы сюда ехали?

– А чего, дело нехитрое, – отозвался тот. – Крути эту штуку, дави педали.

Я только головой покачал.

Я сел в машину, а монах зашагал к воротам, потащил створку в сторону, заскрипели петли. Открылся узкий переулочек между двумя высокими заборами, и под тем, что принадлежал вилле на другой стороне, обнаружили трое необычайно мускулистых и лохматых оборванцев, что сидели на корточках.

Когда я двинул машину с места, нечто произошло у меня со зрением, и я обнаружил, что вижу не людей, а громадных, напоминающих горилл существ, покрытых рыжим мехом, с пылающими глазами и когтями на лапах.

Я ударил по тормозам так, что те взвизгнули.

– Что такое? – спросил брат Пон, заглядывая в боковое окно.

– Там... там... – промямлил я, поднимая трясущуюся руку. – Они... э-э... э...

Рыжие великаны глядели на меня с любопытством, скалили зубы, каких утратился бы и тигр. Один, самый большой, поглаживал бороду, второй дергал похажив на ослиное ухо, отгоняя мух.

– А, всего лишь якши, – сказал монах равнодушно. – Не обращай внимания. Помнишь, я же говорил, что рядом с нами живут самые разные существа, только мы их не замечаем...

– Ну... да... – я моргнул, и косматые чудища вновь превратились в людей.

Когда «Ниссан» выкатился в переулок, якши без слов посторонились и даже заулыбались. Брат Пон захлопнул ворота, уселся рядом со мной, и я газанул так, что пыль полетела из-под колес.

Монах засмеялся.

– Бояться их нет смысла, ведь это только лишь образы твоего сознания, – сказал он. – Единственное правильное отношение к существам подобного вида, как и любого другого, кстати, заключается в сострадании.

– Это что, я должен их пожалеть?

– Нет, – брат Пон покачал головой. – Жалость своекорыстна, жалеем мы лишь себя. Только ставим в этот момент на место страдальца горячо любимое эго, которое и оплакиваем. Сострадание же выглядит совсем иначе, его способен по-настоящему испытывать лишь тот, кто в значительной степени избавился от невежества и тирании «я», именно поэтому я тебе о нем не говорил. Ага, тут вот направо, потом налево...

Когда впереди показалась большая дорога, я понял, где мы находимся – один из поселков к югу от Паттайи, за «Амбассадором», «Дор Шадой» и прочими отелями-муравейниками для туристов-матрасников.

До центра города минут сорок, не меньше.

– И для тебя, я думаю, настало время учиться осознанно практиковать сострадание, – заявил брат Пон.

– Но как это сделать?

Жалость – это лишь эмоция, сострадание – это активное, деятельное отношение.

– Разберем пример, – он усмехнулся, и я поежился: знаем мы эти «примеры» от неправильного монаха. – Вот на тебя орет некий гнусный человек. Знакомая ситуация... Вместо того чтобы злиться, ты начинаешь думать о том, что это часть твоего сознания, выражающая ненависть, а значит, не затронутая просветлением... Воспринимаешь его как элемент собственной сущности, нуждающийся в исцелении и очищении!

– Ничего себе, – пробормотал я. – Это же сложно!

– По сравнению с тем, что ты уже делал, – как слона по боку похлопать, – проговорил брат Пон с уверенным видом заслуженного и мастеровитого слонохлопа. – Понимаешь теперь, в чем разница между жалостью и состраданием?

И, не дожидаясь ответа, он пояснил:

– Жалость – это лишь эмоция, сострадание – это активное, деятельное отношение. Первая ничего не меняет в тебе, второе делает тебя другим, смещает точку восприятия.

И, не давая мне опомниться, он начал рассказывать байку про некоего царя, что прямо-таки был сам не свой до духовных подвигов и поэтому любому, кто заходил к нему в гости, отдавал все, что бы у него ни попросили.

И вот однажды к этому монарху явились трое злобных и кровожадных якши.

Поначалу, чтобы проникнуть во дворец, они замаскировались с помощью чар, ну а уже там явили себя во всей красе и потребовали что-то вроде «А ну давай нам свежего, теплого человеческого мяса и кровушки побольше, а все прочее, и золото, и драгоценности, можешь засунуть себе в афедрон».

Ну и царь вместо того, чтобы кликнуть стражу и выгнать людоедов взащей, преисполнился сострадания и решил никого больше не беспокоить, накормить гостей кусками своего мяса, а для начала позвал врачей отворить себе жилы и пустить кровь.

Якши от нее не отказались, но когда царь принялся резать собственное тело, он и сам обрел просветление, а вместе с ним получили его и людоеды.

– Так что, я должен был тех парней собой накормить? – спросил я шутливо.

– Ну уж нет, таких подвигов я от тебя не жду, – в том же тоне ответил брат Пон. – Только сострадание ты теперь начнешь практиковать при каждом удобном случае, вот хотя бы к тому придурку на синей «Гойоте» в правом ряду...

Монаха, собравшегося на работу, я высадил на пересечении Тепразита с Таппрайей, а сам поехал в Налоговый департамент.

Думал, что наставления брата Пона пригодятся уже там, но, к моему удивлению, нас с консультантом встретили очень любезно. Изумился я еще сильнее, когда выяснилось, что у них всего-навсего потерялось несколько бумажек за позапрошлый год и что в преддверии какой-то неплановой проверки надо заново их предоставить.

Ничего, распечатать и привезти документ – небольшая проблема.

Непонятно только, зачем в департамент вызвали меня самого и почему все нельзя было решить по телефону? Или проверяли не фаранга, который является по документам хозяином фирмы, а консультанта-юриста, ведущего всю отчетность, и хотели убедиться, что я существую на самом деле?

Поэтому вышел я от налоговиков в хорошем расположении духа и решил заехать к Андрюхе, тому самому другу, день рождения которого мы несколько дней назад отмечали в «Облико морале».

Крохотный закуток, где он торговал экскурсиями, располагался неподалеку, на одной из сои Джомтьена.

– Привет-привет, – сказал его хозяин, увидев меня. – Ты как вообще сам?

– В порядке, – ответил я и уселся на стул для клиентов. – Как дело идет?

– Да нормально, – Андрюха, в отличие от многих русских паттайцев, не любил прибедняться: я прекрасно знал, что ему принадлежат еще две такие точки, одна на Секонд-роад, другая на «русском пятакке» в районе Кози-бич, и что зарабатывает он достаточно.

Так что не обеднеет, если даст мне займы несколько тысяч долларов.

– Сам как? – повторил он, глядя на меня без привычного дружелюбия, как-то неуверенно. – Чего обрился и одет странно? Слухи пошли, что ты из кондо своего съехал. Правда?

– Правда, – вынужден был признать я. – Смена имиджа и образа жизни, все такое.

– А где обитаешь?

Врать я не хотел по разным причинам и ответил поэтому уклончиво и близко к истине:

– Да пока не определился. Мотаюсь туда-сюда по Паттайе.

– Понятно, бывает, – взгляд Андрюхи скользнул к моей положенной на стол руке, туда, где закатанный рукав позволял видеть сосуды на внутренней стороне локтя – то место, где остаются следы от уколов.

Мгновением ранее он как бы невзначай качнулся вперед и принялся.

Я испытал короткий прилив раздражения – неужели он думает, что я забухал или сел на наркоту? Но тут же вспомнил сегодняшний урок брата Пона и попытался сдвинуть перспективу так, чтобы воспринять Андрюху как фрагмент собственного сознания, воплощение той части его содержания, что лишь иллюзорным образом существует вне меня.

– Слушай, тут такое дело... – протянул я, ощущая, как от напряжения сжимаются кулаки. – Мне нужны деньги... Я хотел попросить у тебя некоторую сумму на полгода... Скажем...

И я назвал ее.

Андрюха засопел, почесал нос, а потом мрачно заявил:

– Нет, ну как бы... Как-то оно нет, времена ныне тяжелые... все такое...

Он пытался врать, а поскольку не привык этого делать, то выходило неуклюже – словно бегемот, вообразивший себя обезьяной, лез на дерево, усеянное спелыми фруктами.

Все мое едва народившееся сострадание развеялось мгновенно.

– Тебе жалко, что ли? – спросил я напрямую, не скрывая недовольства.

– Нет! – Андрюха отвел глаза. – Не то чтобы жалко... Тебе прежнему я бы дал... Каждая собака знает, что ты не обманешь... Но сейчас ты какой-то странный, и это вот... Совсем меня не радует, и я не знаю, чего от тебя ждать!

Теперь он смотрел на меня прямо, и в серых глазах его мешались смущение и недоверие.

Он пытался врать, а поскольку не привык этого делать, то выходило неуклюже.

– Ладно, – сказал я. – Извини, что потревожил.

– Ты это, не обижайся! – начал Андрюха, но я уже шел прочь, в сторону Джомтъен Секонд-роад, на которой оставил машину.

Аня могла быть где угодно, и поэтому я ей сначала позвонил.

Выяснилось, что она только что вышла с массажа и не прочь выпить со мной кофе где-нибудь в центре.

Чем точно Аня зарабатывала деньги, я не представлял, знал только, что бизнес у нее в России и что живет она небедно – в любой момент может позволить себе мотануться в Австралию или Японию и думает над покупкой виллы в Хуа Хине, на другой стороне Сиамского залива.

Там и фарангов поменьше, и сам король, не хворать ему сто лет, живет большую часть года.

От разговора с Андрюхой я вроде бы отошел, хотя послевкусие от собственных эмоций осталось неприятное, да еще и недовольство собой по поводу того, что не справился, не смог вызвать сострадание.

Встретились мы у «Ройал Гардена», под врезавшимся в стену самолетом, и пошли в одну из арабских кофеен неподалеку.

– Ну, и чего ты возжелал моего общества? – спросила Аня после того, как мы сделали заказ и она закурила.

На этот раз я попытался сместить точку восприятия с самого начала разговора.

Поэтому испытал лишь слабенькое недовольство, когда выяснилось, что собеседница вовсе не намерена давать мне взаймы, да еще и ощущает примерно то же, что и Андрюха, – удивление и раздражение по поводу того, что я так внезапно изменился, веду себя чудно и неадекватно.

А в один момент меня вообще посетило ощущение, что я разговариваю сам с собой, что ушей моих сначала достигает мой собственный голос, а потом, через какое-то время, – эхо, причудливо искажающее слова.

Настаивать я не стал, мы выпили кофе, потрепались и на том расстались.

Аня оседлала украшенный блестками мотоцикл, а я уселся в «Ниссан» и поехал к брату Пону.

– Ну, как твои успехи? – спросил он, когда я подошел к макашнице.

Клиентов у него не было, и вообще пляж выглядел, по паттайским меркам, на удивление пустынным, даже тайки-массажистки, обычно занимавшие пяточок тени под деревьями, куда-то подевались.

– Да никак, – ответил я и поведал, как пытался одолжить денег у друзей.

– Что же тебя удивляет? – поинтересовался монах, когда я закончил рассказ.

– Почему они так ко мне переменялись? Еще неделю назад все было иначе! Каждый бы за меня последнюю рубаху отдал!

– Ты уверен в этом? – брат Пон поднял левую бровь. – погоди, не возмущайся... Никто не хочет сказать, что твои друзья не настоящие или что они лживые гнусные типы. Просто ты воспринимал их рожденные из твоей же головы привычные, шаблонные образы... Держи-ка...

И он выдал мне дынный шейк с торчащей из него трубочкой.

Я взял стаканчик, и рука моя заныла – таким холодным тот оказался.

– С моим появлением твое сознание начало модифицироваться, не какие-то его части, а все целиком. Изменилась перспектива, и ты увидел своих друзей немного с другого бока, или даже не с бока, а со спины. Кроме того, посмотрим на ситуацию с их стороны – ты вдруг ни с того ни с сего начал вести себя дико, не в соответствии с их представлениями о тебе, выбиваясь из собственного образа... Как ты думаешь, это кого-то обрадовало?

– Ну, вряд ли, – отозвался я. – Но злиться-то зачем?

Как и всякий фаранг-долгожитель, я вовсе не проводил каждый день на пляже...

– Люди просто любят, когда их ожидания в отношении других оправдываются. Если этого не происходит, возникают злость, раздражение, гнев, непонимание, подозрения...

– Ну да, я в этом убедился, – пробормотал я. – Но ведь я никого толком не видел! Никого не встречал все это время...

Брат Пон развел руками:

– Наверняка весь кондо гудит о твоём внезапном исчезновении. Слухи, сплетни... Помнишь, я говорил, что на ожидания и взгляды других не стоит обращать внимания?

Ну да, еще бы я не помнил – это случилось всего несколько дней назад!

Но одно дело – принять умом некий принцип, и совсем другое – воплотить его в жизнь.

– Ну а много раньше я упоминал, что собственные ожидания и надежды причиняют нам массу неприятностей. Вот ты надеялся выйти из затруднений, взяв займы у друзей, ожидал от них помощи... и что?

Я пожал плечами:

– Деньги мне все равно нужно достать, а я пока не знаю где.

– Ты можешь продать один из своих магазинов.

Эта мысль приходила мне в голову, само собой, но энтузиазма не вызвала – несколько лет назад, еще до знакомства с братом Поном, я лишился бизнеса, остался практически ни с чем, у разбитого корыта.

Еще раз проходить через подобное мне не хотелось.

– И вообще, – сказал монах, – это что, главная твоя проблема в данный момент? Давно ли ты купался?

– Э... – я несколько опешил.

Как и всякий фаранг-долгожитель, я вовсе не проводил каждый свободный день на пляже... Ну если не считать выезд на дайвинг несколько дней назад, то в море я погружался под Новый год... или в начале декабря, когда приезжали друзья из Москвы?

– Так вот иди и окупись, – велел брат Пон. – И получи удовольствие.

Поплавал я замечательно, на какое-то время словно растворился в теплой воде и солнечных бликах. Выбрался на берег под последними лучами уходящего за горизонт светила, а когда высох и оделся, на берегу начало темнеть и загорелись фонари на вершине башни «Паттайя Парка».

Явился хозяин макашницы, брат Пон «сдал вахту», и мы зашагали туда, где я оставил машину.

Я не знал, где буду сегодня ночевать, не представлял, где раздобуду денег, чтобы откупиться от вымогателей, но в этот момент меня это совершенно не волновало... Безо всяких усилий или специальных упражнений я воспринимал мир через призму алая-виджняны, сознания-сокровищницы...

Пучок нитей восприятия, растущих из единого центра, не имеющего ничего общего с тем «я», что способно мучиться и претерпевать страдания, ощущать боль или недовольство.

Нет, эмоции имели место, как и мысли, но все это существовало на периферии восприятия.

– И ты еще говоришь, что все было зря? – спросил брат Пон, когда мы сели в машину.

– Зря не зря, но ради чего? – пробурчал я, с трудом артикулируя обычные слова. – Есть ли та свобода, к которой я иду? Существует ли нирвана?

– Ну да, слепец, не видящий цветов, тоже утверждает, что их нет в природе. Удивительно, но он по-своему прав, – и брат Пон расхохотался, да так заразительно, что я не смог к нему не присоединиться.

Он велел мне ехать на Наклыа-роад, и я решил, что меня ждет очередная ночь в компании бомжей. Запарковались мы на том же месте, но двинулись вовсе не в сторону пляжа, а обратно к центру города.

– Вот тут нас и приютят сегодня, – заявил монах, когда справа началась высокая ограда вокруг небольшого вата.

Что тут за храм и как он называется, я не знал, хотя сто раз проезжал мимо.

Выглядело святилище обыденно: светло-бежевое здание на возвышении, ведущая к нему широкая лестница, остроконечная крыша, фронтоны украшены фресками с Буддой и его сподвижниками в оранжевых рясах, внизу, меж колонн у входа, портрет короля в белой с золотом мантии.

– А нас тут ждут? – спросил я.

– Конечно, – подтвердил брат Пон.

Едва мы ступили на лестницу, как рядом с портретом короля объявился невысокий старый монах, напомнивший мне брата Лоонга, отшельника из джунглей Бирмы, – то же самое морщинистое лицо, безмятежные темные глаза и полное отсутствие зубов.

Увидев брата Пона, монах всплеснул руками и бросился нам навстречу.

Последовал обмен поклонами, в котором я тоже принял участие, после чего нас повели за храм, туда, где под высокими деревьями располагались жилые строения. Рюкзаки мы оставили в спальне для гостей, а затем неожиданно для меня зашагали обратно.

– Что происходит? – шепотом поинтересовался я.

– Наш хозяин увидел, что ты в трудном положении, – отозвался тот столь же тихо. – Решил, что тебе не помешает помощь самого Просветленного, Львиноголового, Победителя.

У входа в храм мы разулись, и я с опаской вступил под высокие своды.

Откровенно говоря, я даже не мог считать себя буддистом, поскольку не просил убежища в Будде, Дхарме и Сангхе... Да и брат Пон не раз говорил, что ему совершенно не важно, во что я верю, главное – что я думаю и что делаю...

Имею ли я право тут находиться?

Углы и стены прятались во мраке, но золоченую статую Просветленного было видно хорошо. Здесь он предстал сидящим, со сложенными на коленях руками, а под высоким постаментом статуи громоздились охапки цветов, меж них терялись фигурки небожителей рангом пониже.

– Садись и обращайся к нему, – велел брат Пон.

– Но я не умею... – растерянно пробормотал я.

– А тут уметь и не надо, – пожилой монах улыбнулся мне и поманил за собой.

Я сделал несколько шагов и уселся на предложенном мне месте, скрестил ноги. Закрыв глаза, ощущая себя самозванцем, чужаком, без спроса, под личиной явившимся туда, куда его не звали.

У входа в храм мы разулись, и я с опаской ступил под высокие своды.

Монахи обменялись парой фраз на тайском, потом наступила тишина.

Ее нарушил прикатившийся снаружи звон колокола...

Я вспомнил, где и когда слышал точно такой же звук, и в следующий момент ощутил прикосновение к затылку и потерял ощущение собственного «я» среди многих других «я», которые в одно и то же время были мной и мной ни в коей степени не являлись.

Мужчины, женщины проживали жизни, длинные и короткие, но в конце концов каждый раз приходила смерть. Годами страдали от тяжелых болезней, несли вражду через десятилетия и воевали с соседями из-за клочка земли, ссорились с близкими насмерть из-за горсти медных монет.

Ухаживали за детьми-инвалидами или жили с необычным уродством.

Это был поток, где не существовало прошлого, настоящего и будущего, имело место только вечное «сейчас», и мое собственное бытие занимало в этом «сейчас» малую долю процента...

Потом все это сжалось, сколлапсировало в точку...

Я вздрогнул и обнаружил себя в храме, перед невозмутимым ликом Будды, и одежда моя была насквозь мокрой от пота.

Меня трясло, я все еще переживал многочисленные смерти, через которые прошел только что, – от старости, от перерезающего горло ножа, от скоротечной болезни, в зубах хищника, от голода или холода.

Рука брата Пона опустилась мне на плечо, и стало немного легче.

– 3-зачем? – спросил я, лязгая зубами.

– Что, нынешние проблемы все еще кажутся тебе важными и серьезными? – спросил он.

– Н-нет...

– Исключительно редко бывает польза от созерцания иных воплощений твоего потока осознания, и вот сегодня как раз такой момент. Все, происходящее в данный момент, – лишь пылинка на ободке гигантского колеса сансары, через миг ее уже не будет, появятся другие... И так тысячелетие за тысячелетием, без смысла и цели, без надежды на завершение...

Бусины на четках

Мы не можем выбирать обстоятельства нашей жизни.

Да, определенная свобода у некоторых личностей имеется, но все равно в рамках заданных граничных условий – место рождения, родственников, биологические характеристики и умственные способности никто не в силах изменить.

Зато свобода выбора есть в том, как нам воспринимать эти обстоятельства.

Жизнь выставляет перед нами огромную витрину с тысячами вещей, и уже мы каждый день решаем, на чем сосредоточить внимание – на том, чтобы казаться важным и значительным, на зарабатывании очередной пачки денег, на красоте окружающего мира или на тех людях, что рядом.

На том, чтобы изо всех сил поддерживать фальшивое эго, или на достижении свободы.

Идентичные обстоятельства и условия люди воспринимают совершенно по-разному, кто-то под начавшимся дождем мрачно сгорбится и примется ворчать, а другой стащит ботинки и ринется плясать по лужам босиком, как в детстве.

И крайне редко встречается такая жизнь, в которой выбора нет совсем.

* * *

Выработка истинного сострадания начинается со сравнительно простого упражнения.

В любой ситуации, когда мы сталкиваемся с агрессией, негативом со стороны другого человека, нужно отодвинуть в сторону вполне естественные эмоции и мысли по этому поводу и вспомнить, что тот, кого мы считаем другим, является на самом деле образом нашего собственного сознания.

И неприязнь, раздражение или гнев, что вроде бы приходят снаружи, на самом деле принадлежат нам, являются не более чем симптомами болезни, от которой мы страдаем и которую только нам необходимо вылечить!

В случае успеха восприятие изменяется так, что становится невозможной ответная агрессия, любой встречный негатив... Как можно злиться на собственную воспалившуюся селезенку или ненавидеть свое больное ухо?

* * *

Любая серьезная попытка изменить себя вызывает трансформацию сознания целиком.

Изменяются в том числе и хранящиеся в нем образы близких людей, стабильные, привычные, укрепляемые годами шаблоны. Мы начинаем видеть родственников и друзей с другой точки зрения, иначе, открываем такие их стороны, о которых ранее не подозревали, иногда не самые приятные.

Часто это выглядит так, как будто резко и в худшую сторону изменился другой человек, но на самом деле все наоборот.

С другой стороны, мы сами, ослабляя власть эго и очищая сознание от аффектов, начинаем действовать по-иному и тем самым рушим свой образ в глазах окружающих, перестаем оправдывать их ожидания.

Отсюда почти неизбежное изумление, раздражение и вопросы типа «Не сошел ли ты с ума?» или «Что с тобой вообще происходит, почему ты так странно себя ведешь?», а также требования не дурить и не заниматься ерундой.

Поэтому нет смысла ждать, что наши успехи на пути к свободе вызовут у окружающих радость и умиление.

Глава 4 Тантра Темноты

Спал я плохо, одолевали надоедливые тайские комары.

Лишь под утро сумел забыться и, естественно, ни о каком осознании во сне даже и не вспомнил.

Поскольку вставать в буддийском монастыре положено до рассвета, поднялся я с тяжелой, точно котел, головой. Да и отголоски вчерашнего переживания не исчезли окончательно, наиболее яркие образы всплывали из памяти, заставляя меня вздрагивать.

Монахи помоложе отправились собирать подношения, а мы с братом Поном вернулись в храм, где и уселись на пол уже вдвоем.

– Ехать на пляж еще рано, – сказал он. – Поэтому у нас есть время поговорить... Предмет для рассуждений все тот же – сознание, то самое, что формирует мир вокруг нас, определяет, находимся ли мы в аду, в пространстве животных, людей или среди богов.

Я покорно кивнул.

От недосыпа и вчерашней «процедуры» в теле и разуме царило онемение, не хотелось вообще ничего, ни говорить, ни действовать, даже того, чтобы меня оставили в покое.

От беседы об отвлеченных вещах мне стало легче, вялость начала уходить.

Брат Пон поведал, что один из древних мудрецов разделил опыт, получаемый нашим сознанием, на три вида: целиком иллюзорный, извлеченный из игры разума с вымышленными объектами; взаимозависимый, обладающий частичной реальностью, когда ум работает аналитически, используя представления и идеи о реальном положении вещей;

и интуитивный, лишенный двойственности продукт истинного способа восприятия, свойственного лишь просветленным.

– Парикальмита, паратантра и паринишпанна, – сказал он. – Так их называют. Имена можешь не запоминать, вряд ли пригодятся.

Удивительно, но от беседы об отвлеченных вещах мне стало легче, вялость начала уходить.

– Есть другая схема, – продолжил брат Пон. – Сознание делится на пять видов...

Он упомянул кармически активное, трансформирующее, проецирующее, познающее и воспроизводящее, а затем принялся описывать, как они между собой взаимодействуют.

К этому времени я почти совсем пришел в себя.

– Ну вот, ты готов задавать вопросы, а значит, все идет как нужно, – сказал монах, осекшись на полуслове.

Судя по лукавому виду, он затеял всю эту лекцию не для того, чтобы дать новые знания, а с целью каким-то не совсем постижимым для меня образом растормошить мое восприятие.

– Вроде да, – признал я. – И какая из двух схем истинная?

– А ты подумай, – предложил брат Пон. – Все же просто.

– Обе... и никакая? Все зависит от точки зрения?

Монах кивнул.

– Можно выразиться более сложным образом, как это обычно делается, – сказал он. – Схема из трех видов не является истинной и не является не-истинной, схема из пяти видов тоже не является истинной и не является не-истинной... Но смысл будет тот же.

Голова у меня слегка закружилась.

– Еще одно противоречие из тех, что должны быть включены в сознание, чтобы разрушить клетку из банальных противопоставлений, внутри которой мы живем? – предположил я и поежился, от воспоминаний о вчерашнем по спине побежал холодок. – Как то, что о смерти надо помнить, но в то же время не придавать ей значения, поскольку ее нет?

– Совершенно верно.

– Как и то, что вы меня ничему не учите и вам вообще нечему меня учить?

– Опять же ты прав, – монах улыбался невинно, голова продолжала кружиться, но это было даже приятно, возникало ощущение, что укрытый внутри черепа ум хочет одновременно убежать в противоположных направлениях и в процессе дергается и растягивается, постепенно утончаясь.

Я попробовал закрыть глаза, но это не помогло.

– А теперь поговорим серьезно, – тон брата Пона заставил меня встрепенуться. – Настало время сообщить, чем же мы все-таки с тобой занимаемся в этом прекрасном несуществующем городе.

От этих слов и того, как они были сказаны, по моей спине побежали мурашки.

– Знакомо ли тебе слово тантра? – поинтересовался монах.

– Да, – я кивнул. – Ну как же... тантрическая йога и всякий разврат вокруг нее...

– Ох уж эти мне фаранги, – брат Пон поцокал языком. – Все способны испортить. Само слово «тантра» вполне невинное, означает лишь вид священных текстов и основанных на них практик... Они в идеале позволяют куда быстрее добиться свободы, чем иные методы, но в то же время они и более опасны... Это как крутая тропа, она намного короче и ведет к вершине прямо, но с нее можно сорваться и переломать все кости, и тогда новое восхождение если и предпримешь, то очень нескоро.

Это выглядело понятным.

– Тантры бывают разных типов, их очень много, все не изучить и за сто жизней, – продолжил он. – То, что мы делаем с тобой здесь и сейчас, именуется Тантрой Темноты.

Рассказывать дальше брат Пон отказался, ну а я не стал настаивать, поскольку не сомневался, что рано или поздно буду знать все.

Когда мы сели в машину, чтобы ехать к «Паттайя Парку», он напомнил мне про самовстряхивание – в последние дни я если его и практиковал, то лишь урывками, а затем снова забывал.

Сейчас же все пошло легко, и я, делая «срезы» себя каждые десять-пятнадцать минут, пришел в состояние, близкое к тому, которое переживал, исполняя смрити. Оказавшись на пляже, без особых усилий переместил центр сознания в одну из рук и занялся фруктами.

Ну а к макашнице нашей выстроилась настоящая очередь.

Туристы галдели, брат Пон улыбался, точно ведущий шоу на американском ТВ, я орудовал ножом. Я воспринимал мир четко, рельефно, осознавал все запахи, от мангового сока на лезвии до собственного пота, звуки от шума моря до отдаленного рокота лодочного мотора.

Но в то же время и сама Паттайя, и заполнявшие ее люди казались изображениями на завернутом вокруг меня холсте, который в то же время был частью меня, такой же неотъемлемой, как нос или уши.

Поэтому как я мог злиться на истошно оравшую девочку лет трех?

Или раздражаться по поводу того, что пьяный жирдяй весом в два центнера едва не опрокинул нашу макашницу, после чего, брызжа слюной, долго матерился по поводу «чернозадых»?

Одна часть сознания взаимодействовала с другой, и только...

К полудню, когда стало совсем жарко, толпа схлынула.

– Если хочешь, иди искупайся, – предложил мне брат Пон, указывая на море, сверкавшее под лучами солнца.

Но у меня такого желания не имелось, так что я лишь головой покачал.

А потом вытащил телефон и отошел на десяток метров от макашницы – вчера я испробовал не все варианты «дружеского займа», кое-кто еще остался про запас.

– Привет, – сказал Толик, взявший трубку после первого же гудка. – Ты как, брат?

Выслушал он меня спокойно, не стал расспрашивать, почему я съехал из кондо и что вообще со мной происходит, а узнав, что мне нужны деньги, поинтересовался только суммой и тем, на какой срок я хочу ее получить.

Туристы галдели, брат Пон улыбался, точно ведущий шоу на американском ТВ, я орудовал ножом.

– Не вопрос, – заявил он. – Приезжай ко мне в офис через час. Годится?

– Конечно! – радостно воскликнул я. – Буду!

«Офисом» Толик называл комнатку за кухней в ресторане «Московские огни», расположенном неподалеку от отеля «Прима Вилла». Там он сидел под включенным чуть ли не с утра до ночи кондиционером, занимался делами, курил сигары и прихлебывал смешанный с ледяной колой ром.

– Кажется, я нашел деньги, – сказал я, вернувшись к брату Пону.

– Ну и отлично, – сказал тот. – Езжай, если тебе нужно. Я и один справлюсь. Возвращайся только к вечеру.

Я кивнул и чуть ли не вприпрыжку зашагал к выходу с пляжа.

Машину на этот раз оставил чуть в стороне, на одном из пустынных сои Пратамнака. Свернув на него, услышал шум мотора за спиной и посторонился, чтобы не оказаться на пути автомобиля.

Краем глаза увидел нагнавший меня черный пикап, щелкнула открывшаяся дверца. Начал поворачивать голову, и в этот момент что-то тяжелое и мягкое ударило меня по затылку. Перед глазами все расплылось, шершавое коснулось макушки, поползло вниз, царапая нос и уши.

Я взмахнул руками, чтобы удержать равновесие, ощутил, что меня подхватили под локти. Упал на мягкое, неудачно вывернув хрустнувшую шею, а затем на меня кто-то сел и вновь хлопнула дверца.

– Не рыпайся, фаранг, – сказал прямо в ухо знакомый хриплый голос.

Заработал двигатель, меня качнуло.

Судя по всему, я находился на заднем сиденье автомобиля, с мешком из дерюги на голове, с закрученными за спину руками.

– Куда... – выдавил я. – Зачем?.. Я.

– Заткнись, урод, – прервал хриплый. – Ты чего, думал, что ты самый умный, да? Удрал из своего кондо, чтобы мы тебя не нашли? Одежду поменял, чтобы не узнали? Волосы снял?

– Нет! – воскликнул я, но меня ударили по ребрам, и я замолчал.

– Ты не самый умный, – продолжил лекцию мой собеседник. – Мы тебя проучим. Напомним, что ты имеешь дело с серьезными людьми и что долг тебе придется отдать завтра.

Только в этот момент мне стало страшно.

Да, убивать эти парни меня не будут, но вот изуродовать могут...

Я рванулся, пытаюсь распрямиться и высвободиться, последовала злая реплика на тайском. Новый удар по затылку, на этот раз несколько более сильный, погрузил меня во тьму.

В себя я пришел от того, что меня потянули за ногу.

– Эй, миста! – позвал женский голос. – Жив-не-жив?

– Жив... – отозвался я, с трудом шевеля разбитыми губами.

Похитители вытряхнули меня из машины в полубессознательном состоянии и некоторое время били, пока я вновь не отключился.

Судя по тому, что я мог видеть, мешок с головы у меня свалился.

Башка трещала, словно целое поле кузнечиков, ныли ребра и спина, адски болела правая лодыжка.

Но руками и ногами я мог двигать, а это означало, что они, слава всем богам, не сломаны.

Перевернувшись на спину, обнаружил, что лежу в канаве у забора, а рядом сидит на корточках молоденькая круглолицая тайка в шортах и цветастой майке и с тревогой смотрит на меня.

– Полиция надо-не-надо? – спросила она все на том же тайглише.

– Нет, – сказал я.

Что я расскажу стражам закона – что меня похитили двое тайцев, лиц которых я не видел, увезли в машине в глухой переулок, где слегка побили, и, даже не ограбив, исчезли в неизвестном направлении?

Рядом сидела на корточках молоденькая круглолицая тайка и с тревогой смотрела на меня.

Полицейские решат, что я либо наркоман, либо сумасшедший.

Сесть я смог с первой попытки, хотя руки дрожали и подламывались, а голова кружилась. Ощупав карманы, убедился, что деньги, телефон и ключи от машины на месте, и вздохнул с облегчением.

– Где... – спросил я, фокусируя взгляд на тайке, – мотобайк-такси?

Мне сейчас нужен врач, и я знаю, где его найти.

Барышня закивала, вскочила и торопливо ушагала куда-то мне за спину.

Вернулась она через пару минут верхом на крохотном скутере, махнула розовым шлемом и гордо заявила:

– Я – мотобайк-такси! Куда?

– Мемориал Госпиталь, – сказал я, поднимаясь.

Как-то раз я уже обращался в это заведение, остался доволен и ценами, и обслуживанием.

– Двести бат! – выпалила тайка: доброта добротой, а чуток заработать на фаранге сам Будда велел.

Я кивнул и, уцепившись за мотобайк, начал вставать.

Через пять минут мы ехали по длинному извилистому переулку, с одной стороны был пустырь, а с другой за забором торчал каркас недостроенного дома – судя по всему, друзья-вымогатели выбрали для «беседы» заброшенный уголок где-то между Южной улицей и Тепразитом.

Водила тайка в стиле обкуренного Шумахера, так что до Мемориал Госпиталя мы доехали за десять минут. Я отдал двести бат и заковылял к его стеклянным расходящимся дверям, припадая на правую ногу.

Лодыжку я то ли вывихнул, то ли подвернул, то ли вообще сломал...

Внутри госпиталя меня, едва увидев, взяли в оборот.

– Упал, – сказал я, когда отлично говоривший на английском врач поинтересовался, что со мной случилось.

«Асфальтовую болезнь» после падения с байка зарабатывал чуть ли не каждый фаранг в Паттайе, и счастье еще, если для пострадавшего все ограничивалось ушибами, царапинами и содранной кожей.

Врач с сомнением посмотрел на меня, но дальше спрашивать не стал.

Клиент платит, а остальное – его дело.

Меня ощупали, сделали рентген, где надо – помазали, где надо – забинтовали, вкололи обезболивающее и прописали гору таблеток. Хирург сказал, что серьезных повреждений у меня нет, кости целы, а что до лодыжки – вывих пройдет через некоторое время.

Я уверил его, что оставлять меня на ночь не надо, дома мне будет всяко лучше. После этого меня проводили к кассе, где я расстался со значительным количеством бумажек, украшенных изображением тайского короля.

А направившись к выходу, обнаружил, что меня ждет брат Пон.

– Откуда вы здесь? – спросил я, не пытаясь скрыть удивление.

– Настоящий учитель всегда знает, что творится с учеником, – ответил монах. – Даже если никакого обучения нет и учить нечему... Поздравляю, ты справился отлично.

Я недоуменно заморгал:

– С чем?

– Насколько я могу видеть, в последние часы ты действовал, пребывая в состоянии Пустоты, и, хотя оказался не в самых благоприятных обстоятельствах, не дал аффектам овладеть собой.

И в самом деле, после приступа страха, когда меня затащили в машину, я оставался на удивление спокойным. Не злился на похитившую меня парочку, не ругался и не жаловался, и даже боли не давал одолеть себя, наблюдал за происходившим как бы немного со стороны.

– Сейчас ты далеко не уйдешь и не уедешь, – тут брат Пон аккуратно взял меня за предплечье и повел за собой. – Поэтому я снял номер в отеле, тут рядом, минуту пешком.

Откровенно говоря, я ожидал, что мы заселимся в «клоповник» для неприхотливых бэкпекеров.

Но монах привел меня в небольшую гостиницу, о которой я до сегодняшнего дня не слышал. Нас встретили в вестибюле поклонами и чуть ли не народными плясками и отвели в уютный номер с двумя спальнями, просторной гостиной и самой настоящей ванной!

В каждой комнате стояло по букету живых цветов, на подушках лежали крохотные веночки.

Пока я в меру возможностей пытался вымыться и привести себя в порядок, брат Пон ушел и вернулся с двумя пакетами, в одном оказались нарезанные фрукты в пластиковых контейнерах с крышками, в другом – упакованная точно таким же образом жареная лапша с морепродуктами.

На еду я накинулся с жадностью.

– Ну, вот и прекрасно, – сказал брат Пон, когда мы закончили с ужином. – Ты как? Тело работает?

Я нахмурился, оценивая состояние организма, вынужден был признать, что неплохо – сильно болела только лодыжка, все остальное ныло и постанывало, но жить особенно не мешало.

– Могло быть куда хуже, – заявил монах, выслушав мой краткий отчет. – Поверь. Если бы ты не так давно не совершил ряд поступков, кардинально изменивших твой жизненный путь, то тебя бы просто изуродовали.

– То есть сегодняшнее избиение было неизбежным? – я нахмурился. – Почему?

– Последствия некоторых действий, совершенных в прошлом, должны реализоваться, – в голосе брата Пона звучало сожаление. – Даже если ты уже стал на путь к свободе. Вспомни Будду Шакьямуни, чье воплощенное тело умерло от отравления некачественной пищей... Наверняка он мучился, переживая эту хворь, но одновременно развязывал последний узел собственной кармы, накопленной за многие кальпы, за миллионы лет. Некоторые наши поступки, совершенные вчера, десять месяцев или сто тысяч веков назад, порождают такое сильное эхо, что его отголоски со стопроцентной вероятностью вернуться к нам, и с этим ничего нельзя поделать, хоть десять лет бейся лбом в покаянных поклонах или пожертвуй в храм телегу драгоценностей.

Я преувеличивал: физиономия моя, откровенно говоря, не слишком пострадала.

– А можно выяснить, почему я должен был сегодня получить по лицу? – спросил я.

Говоря так, я преувеличил: физиономия моя, откровенно говоря, не слишком пострадала. Изучив ее в зеркале, я убедился, что заработал пару не очень больших ссадин и фингал на правой скуле.

– Ты точно хочешь это знать? – глаза монаха заискрились, и вовсе не весельем.

Я пережил момент острой неуверенности, возникло желание отказаться.

– Д-да... – сказал я, отогнав его в сторону.

– Тогда, – брат Пон, сидевший на диване, скрестив ноги, наклонился вперед, и взгляд его прищипил меня к спинке кресла. – Ты должен вспомнить ушастого мальчика. Немедленно!

– Кого... – начал было я, и тут из памяти вынырнул эпизод такого давнего прошлого, что я накрепко его забыл к моменту поступления в университет.

Мальчишка с большими ушами, его звали Антоном, учился в первом классе, а я в третьем... Жил он в соседнем доме, и по дороге в школу и обратно мы частенько пересекались...

Непонятно почему, но мне доставляло удовольствие швырять в него грязью или снежками, натягивать шапку на уши, стаскивать портфель и швырять в глубокий сугроб.

– Нет... – прохрипел я, встряхивая головой, пытаюсь отогнать назойливое воспоминание.

– Ты сам этого хотел, – холода в голосе брата Пона содержалось не меньше, чем в ледниках Антарктиды.

Один раз я столкнул ушастого с горки так, что он разбил нос в кровь...

Но ведь не мог я быть таким гаденышем, издеваться над слабым лишь потому, что я сильнее!

Меня затрясло, напомнили о себе полученные сегодня повреждения, вплоть до самых мелких. Слезы потекли из глаз, захотелось ударить себя самому, как можно сильнее, чтобы душевной болью заглушить телесную.

– Все уже прожито и отработано, – теперь брат Пон говорил мягко, почти нежно. – Смени ракурс, перемести сознание в ложную личность и сострадай оттуда и себе, и тому ушастому мальчишке... Кто знает, какие деяния он искупал, став тогда твоей жертвой? Ничего не бывает просто так...

Я попытался сделать, что сказал монах, но у меня не вышло ничего.

Даже «внимание дыхания» смог выполнять с большим трудом.

Тогда брат Пон выдал мне метелочку и велел сметать с пола собственную тень.

Через час от монотонных движений у меня заболела спина.

Острая тоска превратилась в глухую печаль, та слилась с телесным дискомфортом, породила общее чувство неустроенности.

– А вот и тень твоя исчезла, – сказал брат Пон и выключил свет.

– Интуиция подсказывает мне, что она появится снова, – пробурчал я, и тут мой телефон звякнул, сообщая о прибытии эсэмэски.

Открыв ее, я обнаружил рекламу от сотового оператора, но, когда удалил, вспомнил, что вообще-то сегодня планировал встретиться с Толиком, взять у него денег взаймы...

Интересно, почему он не перезвонил?

Беспокойство зашевелилось внутри, словно толстая змея с колючей чешуей, и я спешно набрал номер.

– Привет, – сказал Толик точно так же, как днем.

– Извини, что не появился, – затараторил я. – Тут форс-мажор, попал в... аварию...

Беспокойство зашевелилось внутри, словно толстая змея с колючей чешуей.

В определенном смысле это было правдой.

– Машина цела? – спросил Толик. – Сам ходить можешь? Ну значит, все пучком. Слушай, тут такое дело... – в голосе его появилась не свойственная моему большому другу неуверенность. – Я сейчас в аэропорту...

– В каком? – не понял я.

– В Дон Мьянге, – сообщил Толик мрачно. – Через час у меня рейс в Москву.

Сердце у меня упало.

– Тут это, срочные проблемы на родине открылись, – продолжил он. – Беда вааобще. Так что извини, пока ничем помочь не смогу, а вот как вернусь, то вообще без вопросов. Обращайся.

– А когда тебя ждать назад?

– Через пару-тройку недель. Может, через месяц.

– Да, конечно. Удачно долететь, – сказал я и положил трубку.

Брат Пон наверняка все понял, и поэтому я объяснять ничего не стал, лишь положил телефон на столик, откинулся в кресле и закрыл глаза: завтра вечером мне в лучшем случае переломают ноги, ну а в худшем просто оторвут их, ну и открутят еще парочку ненужных органов.

Даже если я решусь продать один из моих магазинов, за сутки этого не сделать.

– Ну а ты чего ждал? – подал голос брат Пон. – Что вот так легко все поправишь? Тому, кто изучает Тантру Темноты, не суждено ходить легкими путями.

Возникло желание рывкнуть во всю глотку, сообщить, куда можно засунуть все эти пути и тантру тоже, но я воспринял это желание как нечто внешнее по отношению ко мне, и оно постепенно угасло, растворилось без следа.

– Но делать-то что? – только и сказал я и сам поразился, как мертвенно, по-чужому прозвучал мой голос.

– Для начала – отказаться от цепляния за собственность, за то, что считаешь своим, – брат Пон включил свет, и я зажмурился, спешно прикрыл лицо рукой. – Насколько помню, ты без проблем отказывался даже от собственного тела, не говоря уже о каких-то вещах.

– Ну, тело – это одно, а дело – другое...

Если первый бизнес в Таиланде я построил с помощью других, то этот создал в одиночку, и, может быть, поэтому сама мысль о том, что его придется лишиться, вызывала у меня дискомфорт.

– Если ты все же хочешь добиться свободы, то выбора у тебя нет. И давно уже нет, – брат Пон мгновение помолчал. – Давай вспомним цепь взаимозависимого происхождения. Двенадцать звеньев.

Ее я затвердил намертво: круг из картинок, начиная со слепца и заканчивая стариком, что несет на спине мертвеца.

– И приложим ее к этой ситуации: невежество заставляет тебя верить, что эти магазины могут являться твоей собственностью; из него возникают формирующие факторы, создающие определенный набор образов, куда входят и такие вот «друзья»; сознание же твое хватается за них, пытаясь вообразить, что обладает контролем над ситуацией, но на самом деле находится во власти стихии...

Закончив перечисление, монах вновь сделал паузу, а потом спросил:

– Ну, с какого места мы начнем разрушать это безобразие?

– Полагаю, что с первого звена, – мрачно отозвался я.

– На это у тебя есть целая ночь – убеждай себя в том, что ты на самом деле ничем не владеешь, что магазины тебе не принадлежат, используй все доступные средства от «это не я, это не мое» до второй личности, которой нет особого дела до проблем первой.

– А спать когда? – с шутливым раздражением осведомился я.

Нет, я не забыл, что ждет меня завтра, но благодаря словам брата Пона перестал концентрироваться на грядущих неприятностях, отодвинул их на периферию восприятия.

– О, уверяю тебя, времени хватит на все... – уверил меня монах.

– Кстати, – я встрепенулся. – Вот цепь взаимозависимого происхождения, она же обернута вокруг индивидуального существа, вокруг личности... которой не существует! Значит ли это, что она накручена на пустое место?

– Совершенно верно, – на физиономии брата Пона возникла широкая ухмылка. – Очередной парадокс из тех, о коих не вредно подумать для того, чтобы слегка расшатать те стенки, внутри которых существует ум такой несуществующей личности, как ты...

– А вы?

– А я личностью не являюсь, – сказал монах. – Как заявил по этому поводу Будда: «если бодхисатва имеет представление „я“, представление „личность“, представление „существо“, то он не является бодхисатвой». Все проявления моего характера, привычек и прочего созданы исключительно для удобства существ, которым я оказываю помощь.

На мгновение я опешил, а потом дал «зеленый свет» вопросам, что настоящей толпой ринулись мне на язык:

– Как такое возможно? А откуда вы узнали о мальчике с ушами? Это ясновидение? Почему...

Брат Пон лишь смотрел на меня, выжидая, пока фонтан иссякнет, а заговорил, лишь когда я пристыженно замолк:

– Когда спрашивали о Пути совершенства, Просветленный отвечал: «Не надо совершенствоваться», когда интересовались путями освобождения, Просветленный осведомлялся: «Кто связан путями?» Ответы на вопросы бывают четырех родов: категорические, ответы с оговоркой, с предварительным вопросом и отказ от ответа. Последний обычно применяется, когда задающий вопрос человек находится в плену ложных представлений... например, «ограничен ли мир во времени?» или «одно ли и то же жизнь и личность?». Нет мира, нет жизни и личности, поэтому ответить на вопрос невозможно... Но я позволю себе промолчать и сейчас, – тут монах нахмурился и погрозил мне пальцем. – Ты пытаешься любыми средствами увильнуть от поставленной перед тобой задачи, и это в момент, когда времени у тебя нет вообще! Немедленно за практику, немедленно!

Я покаянно вздохнул и принялся за дело.

Во сколько я заснул, я не знаю, но произошло это явно глубокой ночью.

Организм мой чесался сразу во многих местах, намекая, что все заживает.

Тем не менее, открыв глаза с первыми лучами солнца, я обнаружил себя отдохнувшим и безмятежным, словно в прошлом не лежали нерадостные события и впереди не грозились неприятности.

Организм мой чесался сразу во многих местах, намекая, что все заживает, болела только лодыжка.

– Да, красавец, – сказал брат Пон, возникший на пороге моей спальни после того, как я посетил ванную. – Людям показывать тебя, конечно, можно, но не детям и не беременным женщинам.

Я лишь плечами пожал – внешность интересовала меня в этот момент не особенно.

– До завтрака еще больше часа, – монах опустил прямо на пол. – Займемся делом. Мы с тобой не раз говорили о «семенах», которые сознание-сокровищница, алая-виджняна проращивает определенным образом, создавая фрагменты кокона восприятия, мысли, эмоции, элементы якобы внешней реальности.

– Помню, – подтвердил я.

Разговоры такие были, и, судя по тому, сколько раз мы к этой теме возвращались, брат Пон считал ее исключительно важной.

– А ты никогда не думал, почему она проращивает каждое «семя» именно некоторым определенным, а не каким-то произвольным образом, и отчего это вообще происходит?

– Ну... – я наморщил лоб. – Наверняка это зависит от состояния моего сознания...

– Верно. А точнее – от содержащихся в нем тенденций, которые именуют васанами. Перевести по смыслу это можно как «след-впечатление», хотя прямой перевод – «искурение»... Например, если я зажгу в этой комнате ароматическую палочку, а затем

погашу, то след-впечатление в виде запаха останется... Васана – это энергия привычки, склонность к определенному типу поведения, возникшая в пределах потока восприятия. Поскольку наша цель состоит в том, чтобы «семена» более не прорастали и новые не возникали...

Монах замолчал и выжидательно посмотрел на меня.

– Нам нужно от этих васан избавиться? – предположил я.

– Совершенно верно. Этот процесс мы начали с первого твоего дня в Тхам Пу, – сказал брат Пон. – Но пришло время сделать его более осозанным и целенаправленным.

Дальше он объяснил, что любая васана проявляет себя в каждом потоке, из которых состоит наше существо, что всякая из них всегда представляет комплекс из образа мыслей, эмоций, вида поступков, шаблонов осознания и даже телесных действий.

– Мы не замечаем собственные автоматические движения, не знаем, что всегда засовываем руку сначала в правый рукав куртки, и только потом в левый, что у нас есть стандартная реакция на многие внешние раздражители... Это же так удобно и привычно. Внимания не обращаешь, все само получается, энергия экономится.

Брат Пон немного подождал, давая мне ухватить концепцию, а затем добавил:

– Но поскольку ты уже опытен на пути к свободе, то ты знаешь, что для борьбы с чем-то подобным у нас есть лишь один вид оружия.

– Осознание, – подтвердил я.

– Оно самое. А начинается оно со смрити. Приступай прямо сейчас, не тяни...

В полное осознание я сумел войти к тому моменту, когда настало время отправляться на завтрак. И почти тут же начал регистрировать вещи, на которые ранее не обращал внимания, – что, усаживаясь, стул подвигаю всегда правой рукой, что постоянно тру переносицу и что при виде красивой женщины у меня в голове возникает набор стандартных мыслей.

Осознав, что действия, связанные с едой, я выполняю на автомате, я загрустил.

Как ни удивительно, но дискомфорт от повреждений в этом деле помогал, привлекал внимание к тем движениям, что я обычно воспроизводил безо всякого участия сознания!

Народу в ресторанчике при гостинице было немного, сплошь европейцы и американцы. Кормили настолько стандартно-безлико по-отельному, что и мысли не возникало, что ты в Таиланде, – нарезка из колбасы и сыров, джем и масло, мюсли трех видов, вареные яйца и сосиски.

Осознав, что действия, связанные с едой, я выполняю почти на сто процентов на автомате, я загрустил.

– Но невозможно же ликвидировать все это! – с досадой проговорил я, когда дело дошло до кофе. – Чем дольше я буду наблюдать за собой, тем больше всякой пакости обнаружу!

– Очень хорошо и важно, что ты это осознал, – оживленно проговорил брат Пон. – Любой человек готов к пробуждению с самого начала, ибо его природа чиста и способна к просветлению. И чем больше он учится, пытается изменить ее, навязать ей нечто постороннее, тем дальше от цели он оказывается.

Я недоуменно посмотрел на него.

– То есть в тот день, когда мы столкнулись на автостанции в Нонгхае, я находился ближе к бодхи, чем сейчас?

– В определенном смысле так и есть, – признал монах.

– Но тогда к чему все это было? – я ощутил, что начинаю закипать: неужели я зря терпел ограничения почти монашеской дисциплины и сносил тяготы пути по джунглям и горам. – Упражнения? Медитации? Лекции и практики? Отказ от себя, от всего на свете?

– Чтобы ты мог от этих всех вещей тоже отказаться. Осознанно, зная о них.

Такой ответ поставил меня в тупик.

Брат Пон разглядывал меня, прихлебывая кофе, и откровенно наслаждался как напитком, так и зрелищем.

– Природа человека с самого начала содержит в себе все, даже просветление, – сказал он, когда я был готов разразиться очередной гневной тирадой. – Исполнять предписания и практиковать осознание, созерцать пустоту и избегать порождения новых «семян» – это все преднамеренные действия, а любая преднамеренность удаляет нас от свободы.

– Но... но... – забормотал я, пытаюсь отыскать слова.

– То есть, чтобы добыть бодхи, нужно не иметь никакого стремления его добыть, – добавил монах, запутав меня окончательно. – И не надувайся ты так, а то лопнешь. Подумай лучше о том, что на самом деле отказаться можно лишь от того, что имеешь...

В номер я вернулся в состоянии ментального ступора, подогреваемого разочарованием и даже яростью.

За всем этим крылось подозрение, что меня обманули.

Настроение не улучшилось и после того, как я час, не разгибаясь, просидел за компьютером – сделал заказы у поставщиков, ответил на письма клиентов, проконтролировал собственную доставку.

– Да, крепко я тебя загрузил, – сказал брат Пон. – Но ничего, это даже на пользу. Мы же будем следовать провозглашенному во время завтрака принципу, смачно плюнем на свободу, к которой якобы стремимся... и поедем на Ко Лан, как простые смертные, на пароме.

– Зачем!?! – воскликнул я.

– Задавая этот вопрос, ты отодвигаешь себя от просветления, а это нехорошо, – монах откровенно издевался.

– Почему вместо того, чтобы тратить время на важное или полезное, я должен заниматься ерундой вроде поездки на Ко Лан?!

– Замечание твое имело бы смысл в том случае, если бы ты мог знать, что для тебя ерунда, а что нет, – нравоучительно заметил брат Пон. – Жил вот в древности один мудрец, желавший учиться непосредственно у бодхисатвы Майтрейи... Так вот, для того чтобы добиться контакта с бодхисатвой, он погрузился в медитацию на несколько лет. Только ничего не добился, преисполнился уныния и пошел куда глаза глядят... И почти тут же наткнулся на человека, напильником точившего скалу... На вопрос мудреца: «Что ты делаешь?» тот ответил, что хочет сделать иглу из скалы... Услышав такое, мудрец устыдился своего нетерпения и вновь окунулся в созерцание, еще более пристальное.

Но и во второй раз подвижник не достучался до Майтрейи, хотя упирался долго. После этой «сессии» он встретил другого человека, долбившего ломом подножие огромной скалы и, как стало ясно после обмена вопросами, собиравшегося перенести скалу на другое место, чтобы она не мешала солнечным лучам светить на огород.

И вновь мудрец закручинился по поводу собственной лени и опять начал медитацию.

– Провел в ней еще несколько лет, и все без толку, – рассказывал брат Пон. – Раздосадованный, покинул он жилище в отдаленном лесу и пришел в близлежащий город...

На рынке мудрец увидел издыхающую собаку, которую заживо ели черви.

Сердце его исполнилось сострадания, и он подумал, что если ничего не делать, то смерть ждет собаку, если убрать паразитов, то смерть ждет их. И тогда он взял нож, отрезал кусок собственного мяса и одного за другим аккуратно переместил червей на него.

– И тут собака р-р-раз – и превратилась в бодхисатву, сияющего неземным светом! – воскликнул Пон. – Понятно, что спусковым крючком для появления Майтрейи послужило сострадательное деяние мудреца, но, не медитируй тот много лет в лесу, это деяние ни к чему бы не привело. Поэтому я на твоём месте не стал бы так уверенно судить, что «ерунда», а что нет. А теперь пойдем, корабль без нас уйдет...

История запала мне в душу, и все время, что мы ехали на тук-туке, а затем плыли на пароме, я крутил ее в голове. Совершенно забыл про собственную ярость, и на землю Ко Лана ступил спокойным, как отобедавший удав.

– Ну что, теперь на пляж? – спросил я, не скрывая иронии.

– Вот уж нет, даже не мечтай, – отозвался монах. – Сейчас возьмем такси.

На землю Ко Лана я ступил совершенно спокойный, как отобедавший удав.

Поинтересоваться зачем я не успел, брат Пон уже стремительно топал в ту сторону, где туристы распахивались по тук-тукам, чтобы ехать в разные концы не такого и маленького острова.

Вскоре одна из машин подкатила к нам, и молодой водила радостно ухмыльнулся мне из кабины.

– Залезай, – велел монах, сидевший в кузове. – Поедем с ветерком.

Насчет последнего он не соврал, мы вихрем пронеслись через крохотный прибрежный поселок.

Оставили за спиной местный храм, белоснежный, с алой крышей, и запетляли по узким дорогам.

За обочинами тянулись заросли кустарника, встречались огороженные участки. Машину немилосердно трясло, так что все мои ушибы и раны то и дело напоминали о себе, из-под колес летела пыль.

Но все равно это было классно, я держался за поручень и радостно шурился.

Тук-тук, ревя мотором, пер вверх, к перевалу, ловко уворачиваясь от столкновения с летевшими навстречу сородичами.

– Стоп! Стоп! – завопил брат Пон и принялся лупить по кабине.

Машина встала, едва не зарывшись носом в землю, мы расплатились, и наше «такси» покатило дальше.

– Приехали, – сказал монах.

– Куда? – я огляделся.

С того места, где мы находились, я мог разглядеть поселок внизу, острова на глади моря и торчавшие из голубой дымки небоскребы Паттайи. С одной стороны от дороги поднимался склон, покрытый зеленой щеткой зарослей, а с другой виднелась укрытая в тени деревьев лачуга.

Сделана она была из досок, покрывали ее кое-как скрепленные листы шифера. Между деревьями располагалось нечто вроде калитки, украшенной бычьими рогами, и рядом с ней торчало корявое подобие вывески – длинная надпись на тайском и одно-единственное английское «tattoo».

– Настало время тебя слегка подлатать, – сообщил брат Пон. – А то едва ходишь. Тут живет тот, кто способен это сделать.

– Татуировщик?

– Колдун, – и, не дожидаясь новых вопросов, монах зашагал к калитке.

Мне ничего не оставалось, как двинуться за ним.

Брат Пон крикнул что-то на тайском, ему ответили, и из-за лачуги показался голый по пояс мужик средних лет, с длинными, едва не по пояс волосами, козлиной бородкой и даже усами.

Носил он рваные джинсы, сандалии и ожерелье из человеческих зубов.

– Хелло-хелло, – сказал он мне, оскалив собственные зубы, редкие, но очень белые. – Помогать?

Я смотрел на него с опаской, поскольку единственная моя встреча с колдуном, случившаяся на землях племени луа, приятных воспоминаний не оставила. Конечно, были еще девяностые на родине, когда чуть ли не каждый вчерашний комсомолец или коммунист стал экстрасенсом или магом, но они в счет не шли.

– Да, – согласился брат Пон.

Они о чем-то поговорили, и меня пригласили за хижину, где меж деревьев обнаружился гамак с кучей пивных банок под ним, а рядом что-то вроде верстака – первый служил местом отдыха нашего хозяина, второй, похоже, исполнял роль операционного стола.

Взгромоздился я на него не без опаски.

– Это точно нужно? – спросил я.

– И ты еще спрашиваешь? – брат Пон усмехнулся. – Все будет хорошо. Увидишь.

Поднявшись, я увидел, что колдун лежит в гамаке и курит длинную трубку.

Колдун тем временем нацепил на голову повязку, сплетенную из множества разноцветных шнурков, украшенную стеклянными, металлическими и деревянными фигурками зверей и людей, и вооружился жезлом с круглым навершием, таким массивным, что им можно было глушить быков.

Последним штрихом стали очки в роговой оправе, солидные, но с трещиной в правом стекле.

– Помогать, – повторил колдун, на этот раз утвердительно, и принялся меня ощупывать.

Пальцы у него оказались ловкие и на удивление деликатные.

Повязка с ноги оказалась снята так стремительно и легко, что я этого не заметил. Затем обитатель хибары запел нечто монотонное, встряхивая своим жезлом, словно одиноким маракасом.

От этого вытья у меня помутилось в голове, все вокруг закружилось, мир превратился в набор серых, зеленых и бежевых полос. Меня завертело и понесло, я попытался выбраться из туманной пелены, в которой оказался, но сил не нашлось даже на то, чтобы пошевелить руками.

Потом слуха моего коснулись голоса, тяжелые, звучные, доносившиеся сверху: один принадлежал женщине, второй мужчине, и они о чем-то беседовали, хотя на каком языке, я понять не мог.

Вроде бы слова русские, но порядок странный, как в немецком...

Порыв холодного ветра ударил в лицо, и я заморгал, понимая, что лежу на столе, сквозь кроны жарит солнце, а рядом стоит брат Пон, довольный, как дорвавшаяся до курятника лиса.

– Вот и все, – сказал он, протягивая руку. – Тебя подлатали, можно идти.

Лодыжка больше не болела, хотя повязку я обнаружил на том же месте, ушибы и порезы не беспокоили совершенно, зато оказались покрыты бесцветной, резко пахнувшей мазью.

Поднявшись, я увидел, что колдун лежит в гамаке и курит длинную трубку, вырезанную из древесного корня.

– Спасибо, – пробормотал я по-английски. – Ему нужно заплатить?

– Уже заплачено, – брат Пон кивнул нашему хозяину, и мы пошли в сторону дороги. – Поскольку теперь ты здоров, обратно до парома мы прогуляемся пешком. Тут под горку. Красота...

Солнце поднялось в зенит и жарило немилосердно, поэтому идея меня не обрадовала.

Но спорить я не стал, поскольку и в самом деле мог идти, совсем не хромая.

– Как такое возможно? – спросил я, когда мимо нас с ревом промчался тук-тук.

– Человеческое существо можно представить как пучок нитей, на каждую из которых нанизаны бусинки-дхармы. И при некотором навыке определенные нити можно сдвигать, менять местами, хотя далеко не все и не всегда... свобода их перемещения как раз определяется кармой, нашими предыдущими деяниями и состоянием сознания в конкретный момент.

– И колдун шевельнул нити внутри меня?

– Именно, – подтвердил брат Пон. – Только не внутри, а принадлежащие тебе. Дхармы, образующие восприятие физического тела, под влиянием его манипуляций заколыхались и сформировали новый узор, в котором нет места тяжелому вывиху.

– А можно было совсем все убрать?

– Можно, но не нужно. Пусть болит и чешется, напоминает о мальчике с ушами, – монах посмотрел на меня с ехидцей.

Я же покраснел и отвернулся: вот зачем он это сказал, а?

Светило палило с жуткой силой, и я, хоть и шагал нормально, но обливался потом. Зверски хотелось пить, но водой мы не запаслись, и предстояло терпеть до «Себен-элевена», находящегося рядом с пирсом.

Мы остановились в тени передохнуть, и тут напомнил о себе телефон, спрятанный в кармане рюкзака.

Как ни странно, это оказался мой тайский консультант-законник.

Необычайно раздраженным голосом он сообщил мне, что если мы не привезем документы в Налоговый департамент сегодня же, то рискуем большим штрафом, и что вообще за мной числится недоимка в размере нескольких тысяч бат.

Проклятье, я совсем забыл про потерянные бумажки, а о недоимке услышал впервые!

За что я плачу этому типу и вообще, почему так много всего одновременно на мою голову?

Бусины на четках

Став на путь свободы, мы начинаем трансформацию и очищение собственного сознания, ликвидацию тех «семян» прошлых деяний, что должны прорасти и проявить себя в конкретных обстоятельствах нашей жизни.

Если не заниматься этим совсем, то они принесут новые плоды, из тех возникнут очередные «семена», что определяют события уже не настоящего, а будущего...

Целенаправленная работа позволяет сделать так, что часть существующих «семян» как бы высыхает и вообще не реализует себя, другие воплощаются намного мягче, вместо тяжелой болезни – легкое недомогание, вместо полного разорения – финансовый кризис.

Но есть такие, что прорастут обязательно.

Это карма, связанная с самыми тяжелыми, эмоционально окрашенными деяниями нашего прошлого, теми вещами, которых мы стыдимся, о которых стараемся не вспоминать даже про себя.

Ее придется отработать так или иначе, и с этим ничего не поделаешь.

* * *

Следы-привычки, созданные в прошлом, во многом определяют наше поведение.

Мы реагируем стандартным образом на одни и те же ситуации, ведем себя предсказуемо и одинаково, точно представляем собой не разумные одушевленные существа, а сложные автоматы.

Следы-привычки проявляют себя во всех струях, составляющих поток восприятия, которым мы являемся: движения тела, эмоции, мысли, поступки и осознание происходящего.

Единственный способ поначалу уменьшить силу привычек, а затем и избавиться от них совсем – сделать их доступными наблюдению, осознать их наличие, и начинать эту практику имеет смысл лишь после того, как освоено смрити, полное осознание.

Нужно отмечать и фиксировать все проявления шаблонности и бессознательности: склонности ходить одними и теми же дорогами при наличии нескольких вариантов, привычку усаживаться на определенное место в транспорте или использовать одни и те же жесты и слова.

Ни в коем случае не нужно пытаться бороться со следами-привычками, ломать их.

Насилие может дать эффект, но краткосрочный, в долговременной перспективе оно принесет больше вреда, чем пользы.

* * *

Мы частенько вынуждены заниматься скучными и, как нам кажется, совершенно бесполезными делами, тратить время и силы на то, что вроде бы ничего не дает нам в духовном плане.

Проблема в том, что нам, по большому счету, недоступно значение того, что с нами происходит, мы не в состоянии осознать, какие последствия через месяц или год принесет то или иное деяние. Мы можем видеть лишь непосредственный эффект, максимум на два шага вперед, но не более.

Наилучший подход – действовать в состоянии Пустоты, когда вопрос «зачем?» и негативные мысли не могут возникнуть в принципе.

Но войти в это состояние не так просто, и есть вариант, который годится практически для всех: любое занятие, даже самое приземленное, воспринимать как духовное упражнение, выработку терпения и стойкости, развитие тех качеств, которые непременно пригодятся в будущем.

Тогда, занимаясь бессмысленным делом, мы как минимум не будем испытывать злости или раздражения.

Глава 5

Время потерь

С братом Поном мы расстались на пирсе Бали Хай.

Он отправился по своим делам, обещав, что разыщет меня вечером, ну а я поймал мотобайщика-таксиста и помчался туда, где еще вчера утром оставил машину: жертвы бюрократическим тайским богам нужно принести как можно быстрее, пока они не навлекли еще каких-нибудь неприятностей на голову бедного фаранга.

Я снял деньги в банке, заехал за тайцем-консультантом, и мы поспешили в Налоговый департамент на Джомтьен Секонд-роад.

Там нас мурыжили два часа, окончательно сломали все мозги, и хотя вроде бы перестали грозить штрафом, недоимку все же насчитали и заставили немедленно уплатить.

Так что из стеклянных дверей, украшенных гербом Таиланда, я вышел куда более бедным, чем вошел в них. Мрачно уставился на консультанта и уже собрался заявить, что его работа меня не устраивает, как вновь зазвонил телефон.

Сердце сжалось в ожидании новой каверзы судьбы.

И, едва приложив трубку к уху, я понял, что оно не ошиблось.

– Через три часа мы ждем деньги, – сказал хорошо знакомый хриплый голос. – Приезжай туда же, где мы встречались в прошлый раз.

И на этом мой собеседник разорвал соединение.

Толик улетел на родину, а с ним отправилась за горизонт и моя надежда взять взаймы... Если я выгребу все со своего счета, то не наберу и трети нужной суммы... Можно, конечно, пойти на конфронтацию, не явиться на встречу и обратиться в одну из тайских охранных контор, чтобы они с завтрашнего дня взяли под присмотр мои магазины...

Но это обойдется в копеечку и существуют ли вообще эти самые конторы?

Много лет прожив в безопасном Таиланде, я никогда не интересовался сервисом подобного рода и не был уверен, что услуги частной охраны представлены в тихой курортной Паттайе.

Проклятье, что же делать?!

Я осознал, что таец-консультант распрощался и уехал, а я уже пять минут стою столбом на крыльце Налогового департамента.

Обратиться в полицию, рассказать о том, что меня вчера избили?

Но побои благодаря помощи колдуна выглядят так, словно им неделя, не меньше, да и неизбежно появится вопрос: почему я не пошел к стражам порядка сразу, ждал целые сутки, а если взять с момента начала вымогательств, то целую неделю?

Тоже не вариант.

А значит, надо договариваться, вспомнить молодость, те «стрелки», в которых я несколько раз участвовал, и вовсе не как наблюдатель, а в качестве активной стороны...

Эх, и где брат Пон, когда он больше всего нужен?

Но нет, что я, маленький, чтобы надеяться на «большого дядю»? Справлюсь сам!

Я осознал, что уже пять минут стою столбом на крыльце Налогового департамента.

Я вернулся в машину, включил кондиционер и решил, что если и идти на переговоры, то в состоянии Пустоты, в том самом, когда ты не соотношишь все, с тобой происходящее, с собственной личностью.

Пребывая в нем, ты не ощущаешь страха, не думаешь, что принесет будущее.

Идеальный настрой для ведения переговоров с вымогателями...

У меня есть примерно два часа, чтобы войти в него и доказать, что я не зря учился у брата Пона.

Начал я, как и положено, со счета вдохов, затем с помощью «это не я, это не мое» отстранился от собственных мыслей и эмоций. На то, чтобы включить смрити на полную мощь, мне понадобился примерно час, но вот после этого все пошло не совсем так, как я задумывал.

Осознавая, что нахожусь в своем автомобиле, припаркованном на Джомтъен Секонд-роад, дышу влажным и чуточку смрадным воздухом Паттайи, что по-прежнему ощущаю слабую тревогу по поводу вечерней встречи и то, как чешутся заживающие царапины, а повязка сдавливает лодыжку, я неожиданно воспринял ледящее дуновение на затылке...

Я мог не оглядываться, я прекрасно знал, что увижу за спиной, меж лопаток и выше: клубящуюся черноту, равнодушную и в то же время голодную, ждущую того момента, когда можно будет выпить из меня жизнь.

В этот раз она явилась без каких-то сложных ритуалов, без помощи брата Пона.

Но вот странно, осознание того, что смерть находится от меня на расстоянии вытянутой руки, даже ближе, не вызвало страха, вообще не породило каких-либо чувств.

Да, я могу умереть сегодня.

Тот пучок нитей, о котором говорил монах, комментируя работу колдуна, претерпит кардинальную трансформацию, но сам по себе он не исчезнет, сознание примет иную форму, отличную от той личности, с которой я в данный момент себя ассоциирую.

Но это, в конце концов, естественно и произойдет рано или поздно в любом случае.

Так что я был готов к такому развитию событий.

Для того чтобы проверить себя, я вылез из машины, прогулялся до ближайшего магазина, купил бутылку минералки – да, я действовал нормально и адекватно, но при этом не «замешивал» порошок эго в тесто каждого мгновения, не пытался вытеснить заполнившую меня тишину криками-мыслями «а что я с этого буду иметь?».

Насколько я мог судить, я находился в состоянии Пустоты.

Осталось придумать, что именно сказать «друзьям»...

Самое разумное – пообещать, что я продам один из своих магазинов и отдам им все деньги, но на это мне нужна еще неделя. И обязательно добавить, что с телесными повреждениями я не смогу действовать с нужной быстротой и эффективностью.

Даже воспоминание о похищении не вызвало у меня особенно ярких эмоций или мыслей о том, что избиение может повториться.

Да, смерть дышала мне в спину, но я был жив, тоннель из вспышек-дхарм неторопливо крутился вокруг меня, и я плыл через мгновения в состоянии почти полной гармонии, ощущая себя одновременно подсвеченным изнутри и снаружи, со всех сторон.

Глянув на часы, я увидел, что до назначенного времени осталось сорок пять минут – как раз хватит, чтобы доехать до недостроенного здания на одном из soi Сукхумвита. Помедлив мгновение, я отжал ручник и взялся за рычаг переключения передач.

«Поехали!», как сказал Гагарин.

Питьевой йогурт, который я глотал прямо из коробки, был приторно-сладким, но в этот момент он казался мне божественным нектаром.

Помедлив мгновение, я отжал ручник и взялся за рычаг переключения передач.

«Стрелка» закончилась пятнадцать минут назад, и вышло все так, как я хотел. Странно только, что я напрочь забыл, что именно и как говорил, из памяти стерлись детали, осталось лишь общее впечатление: тьма, наполненная запахом строительной пыли и прорезанная лучами фонарей, хриплый голос моего собеседника, шум большой магистрали неподалеку.

Только усевшись обратно в машину, я осознал, что именно сделал, и меня затрясло.

Впервые за долгое время накатило желание выпить, встреченное изрядным удивлением. Но у ближайшего «Фэмили Марта» я притормозил и вот теперь отпаивался йогуртом, приходя в себя.

Ну отлично, я добился того, чего хотел, а значит, и в самом деле придется продать один из магазинов...

Лучше тот, что не подвергся нападению, он меньше и расположен не так удачно.

А значит, нужно заехать туда прямо сейчас, проверить, как обстоят дела, а то, закрутившись, я вообще про него запамятовал и за последние дней десять лишь раз позвонил Жанне, своему продавцу.

Встретила она меня с некоторым удивлением, но без нервозности.

Мы быстренько провели инвентаризацию, после чего я сообщил девушке, что вынужден точку продать. Она, конечно, расстроилась, но не сильно – вменяемый русский продавец с хорошим резюме, с английским и тайским найдет себе работу в Паттайе без особых трудностей.

А выйдя из магазина, я увидел, что у машины меня ожидает брат Пон.

– Bravo, – сказал он и захолопал в ладоши, будто я стоял на сцене, а он сидел в зрительном зале.

– Это вы о чем? – подозрительно осведомился я.

– Ну как о чем? Не глупи, – голос монаха изменился, стал глубоким, серьезным. – Из всех пашен наилучшая пашня осенняя. Из всех следов наилучший – след слона. Из всех осознаний наилучшее – осознание смерти, оно устраняет в трех мирах всякое желание, неведение и гордыню.

Наверняка это была цитата из какого-то древнего и жутко священного текста.

– А... – сказал я без особой радости. – Ну да.

То состояние, в котором я общался с вымогателями, понемногу уходило, я более не ощущал холодного дыхания на затылке, но и мир воспринимал скучным, привычным образом. Эмоции текли своим потоком, как и мысли, и существующее отдельно от прочего тело все чаще напоминало о том, что устало.

Еще бы, день выдался длинным и насыщенным.

– Но почитать на лаврах бессмысленно, так что поехали, – и брат Пон хлопнул по капоту машины.

– Куда? – спросил я.

– На прогулку, – заявил монах. – Я буду тебе говорить, куда нам нужно.

Когда выяснилось, что мы направляемся на юг, в сторону Районга, я загрустил. Свернул с трассы там, где указал брат Пон, затем повернул второй раз, третий и понял, что находишься в совершенно незнакомых местах.

Под колесами был ветхий, потрескавшийся асфальт, который временами исчезал совсем. За обочинами тянулись поля, изредка встречались рощицы или отдельно стоящие деревья, еще реже попадались строения, большей частью погруженные в темноту.

Дорожные указатели здесь имелись, но сплошь на тайском, и прочитать их я не мог.

– Куда мы едем? – не выдержал я, когда дорога окончательно превратилась в проселок.

– Потерпи, скоро узнаешь, – отозвался брат Пон.

В умении нагнетать атмосферу загадочности он бы дал фору самым известным фокусникам.

Еще через километр я съехал на обочину и остановился.

– Фонарь у тебя есть? – спросил монах и, дождавшись ответа, извлек из рюкзака нечто вроде маленького прожектора.

То, что я вытащил из бардачка, смотрелось рядом с этой штукой как эсминец при линкоре.

– Гляди под ноги, тут могут быть змеи, – предупредил брат Пон, и мы вылезли из машины.

С одной стороны от дороги поднимался холм, похожий на горб исполинского динозавра, с другой в заросли вела узкая тропинка, протоптанная в высокой траве. Неистово скрежетали обитающие в кронах насекомые, время от времени доносился птичий крик, сверху нависало усыпанное звездами небо.

Паттайя с ее толпами, смогом, шумом и огнями казалась тут диким кошмаром.

– Иди за мной, – и брат Пон неторопливо затопал по тропе.

Я двинулся следом, подсвечивая дорогу, выглядывая кочки и затаившихся в траве пресмыкающихся – сандалии у меня сплошь из ремешков, от змеиного укуса защитить не способны.

Мы прошли через участок таких густых зарослей, что даже фонарь не позволял заглянуть дальше чем на метр. Миновали небольшой пригорок, и тут монах свернул с тропы на полосу слегка примятой травы, напоминавшую след от мотоцикла с удивительно могучими шинами.

По сторонам начали встречаться каменные плиты, серые, обгрызенные временем. А затем впереди поднялось нечто массивное, слишком правильных очертаний, чтобы быть творением природы.

– Смотри, – просто сказал монах, отступил в сторону и повел луч своего прожектора вверх.

Будда, сидевший в позе лотоса, был тоже высечен из камня, но темно-багрового, гладкого, словно покрытого мыльной пленкой. Над его головой, будто зонтик, нависала раздувшая капюшон огромная кобра, глаза Просветленного были закрыты, руки сложены на коленях, и в одной он держал цветок.

Изваяние выглядело так, словно его изготовили вчера, и еще оно... мерцало!

Светилось дрожащим огнем, выбрасывало синеватые искры вверх и в стороны, хотя видеть это я мог только краем глаза; если же пытался смотреть прямо, сверкание исчезало.

– Кто... кто это сделал? – спросил я, обретя дар речи.

– Имеет ли это значение? – ответил вопросом брат Пон. – Смотри, лишь смотри. Чудеса предназначены не для того, чтобы их препарировать...

Сколько мы простояли рядом со статуей, я не знаю, время потеряло для меня смысл. В один момент монах сказал, что хватит, и мы пошли обратно через заполненную стрекотом насекомых тьму.

Над головой Будды, словно зонтик, нависала раздувшая капюшон огромная кобра.

Идея переночевать в машине меня не обрадовала, но и огорчения не вызвала.

Брат Пон улегся на заднем сиденье, я же поместился в кузове, подложив под голову рюкзак.

Проснувшись, обнаружил, что отлежал все, вплоть до пяток.

Выбрался я из кузова, кряхтя и охая, и без удивления обнаружил, что монах уже не спит, а выкладывает из рюкзака на капот бутылки с водой и пакеты с фруктами.

– Вот и завтрак, – сказал он. – Как спалось?

– Ничего, – отозвался я, крутя головой, чтобы хоть как-то размять шею. – А можно... Хотелось бы еще раз на Будду посмотреть...

– Я бы на твоём месте не стал. Запрещать тебе ничего не буду, но и сам не пойду.

Такое отношение меня удивило – как можно отказать себе в удовольствии посозерцать такую красоту? Покончив с едой, я отправился по той тропке, которой мы шли ночью, но, к моему удивлению, уже через сто метров очутился в тупике посреди непролазных зарослей.

Побродив туда-сюда, я все же не решился в них сунуться и мрачно двинулся обратно к автомобилю.

– Опять вы что-то сделали такое, что я ничего не могу найти, – пробормотал я, усаживаясь на место водителя.

Брат Пон, расположившийся по соседству, только усмехнулся.

Он наверняка хорошо помнил, как я плутал по джунглям на берегу Меконга.

– Просто ты получил здесь все, что должен был, – сказал монах мягко. – Кстати... Решил что-нибудь?

– Магазин буду продавать, – ответил я с тяжким вздохом.

– Вспомни о том, как один царь благодаря проискам богов за одну ночь лишился вообще всего, у него сгнули богатства из казны, жены, обстановка дворца, слуги, остались только серп и веревка.

– И как он выкрутился? – поинтересовался я, заводя мотор.

– Нить не стал, обрадовался, пошел рубить траву, вязать ее снопами и продавать, – сообщил мне брат Пон.

Намек выглядел более чем понятным, но притча меня мало утешила.

Днем места, через которые мы проезжали, выглядели совсем иначе, чем ночью.

Никакой сказочности, намека на тайну, сплошь грязь и пыль, убогие домишки, придавленные жарой растения, пейзаж такой скучный, что при одном взгляде на него нападает зевота.

Когда впереди показался Сукхумвит, я приободрился.

У съезда на трассу притормозил, глянул направо, чтобы убедиться, что дорога чиста, и только потом дал газу. Откуда вынырнул несущийся с бешеной скоростью грузовик, я не понял, только что его не было, и вот он уже рядом, идет на таран прямо мне в бок!

Я успел только чуть повернуть руль.

Грохот, скрежет металла, лязг стекла, меня швырнуло вперед, ремень вонзился в грудь, застонали ребра.

Последовал тяжелый удар, перед глазами все замелькало, на миг я словно завис в воздухе.

Второй удар, жалобный визг и шипение выходящего из шины воздуха.

Мой «Ниссан» стоял, уткнувшись носом в кювет, лобовое стекло превратилось в паутину трещин, но не рассыпалось.

– А... – только и смог сказать я, облизывая сухие, как наждак, губы.

– Вылезаем, – голос брата Пона звучал так безмятежно, словно мы не попали в аварию, а прогулялись в лодочке по реке и только что причалили.

Рядок с автомобилем возник таец средних лет, затараторил, размахивая руками.

Трясущейся рукой я выдернул ключ зажигания и принялся отстегивать ремень.

Выбравшись из автомобиля, обнаружил, что меня не держат ноги, и уселся прямо на запыленную траву.

– Я вижу, ты цел, ни царапины, – заметил вставший рядом монах. – Я тоже. Настоящее чудо.

Я вяло кивнул.

Рядом с автомобилем возник таец средних лет, затараторил что-то, размахивая руками. Брат Пон ответил ему тихо, успокаивающе, и таец, судя по всему, водила того самого грузовика, облегченно заулыбался.

Да, мы не пострадали, хотя подушки безопасности не сработали... дикий случай.

Только вот «Ниссан», не так давно перекрашенный, а до этого много лет служивший мне верой и правдой, за несколько мгновений превратился в не подлежащую восстановлению развалину.

Если чинить, то выйдет в такую копеечку, что проще купить другую машину...

Приехали тайские гибэдэдэшники, и брат Пон взял их в оборот так же ловко, как и водителя грузовика. Мне только и осталось, что подписать документы да пройти «медицинское освидетельствование», заключавшееся в том, чтобы дыхнуть в физиономию одному из стражей порядка.

Более или менее я пришел в себя только в такси, что везло нас в Паттайю.

Мы как раз уперлись в пробку, иногда по непонятной причине возникающую на подъезде к городу.

– Суд будет, – сказал я мрачно. – И наверняка меня признают виновным.

– Это возможно, – признал брат Пон. – Но я бы не стал об этом беспокоиться.

– А о чем тогда беспокоиться?

– Смотри, – вместо ответа монах указал за окно, туда, где в три ряда стояли машины. – Каждый из сидящих внутри мнит себя гордым обладателем зверя о четырех колесах. Только эта собственность похожа на карму, она лишает их возможности выйти наружу и двинуться пешком, налегке, свободным, не привязанным к такой вещи, как шоссе. Внутри же, в железной коробке, людей держит страх потерять не только машину, но и собственный статус, с ней связанный.

– Но в автомобиле можно ехать быстрее... – начал я и осекся, поскольку вдруг понял, что брат Пон имеет в виду.

Не мозгами, а всем телом, целым существом, единым миром от тех дхарм, что создавали образ находящегося вовне меня, до тех, что складывались в узор мыслей и чувств, находящийся условно внутри.

Скорость не имеет значения в реальности, где царствует только лишь сознание.

Я изо всех сил попытался вцепиться в ту истину, что открылась мне, удержать от нее хотя бы кусочек.

– Не напрягайся, – посоветовал брат Пон. – Мудрость есть в тебе с самого начала. Нужно только не мешать ей проявлять себя.

И я расслабился, откинулся на спинку автомобильного сиденья и перестал беспокоиться: о разбитой машине, о том, что мне нужно срочно продать один из магазинов, и насчет того, что пылающий золотым светом обломок знания, который я отхватил только что, понемногу тает, погружается во мрак.

– В потерях кроется большая польза, – монах говорил негромко, почти шептал. – Лишаясь чего-либо, ты опустошаешь свой мир, получаешь шанс изменить его, сделать шаг вперед...

Я слушал, и машины ползли по Сукхумвиту, точно стадо металлических черепашек.

Едва мы вернулись в Паттайю, я развил бешеную активность.

Устроился в том магазине, что пострадал от погрома, и взялся за дело – телефонные звонки, электронные письма, объявления на соответствующих форумах. Обратная связь пошла тем же вечером, когда мы с братом Поном сняли номер в той же гостинице возле Мемориала Госпиталя.

За суетой я не забывал и об упражнениях, начиная от самовстряхивания и заканчивая поиском васан-шаблонов, и, как ни странно, все успевал, и все более или менее получалось.

Утром следующего дня стало ясно, что у меня есть серьезный покупатель, но к нему придется ехать в Бангкок.

– Я уже и не помню, когда в последний раз пользовался автобусом, – сказал я, осознав тот факт, что машина моя годится лишь на то, чтобы ржаветь на свалке, а денег нет даже на такси, не говоря о том, чтобы арендовать или купить другой автомобиль.

– Вот и вспомнишь, – заявил брат Пон. – Это дело полезное.

До автостанции на Северной улице мы добрались на тук-туке и вскоре уже забирались в салон автобуса.

Народу тут было полно, десяток хихикающих школьников на задних сиденьях, парочка древних еврофарангов перед нами, пухлый таец, жрущий фаст-фуд из большого макдональдского пакета, – через проход.

Когда он принялся сочно рыгать, я понял, что нас ждет веселая поездка.

Мы выехали с автостанции, я настроился подремать и даже закрыл глаза, и тут внезапно получил тычок в бок.

– Хватит спать! – сурово заявил брат Пон. – Времени нет! Будем учиться!

– Здесь? – я огляделся.

– Чем это место хуже любого другого? Или того автобуса, что вез нас в Чиангмай?

На это мне возразить оказалось нечего.

– Это упражнение называется «Погружение во тьму», – сказал брат Пон торжественно. – Чтобы ты мог его исполнять, ты должен воспринимать себя как сознание-сокровищницу, от которого исходят прочие виды сознания... ну ты помнишь. Приступай.

Школьники визжали, таец через проход жрал так, что за ушами трещало, с чавканьем и хлюпаньем, фаранги впереди обменивались репликами то ли на шведском, то ли на голландском.

Поначалу это все мешало, а затем перестало, хотя и не прекратило существовать.

Я воспринял колесо, или, точнее, вращающийся тоннель из дхарм, потом заглянул по другую его сторону и добился того, что хотел от меня монах, – вон он я, сдвоенный центр, текучий, колеблющийся, и подобные ему отростки, все разные, мало похожие друг на друга, сотканые из восприятия.

Я захлопнул рот и сосредоточился на том «щупальце», что тянулось к глазам.

– Отлично, – одобрил брат Пон. – Теперь бери зрительное осознание, самое яркое...

Отдергивай его так, чтобы остался лишь поток чувственных данных, но никаких интерпретаций. Вопрос «как» можешь не задавать, ответа словами я тебе все равно не дам, а если и дам, то он не поможет.

Я захлопнул начавший уже открываться рот и сосредоточился на том «щупальце», что тянулось к глазам.

– Ты делал нечто подобное, – добавил монах. – Непроизвольно, бесцельно.

Сначала я попытался отдернуть зрительное осознание так же, как осьминог убирает конечность, но поскольку имел дело не с физическими объектами, у меня ничего не получилось.

Только потерял ментальное равновесие и четкость восприятия.

Пришлось начинать сначала.

Вторая попытка тоже ничем не увенчалась, и я начал чувствовать утомление, щедро приправленное раздражением: чего от меня хочет брат Пон, как вообще можно убрать

осознание зрительных объектов от того органа, который образы этих самых объектов и поставляет?!

Что случилось потом, я не понял. Из недр автобуса, заполненных кондиционированным воздухом, я словно перенесся в другое место, в иное пространство. Очутился в глубоком мраке, не мешавшем видеть множество пятен разных цветов, форм и размеров, некоторые оставались на местах, другие перемещались.

Я поднял руку, и передо мной возникло некое движение.

Мрак сгинул, я осознал, что пялюсь на собственную ладонь и что меня трясет как в лихорадке.

– Примерно так это и выглядит, – сказал брат Пон. – Давай еще раз.

Со второй попытки у меня вышло куда быстрее, но я бы не сказал, что лучше. Погружение во тьму, что вовсе не являлась тьмой, опять вызвало сильнейший физический дискомфорт, мне не было больно, холодно или тяжело, но все же я едва мог выносить это состояние.

– Почему так? – спросил я, отдышавшись.

– Потому что это непривычно, на порядок более непривычно, чем переместить центр восприятия в стопу или составить объект из однородных частей других объектов. Заставь нетренированного человека сесть на шпагат, так он связки порвет... Так и тут. Разве что травма грозит разуму, а не телу.

Монах некоторое время разглядывал меня, а потом велел:

– Давай теперь с осязательным.

– А времени хватит? – мрачно спросил я, выглядывая в окно.

Где мы находились, я определить не смог, но автобус тащился не быстрее страдающего одышкой бегемота – на подъездах к Бангкоку пробки возникают регулярно.

– Хватит, – отозвался брат Пон решительно. – Еще не меньше часа.

С осязательным сознанием я управился немного быстрее, чем со зрительным, поскольку теперь знал, как действовать, хотя вряд ли смог бы выразить это «знание» в словах.

Погружение в восприятие тактильных ощущений: текстура ткани джинсов, что обтягивают мои ляжки, форма спинки сиденья, шероховатая кожа подлокотника, натяжение там, где ног касаются ремешки сандалий... И потом скачок, рывок, когда сознание отдергивается, хотя ощущения не исчезают, прекращается лишь их обработка и сортировка, настолько привычная, что мы обычно путаем ее с тактильными, слуховыми и прочими сигналами.

Автовокзал встретил нас суетой, воплями наглых туктукеров, рычанием моторов.

И вновь я будто провалился в темный колодец, по телу расползлось онемение, я одновременно лишился веса и стал тяжелым, как тот же бегемот, которого я недавно вспоминал.

– Это словно ты в ночном кошмаре, – пожаловался я, завершив упражнение. – Хочется вырваться, всплыть из этой темноты, но сил нет, и тело не слушается...

– Неизжитые аффекты мешают, – сказал брат Пон. – Ты почти от них избавился. Только вот это «почти» имеет критическое значение, без него порхал бы точно перышко, легкий и бесшумный, а так напоминаешь воздушного змея из брезента и железных палок, что если и взлетит, то лишь на сильном ветру. Давай, работаем дальше, время есть...

Брат Пон слегка приуменьшил, до Бангкока мы ехали не час, а целых два.

Я успел поработать еще с осознанием звуков, но тут успеха не добился вообще, и, скорее всего, потому, что банально устал: тело ломило, голова трещала как с похмелья, хотелось лечь прямо в проходе между креслами, закрыть глаза и поспать часиков восемь.

Автовокзал Экамай встретил обычной суетой, воплями наглых тук-тукеров, рычанием моторов и бензиновой вонью.

– Красота, – сказал брат Пон, осматриваясь с широкой улыбкой. – Отличное место. Ну, с точки зрения Большого Отшельничества.

Я его энтузиазма не разделял.

К столице королевства я не испытывал особой симпатии и старался бывать тут пореже.

– Отвали, – буркнул я в сторону очередного таксиста, стряхивая с предплечья его цепкую лапку.

Нам нужно на Петчабури-роад ближе к центру, а это значит, что проще и дешевле доехать на скай-трейне до Национального стадиона, ну а там прогуляться пешком с километр: таец на такое расстояние никогда не пойдет, если можно доехать, ну так я бешеный фаранг из России, мне семь верст не крюк.

За мобильный я взялся, когда мы вышли из вагона скайтрейна.

Ответил вежливый молодой человек, с которым мы уже беседовали ранее, и крайне любезно, с многочисленными извинениями, объяснил, что его босс не сможет встретиться со мной сегодня из-за неожиданно возникших неотложных дел, только завтра с утра.

Удержаться от проклятий мне помогло лишь знание того, что в общении с тайцами они бесполезны.

Ничего не добьюсь, только лицо потеряю.

– Придется ехать назад, – сказал я кисло, предвкушая несколько часов обратной дороги, а завтра новую попытку добраться до Бангкока.

– А зачем? Можно же тут остаться. Или у тебя в Паттайе дела?

Этот вопрос заставил меня задуматься – машины у меня больше нет, апартаментов тоже, все имущество в том рюкзаке, что висит за плечами, один магазин готовлю к продаже, вот как дела во втором, хотелось проверить, но это можно отложить на завтра, а сегодня ограничиться звонком Виктору.

Ну и там, где мы заночуем, наверняка будет Интернет...

– Нет, – признал я. – Только чем тут заниматься?

Огромный мегаполис, куда больше Москвы, сильно отличается от курортной Паттайи, где всегда можно отправиться к морю. В реке Чаопрая или в каналах будет купаться только самоубийца, по магазинам я не ходок, все достопримечательности видел.

– О, я придумаю, как тебя развлечь, – и брат Пон кровожадно потер руки.

К моему удивлению, он поймал тук-тук и велел отвезти нас к такому насиженному туристами месту, как Ват Пхо, храм лежачего Будды, внутри стен которого укрыта колоссальная статуя Просветленного.

– Отправимся на экскурсию, – заявил монах. – Но не сюда.

Для начала он привел меня в крохотную забегаловку, судя по виду, китайскую, и заказал настолько экзотическое блюдо, что его вряд ли продали бы явившемуся сюда в одиночестве фарангу. А то начнет есть, бедолага, и на полпути копыта откинёт, возись потом с холодным телом.

Что лежало у меня в тарелке, я не понял, а спросить не рискнул.

Хотя на вкус оказалось очень даже ничего.

Затем мы погрузились на крохотный паром, и тот, важно покачиваясь и неспешно лавируя между баржами и прогулочными катерами, двинулся по серобурым волнам Чаопраи.

– Вы решили посетить Ват Арун? – спросил я, глядя на приближающийся силуэт чуть ли не самого красивого храма Таиланда: изящная фаллическая громада ступы-чеди в центре, еще четыре таких же, но куда меньше, стоят квадратом, словно часовые при монархе.

– А ты против?

– Ну, нет... – я пожал плечами.

Ват Арун я осмотрел в свой первый визит в Таиланд, много лет назад, и с тех пор о нем не вспоминал.

Мы прошли мимо собственно храма, снаружи крапчатого, внутри пестрого, миновали выставку серых изваяний во дворе – монахи, воины, чудовища, всадники, слоны. Остановились рядом с главной ступой, что вонзалась в небо подобно окаменевшей струе исполинского гейзера.

– Рассмотрю ее внимательно, – велел брат Пон. – Все украшения, фигуры, цветы... Ничего не напоминает?

– Нет, – признал я после нескольких минут напряженного созерцания.

– Это фальшивая реальность, сансара, что лишена независимого существования, обусловлена, а по этой причине пустотна... – тут монах на мгновение остановился. – Только нирвана, истинная реальность, тоже пустотна, поскольку она не имеет отношения к порождениям омраченного сознания, целиком существует за его пределами... И она здесь. Обе изображены с помощью единственного объекта.

Шагнув вперед, он погладил пестрые изразцы, пробежал пальцами по фигурке расставившего руки демона в причудливом головном уборе, по торчавшим из его пасти клыкам вроде кабаньих.

– То есть природа их, основа, совершенно одинакова, – продолжил брат Пон, развернувшись ко мне. – Отличие существует лишь внутри нас, создается нами самими.

– А в центре всего пустота? – уточнил я нервно.

Вновь накатило жуткое ощущение, что я стою на тонкой пленке, что все вокруг – не более чем рисунок на непрочной ткани, а за ней плещется нечто холодное, жуткое, непостижимое, лишенное содержания.

Главная ступа вонзалась в небо подобно окаменевшей струе исполинского гейзера.

– Шуньята, которой древние насчитывали аж целых двадцать видов, начиная от нереальности внутренних элементов бытия и нереальности внешних объектов и заканчивая нереальностью знания нереальности и нереальностью знания прошлого, настоящего и будущего...

Тут уж голова у меня пошла кругом по-настоящему, колени ослабели.

Вот-вот порвется пленка, и я рухну в бездну, растворюсь, исчезну.

– Вспомни о сострадании! – брат Пон взял меня за плечи и встряхнул так, что зубы клацнули. – Единственное, что есть в этом мире реального! Оно заполняет пустоту! Немедленно!

– Но к кому? – выдавил я.

– Да хотя бы к тому типу, которому ты собрался продать магазин!

Получилось у меня далеко не сразу, мы провели на территории храма больше часа, но зато я и в самом деле сумел породить в себе нужное состояние восприятия – нет другого человека, есть часть тебя, погруженная в невежество и мрак обыденного существования.

И как можно злиться на нее за то, что придется застрять в Бангкоке на ночь?

Ощущение бездны, пустоты, что пряталась за всеми объектами, не исчезло совсем, но потеряло силу, перестало меня пугать. Я вспомнил слова брата Пона, что «Пустота – это на самом деле Полнота, источник всех явлений», да и практика сострадания наверняка сыграла свою роль.

Обратно мы переправлялись уже во мраке, разглядывая ярко освещенный королевский дворец и Ват Пхра Кео.

А затем тук-тук отвез нас на Каосан, не особенно длинную кривую улицу, сплошь утыканную отелями, хостелами и гестхаузами. Брат Пон выбрал из всех чуть ли не самый затрапезный, с золотым драконом на вывеске и предсказуемой надписью «Golden Dragon» над входом.

В вестибюле нас встретила куча молодежи, рассеявшейся прямо на рюкзаках, и то ли спящий на ходу от усталости, то ли просто тормозной от природы тип на ресепшене.

Пока брат Пон с ним общался, двое юных американцев предложили мне выпить.

Я вежливо отказался, но тут подошел третий, рыжий, в голубой рубашке с ярко-оранжевыми попугаями и начал вещать что-то по поводу проклятых «комми», что должны сидеть в своей стране и не высовываться.

Этот точно был «в соплю».

– Извини, приятель, – сказал один из тех парней, что подошли первыми.

– Никаких проблем, бывает, – отозвался я: сам когда-то был не без греха, творил глупости в пьяном виде, так что поведение юнца вызвало у меня только улыбку.

Соратники подхватили упившегося соотечественника и уволокли его подальше от меня, за груды рюкзаков.

– Пошли, – сказал брат Пон, продемонстрировав мне ключ на бирке. – Второй этаж.

Посреди лестницы валялось храпящее тело, которое мы аккуратно обогнули. Открылся вход в коридор, узкий и так слабо освещенный, что номера на дверях были едва видны.

Шагнув в комнату, я убедился, что у нас в распоряжении две койки, забранное решеткой окно и полоса пола шириной в метр и длиной в два.

– А-а-а! – сладострастно застонали за правой стеной.

Выбравшись из кабинки, я столкнулся лицом к лицу со скупой одетой девицей.

Звукоизоляцию в данной конкретной части Вселенной еще не изобрели.

– Мы поселились именно сюда с какой-то целью? – спросил я, повернувшись к брату Пону.

– Ты же знаешь, что я ничего не делаю просто так? – отозвался тот лукаво и улегся на койку, давая понять, что рассказывать, почему все так задумано, он не собирается.

Я сгрузил на пол рюкзак, заграбастал полотенце и отправился искать душ.

Тот обнаружился в торце коридора, еще более темный, воняющий плесенью и марихуаной. Бойлер включаться не пожелал, но для того, чтобы ополоснуться, мне хватило и холодной воды.

Выбравшись из кабинки, я столкнулся лицом к лицу со скупой одетой девицей: джинсовые шортики, черный лифчик едва удерживает налитую грудь, спутанные белесые волосы висят лохмами.

– Привет, – сказала она по-английски, тараша мутные глаза. – Ты кто?

Я назвалась.

– А я Хелен, – сообщила она. – Ты как насчет того, чтобы перепихнуться?

Откровенно говоря, я обалдел и наверняка замер с открытым ртом, как дурачок на ярмарке.

– У меня в комнате Джоанна спит, там нельзя, – продолжила девица. – У тебя как?.. Хотя давай прямо тут, чего уж...

И она деловито принялась стаскивать шортики.

– Нет, спасибо... нет... – жалобно забормотал я, понимая, что краснею, злюсь на себя и на эту похотливую дуру.

– А, ты гей? – понимающе кивнула Хелен. – Но если чего, ты мигни... Затусуем. Партнера захвати, я групповуху люблю... Джоанна проснется, она вообще огонь, когда закинется... Мы в двести шестом... окей?

– Окей, – выдавил я и сбежал.

В комнату вломился, запыхавшись, и торопливо закрыл за собой дверь.

– Что такое? – спросил брат Пон с интересом. – За тобой гонятся якши? Сам Мара?

Я помотал головой и рассказал, что произошло.

Монах ржал так, что соседи перестали эротично стонать и принялись возмущенно колотить в стену.

– И ничего смешного, – пробурчал я мрачно. – Почему вот такая фигня происходит? Когда я рядом с вами!

– Ничего удивительного, – сказал брат Пон. – Наставник, помимо прочего, исполняет еще и функцию Зеркала Дхармы, то есть отражает все недостатки и недоработки ученика точно так же, как обычное зеркало показывает грязь и беспорядок. Прекрасно, что твоя похоть явила себя вовне, а не внутри тебя...

– Похоть?! Да я... – я хотел сказать, что забыл и думать о женщинах, особенно в последнее время, но прикусил язык.

Это было бы не совсем правдой... нет, совсем неправдой.

– Ты не напрягайся, – монах похлопал по моей койке. – Приляг, отдохни чуток. Каждый человек, встречающийся тебе на пути, – это наставник, и главная проблема – понять, чему ты должен у него научиться.

– И эта Хелен тоже? – недоверия в моем голосе хватило бы на роту скептиков.

– Конечно, – подтвердил брат Пон. – Но не жди, что я тебе разжую и в рот положу. Сам подумай... Может быть, в отдельных ситуациях ты ведешь себя так же, как она?

Я улегся на кровать и некоторое время пытался шевелить мозгами, поворачивая ситуацию так и сяк.

– Ну почему нельзя обойтись просто какими-нибудь медитациями в тихом уголке? – спросил я через полчаса, когда стало ясно, что толку от умственных усилий никакого, слишком устал.

– Иногда можно, но далеко не всегда, – ответил брат Пон. – Чаще этого маловато. Жил как-то один монах...

И вот этот служитель Будды, как стало ясно из дальнейшего рассказа, обитал в уединении, в горах, и медитировал так, что у него разве что дым из ушей не шел, а на окружающий мир внимания не обращал.

И вот шел мимо некий бодхисатва, и, увидев этого монаха, он подошел к его хижине и принялся рукавом рясы натирать камень.

В первый день служитель Будды не отвлекся от своих занятий, на второй тоже, но на третий не выдержал и спросил: «Что делаешь ты, незнакомец?»

«Собираюсь изготовить зеркало», – ответил бодхисатва.

«Разве можно сделать зеркало, полируя кусок скалы?» – изумился монах.

«А разве можно стать Буддой, сидя тут в одиночестве и практикуя медитацию?»

И, услышав эту фразу, монах достиг просветления.

Едва брат Пон закончил рассказывать, как снизу донеслась музыка, такая громкая, что от нее затряслось все здание – то ли в нашем гестхаузе, то ли в соседнем, то ли вообще на улице началась дискотека. Положенная на голову подушка помогла мне не больше, чем лист фанеры, подставленный под винтовочную пулю.

Ночь у нас вышла предсказуемо «веселая».

Внизу орали и, судя по звону, били бутылки, пару раз к нам в дверь стучали с предложениями купить траву с большой скидкой, а один раз просто скреблись безо всяких слов.

При мысли о том, что это может быть Хелен, мне захотелось укрыться под кроватью.

Затем я все же уснул, а открыв глаза, обнаружил, что весь чешусь, а на предплечьях виднеются красные точки – следы того, что ночью меня посетили гостеприимные тайские клопы или еще какие кровососущие твари.

Брата Пона, судя по его лучезарной физиономии, они не тронули.

Побоялись связываться – укусишь такого, так из мира животных отправишься прямиком в ад на миллион-другой лет.

Позавтракали мы в кафе по соседству, и на удивление дешево и вкусно – сто лет я не ел такого отличного фруктового салата, ну и кофе у них варил явно большой умелец, да еще из настоящих, правильных зерен.

На мой звонок вежливый юноша сообщил, что ждут с нетерпением, можно ехать.

– Отправлюсь-ка я с тобой, – сказал брат Пон. – Пригожусь как переводчик. Тайского же ты не знаешь.

Я посмотрел на него с сомнением: как меня воспримут, если на переговоры я притащу лохматого типа в мятой рубаше, джинсах в молодежном стиле и с золотой цепью на шее?

Брата Пона, судя по его лучезарной физиономии, клопы не тронули...

– Надо бы еще рот пивом прополоскать и облиться, чтобы воняло как следует, – развил идею монах. – Тогда нас либо на порог не пустят, либо отнесутся с уважением. Поймут, что если явились в таком виде, то люди серьезные.

Меня эта идея так ошеломила, что о намечавшихся возражениях я и думать забыл.

Встречавший нас молодой таец в безупречно выглаженном костюме если и удивился, что я кого-то привел с собой, то чувств своих не показал. Он провел нас в просторный кабинет, где под торчавшей из потолка вытяжкой сидел таец постарше, судя по внешнему сходству, отец первого.

– Не возражаете, если я буду курить? – спросил он на ломаном английском.

– Нет... – не успел я договорить это короткое слово до конца, как в руках хозяина кабинета возникла толстая сигара.

Вскоре я понял, зачем нужна вытяжка.

Что самое паршивое, в этот день она не работала – сломалась, как сказали нам с извинениями, – и поэтому мы сидели в настоящих клубах дыма, то ароматного, то вонючего, иногда приятного, а временами такого, что от него драло горло и судорога терзала легкие.

Это вполне могло быть психической атакой, но если на меня она хоть как-то действовала, то брат Пон не поддавался. Он невозмутимо улыбался, глядя, как хозяин кабинета закуривает одну сигару от другой, тыкал пальцами в фотографии магазина и документы и вещал на двух языках с уверенным видом человека, провернувшего не один десяток больших сделок.

Наши контрагенты смотрели на него все с большим и большим уважением.

– Ну ладно, годится, – сказал наконец старший, втыкая в огромную пепельницу останки последней сигары. – Мы принимаем ваше предложение, мистер Гор, все хорошо.

Я вздохнул с облегчением.

– Но есть маленький нюанс...

Тут я напрягся – что еще?

– Формально владельцем компании является мой отец, и нужно его согласие, – проговорил хозяин кабинета, разводя руками. – Он сможет прибыть сюда через полтора часа. Мой сын сделает так, чтобы вам не пришлось скучать это время...

Я расслабился снова – подождем, никаких проблем.

Бусины на четках

Обычно мы боимся потерь, и совершенно напрасно.

Во-первых, они неизбежны, рано или поздно мы лишимся всего, что ныне считаем ценным и важным, начиная от собственности или места работы и заканчивая дорогими нам людьми.

Страшиться лишений – все равно что опасаться рассвета.

Во-вторых, потери несут с собой новые возможности, они опустошают наш мир и тем самым дают шанс измениться, встряхнуть, трансформировать закаменевшую от привычного употребления реальность, кардинально перетасовать составляющие ее нити-дхармы.

Главное – сосредоточиться на конструктивном потенциале ситуации.

В-третьих, самое главное, что у нас есть, мы не потеряем, даже потеряв все остальное: лишившись крова над головой, друзей и самоуважения, мы не сможем утратить свое сознание, восприятие, то самое, что содержит в себе мир со всеми его чудесами.

* * *

«Погружение во тьму» состоит из двух больших этапов, и приступать к нему можно лишь после того, как все предыдущие упражнения освоены, эгоистическая фиксация ослаблена, а сознание обрело достаточную гибкость.

Первый этап делится на шесть стадий.

Каждая выглядит одинаково – выбирается один из видов сознания – зрительное, слуховое, осязательное, обонятельное, вкусовое или мысленное, – и происходит сосредоточение на нем, желательно с точки зрения алая-виджняны, сознания-сокровищницы, хотя это не обязательно.

Затем, когда концентрация достигает максимального уровня, необходимо прекратить работу данного вида сознания, как бы втянуть его «щупальце» в общий для всех центр. Восприятие при этом никуда не девается, прекращается лишь интерпретация получаемых с его помощью данных.

Наибольшую сложность вызывает осознание мыслей, его почти невозможно отделить от их потока.

Второй этап начинается, когда освоена работа со всеми сознаниями по отдельности. Заключается он в том, чтобы одно за другим утянуть в алая-виджняну все «щупальца», целиком прекратить сортировку чувственных данных.

Упражнение сложное, работу с ним ни в коем случае нельзя форсировать, а при возникновении побочных эффектов лучше временно от него отказаться.

* * *

Каждый человек, что встречается на нашем пути, – учитель, наставник.

Главная проблема – разобраться, чему именно можно и нужно выучиться у того, кто ведет себя по отношению к нам враждебно, по-дружески, фальшиво, искренне или просто оказался рядом.

Нет, никто не мешает воспринимать людей как родственников, случайных попутчиков, соратников или конкурентов, но «учительский» подход – самый конструктивный: используя его, можно извлечь пользу из самых вроде бы разрушительных или бессмысленных контактов.

Оказался рядом с нами в самолете болтун? Наверняка скажет что-то полезное...

Кто-то обошел нас, заполучил то, на что мы сами нацеливались, – во-первых, посмотрим, за счет чего он оказался лучше, а во-вторых, крепко подумаем, так ли уж нужен был этот «приз»?

Глава 6 Встреча с прошлым

Младший из тайцев, откликавшийся на европейское имя Томми, посадил нас в черный «Мерседес» и отвез в ресторан, расположенный на окраине бангкокского Чинатауна, снаружи затрапезный, а внутри настолько шикарный, что у меня отвисла челюсть.

Нас встретили, точно вернувшегося в собственный дворец падишаха, и отвели в тихий уголок среди зелени рядом с фонтаном.

– Так они китайцы? – спросил я, когда Томми, извинившись, отошел.

– Да, – подтвердил брат Пон. – Но, судя по выговору, из местных.

Ну да, выходцы из Срединного Государства обитают в Сиаме веками и давно стали тут своими.

Нам принесли меню, и мне на прекрасном английском объяснили, из чего изготовлено каждое блюдо. Но тут вернулся Томми и на правах хозяина взял на себя тяжкие обязанности заказчика.

– Тут не хуже, чем на небесах, – пробормотал я, когда изящная китаянка в цветастом халате принялась носить к нам на стол закуски.

– На каких именно? – уточнил брат Пон. – Ибо миров, где обитают боги, три... Сфера Желаний, Сфера Формы и Сфера, Лишенная Формы...

Дальше он перечислил все ранги небесных обитателей от четырех великих миродержцев и тридцати трех спутников Шакры до существ, пребывающих на небесах, которые нельзя представить ни сознанием, ни без сознания.

И далее на протяжении всей роскошной трапезы монах развлекал нас рассказами о жизни богов.

О том, что одни из них наслаждаются чувственными объектами, как простые люди, вторые – магическим творением, создавая ощущения вроде запахов или вкусов, третьи же получают удовольствие, наблюдая, как другие по их желанию формируют подобные или даже более сложные штуковины.

Я узнал, что боги зарождаются сами, без отца и матери, возникая в виде шести-семилетних детей, и очень быстро вырастают. Что сутки на ближайших к нам небесах длятся пятьдесят человеческих лет, а тамошние обитатели живут пятьсот божественных лет.

Срок же жизни существ, что контролируют созданные другими магические творения, и вовсе получался такой, что для подсчетов пригодился бы ноутбук или на крайний случай математик.

Но и этот срок рано или поздно подходит к концу...

– Одежда и украшения лишаются безупречной чистоты, сияние тела ослабевает, разум утрачивает живость, – рассказывал брат Пон, успевая еще и орудовать палочками. – Когда же боги видят, что из их подмышек струится пот, то это значит, что смерть готова их настигнуть.

На протяжении роскошной трапезы монах развлекал нас рассказами о жизни богов.

– Странно такое слышать, боги – и смерть, – проговорил я в свою очередь, упражняясь с ножом и вилкой.

– Она стоит за каждым, – сказал монах с улыбкой.

У Томми в кармане зазвонил телефон, и он вновь нас покинул.

– Интересно... – я нахмурился, вспоминая. – Что я пережил тогда, в храме, и ранее... Когда окунался в прошлые жизни... Почему я вспомнил только человеческие? Наверняка были такие, где я воплощался в иных мирах...

– Были, – подтвердил монах. – Но в настоящий момент твое сознание имеет форму, свойственную человеку, и оно просто не в силах вместить те образы, что принадлежат восприятию бога, асура, животного, голодного духа или тем более обитателя адов. Представляешь, что произошло бы, сумей ты вспомнить еще и эти состояния?

– Ну да... – протянул я.

Наверняка в этом случае крыша у меня съехала бы далеко и надолго.

Мы закончили с обедом и на том же «Мерседесе» прокатились обратно, хотя всей дороги было пять минут.

– Присаживайтесь, – сказал папа Томми, размахивая очередной вонючей сигарой. – Мой уважаемый отец вот-вот прибудет...

И в этот момент от дверей раздался тихий голос, заставивший меня похолодеть.

– Вот и встретились, – произнес он, и я обернулся, изо всех сил мечтая, чтобы это оказалось ужасным сном.

Чен Одноглазый, облаченный в светлый двубортный костюм, ласково мне улыбался: он постарел, согнулся и опирался на палку, и волос на круглом черепе почти не осталось, но ухмылка у него была точно та же, хищная, волчья, взгляд – пристальным, а указывающий на меня узловатый палец не дрожал.

Меня словно одновременно погрузили в глубокую воду и шарахнули по куполу.

Я видел все, но размыто, и соображал с большим трудом, почти ощущал, как в голове трутся друг о друга камни-мысли.

– Судьба всегда была ко мне благосклонна, – сказал Чен, неспешно ковыляя к столу. – И к тебе тоже... Ведь ты теперь сможешь отдать старый долг и жить дальше с чистой совестью, правда?

Его сын пулей выскочил из кресла, отвесил почтительный поклон.

– Да, – сказал я и глянул в сторону закрывшихся дверей, около которых встали два низкорослых, но очень мощных охранника.

На улицу мы вышли спустя час.

– Всего хорошего, – сказал провожавший нас Томми и улыбнулся как ни в чем не бывало.

Я чувствовал себя рыбиной, которую выпотрошили и подержали на сковороде, но затем по какой-то причине отпустили. Хотелось вопить, ругаться, брызгать слюной, но я понимал, что это все бесполезно и глупо, и поэтому оставался каменно спокойным, даже дышал не чаще обычного.

Магазин я продал за символическую цену.

Спорить с Одноглазым я не стал – ни к чему, если я и в самом деле ему должен, и не важно, что этому долгу восемь лет и что ни в каких документах он не отображен. Старый китаец вполне мог скормить меня тиграм из частного зоопарка, причем так, чтобы ни одна полицейская ищейка не твякнула.

Очень странно, но во время вторых, настоящих, переговоров брат Пон молчал, ну и мои контрагенты его словно вообще не замечали – ну, сидит человек в кабинете, слушает, улыбается, и пусть сидит, главное, что не мешает.

А что самое неприятное – мой рассказ о явившихся в Паттайю вымогателях Чен воспринял с удивлением и сказал, что никого никуда не посылал, и то же самое повторили его родственники.

Старый китаец мог скормить меня тиграм, и ни одна полицейская ищейка не твякнула бы.

А зачем им врать?

«Ты не беспокойся, – сказал Одноглазый на прощание. – Появятся снова – звони. Если кто из чужаков решил прикрываться моим именем, то он совершил очень большую ошибку».

И я стал обладателем золоченой визитки без имени, просто с номером телефона.

– Ты хоть жив? – спросил брат Пон, озабоченно заглядывая мне в лицо.

– Да... нет... не знаю... – сказал я. – Почему вы мне не помогли?

– Как не помог? Ты остался жив и здоров, да еще закрыл старый кармический долг. Что может быть лучше?

И монах с деланным удивлением развел руками.

– Если все вспоминать, то этих долгов... – слова застревают у меня в горле, точно шершавые раскаленные гусеницы. – За всю жизнь... Если все отдавать, то сколько займет?

Ну да, тот карандаш, который я взял у девочки Лены в первом классе и сломал...

Увеличительное стекло, его я утащил из стола у отца и потом куда-то дел, даже не помню куда...

Деньги, взятые займы у бабушки, когда я был глупым подростком и хотел произвести впечатление на подружку... А ведь пенсию она получала не то чтобы большую...

Разбитая по нетрезвому делу машина одного из друзей...

Если все это вспоминать да перебирать, уйдет несколько месяцев, а уж на расплату – не один год!

– Свободы невозможно достичь, если тащишь за собой тележку с барахлом, – проговорил брат Пон.

Эта фраза стала для меня чем-то вроде гранаты, брошенной в цистерну с бензином.

Я открыл рот, собираясь брякнуть что-нибудь яростное, но совершенно бессмысленное, но тут монах взял меня за руку.

– Лучше молчи, – сказал он. – И пойдем.

От его прикосновения, как это уже бывало не раз, что-то сдвинулось у меня внутри. Готовое вспыхнуть бешенство угасло, ему на смену пришла морозная, отупляющая тишина.

Я не очень понимал, куда мы идем, соображал лишь, что двигаемся.

Затем дневной свет поменялся на сумрак помещения, слуха коснулось жужжание многих голосов. Я обнаружил, что сижу за столом, а в руках у меня зажат наполовину опустошенный бокал с пивом.

– Погружайся во вторую личность, – сказал сидевший напротив брат Пон.

Его посудина с тем же напитком выглядела нетронутой.

Прежде чем выполнить инструкцию, я огляделся: огромный бар, сплошь забит «морковками» – молодыми тайками, что кормятся за счет мужчин-фарангов, ходят с ними по заведениям, раскручивают на подарки, а также рассказывают уехавшему хахалю через Интернет сказки про «больного буйвола у мамы в деревне», на лечение которого нужны деньги.

Обычно у каждой «морковки» по несколько клиентов – один активный, на данный момент в Таиланде, другие в запасе, у себя на родине, клацают зубами в предвкушении скорого приезда.

Имелись тут и они.

За соседним столом располагалась компания русских – могучие дядьки в панамках, с красными обгоревшими рожами и перстнями на пальцах, под рубашками угадываются пивные животы.

– Ну ты чо, гля, не понимаешь? – говорил один, тыкая кулаком в невинно улыбающуюся «моркву». – Я ж тебе, коза, гля, русским языком говорю в пятый раз уже...

– Она те чего, для болтовни нужна? – спросил второй. – Все, что надо, делает, и как! Давай еще бухла закажем?

– Давай... – согласился первый и заорал на весь бар: – Эй, халдей, ты где там, гля?!

Соотечественники во всей красе.

Вновь брат Пон заговорил, когда я сменил фокус восприятия, не просто извлек из сознания визуализацию фальшивой личности, а переместил сознание в нее, отодвинув глубоко в сторону мысли о Чене Одноглазом и о той сделке, на которую мне пришлось сегодня пойти.

– Тот долг ты должен был отдать, – сказал он и с недоверчивым видом понюхал свое пиво. – Не избавься ты от него, то застрял бы намертво, и я бы ничем не смог помочь. Что до других... либо ты часть из них компенсировал какими-то действиями, либо они не так срочны и важны.

– Вам виднее, – я щелкнул пальцем по бокалу. – Это я выпил?

– Кто же еще? – монах засмеялся. – Тебе надо было. Иногда такое позволено. Большое Отшельничество, сам понимаешь...

«Морковка» за соседним столиком завопила нечто возмущенное, русские дружно заржали.

– Люди, – сказал брат Пон, оглядываясь. – Смотри, вроде бы они разговаривают. Только на самом деле этот обмен словами не имеет вообще никакого смысла, это не передача информации, а чистый ритуал, самый простой способ доказать себе и окружающему миру, что ты существуешь.

– Ритуал? – не поверил я.

– Конечно. Не зря я так настойчиво приучал тебя к молчанию в прошлом году. Теперь ты, не особенно напрягаясь, обойдешься без слов там, где другой будет нести ерунду для того, чтобы заполнить паузу.

Тут монах не преувеличил: если раньше меня раздражала тишина и я всеми силами пытался ее заполнить, включал ТВ, чтобы оно бубнило на заднем плане, ставил музыку на ноуте, то теперь спокойно и с удовольствием мог жить в безмолвии.

Из бара мы вышли через час, я пиво допил, брат Пон к своему не притронулся.

Еще не начало темнеть, и Бангкок ворочался в душных объятиях весеннего дня. Поднималась над домами Золотая гора, рукотворный холм, единственное возвышение на

плоскости тайской столицы, и ступа на его вершине сверкала в лучах повисшего над горизонтом светила.

– Давай пройдемся, – сказал монах. – Автобус никуда от нас не денется.

Ну да, последний рейс на Паттайю с Экамая часов в девять, а с Мочита вообще ближе к полуночи, и есть еще мини-басы, что едва не круглосуточно отправляются от Монумента Демократии и идут до ТукКома...

– Не денется, – ответил я со вздохом.

Еще не начало темнеть, и Бангкок ворочался в душных объятиях весеннего дня.

Одного магазина я сегодня лишился, на днях, судя по всему, придется расстаться со вторым... если только и в самом деле не сдать Чену Одноглазому и его громилам ту парочку вымогателей...

Но только типы вроде старого китайца никогда и никому не помогают бесплатно.

И я вновь окажусь в долгу.

– Придется второй магазин продавать, – сказал я, не испытывая ни горечи, ни чувства утраты.

Если жадность еще обитала внутри моего сознания, то сейчас она себя не проявляла.

– Раз ты так решил, – брат Пон пожал плечами.

– Продам... и что делать дальше?

Да, остается интернет-магазин, но для его нормального функционирования нужен как минимум склад, а его я с утратой второй торговой точки лишаясь, да и обороты там небольшие... На беспечальную жизнь в Паттайе точно не хватит, разве что поселиться на пляже Наклыа вместе с бомжами.

– А ты не думай об этом, – посоветовал монах. – Дай себе хоть немного свободы.

Я скептически посмотрел на него.

– Свобода в прошлом невозможна, ибо оно уже прожито, – добавил он серьезно. – Свободы в настоящем добиться трудно, поскольку мы всегда ограничены воплощенной в обстоятельствах кармой... Так хотя на будущее не накладывай цепи ожиданий и страхов!

– Но ведь будущего не существует... – пробормотал я, вспоминая один из давних уроков брата Пона.

– Именно! Любая попытка управлять им напоминает попытку сачком зацепить отражение луны.

К этому моменту мы дошли до мостика над одним из бангкокских каналов-кхлонгов, узкой полосы воды меж закованных в бетон берегов. На поверхности его плавал мусор, и взгляд

мой зацепился за собачий труп, оскаленный, страшный, с вывалившимся языком и язвами в шерсти.

При взгляде на него мне вспомнился тот теленок, которого я созерцал на берегу Меконга. Тогда разлагающиеся останки вызвали у меня отвращение, сейчас я ощутил только печаль.

– Вот он, след смерти, без усталости ходящей по нашему миру, собирая урожай, – проговорил нараспев брат Пон. – Так же будешь выглядеть и ты, то тело, которое ты столь любишь ныне, за которым так ухаживаешь, станет лишь куском гнилого мяса, обиталищем и пищей червей. И каждый человек, которого ты любишь или ненавидишь. Никому не избежать такой судьбы...

Печаль моя усилилась, а потом исчезла без следа, точно ее сдул теплый ветер с запада.

– О смерти надо помнить, – сказал я. – Но в то же самое время ее не существует.

– Верно, – подтвердил брат Пон.

– Смирности позволяет мне осознать все, в чем Я участвую, но в то же время Я нет.

Монах кивнул.

– Вы меня учите, но в то же время никогда меня не учили и учить меня нечему, – продолжил я, морща лоб.

Все эти противоречия я осознавал в разное время, разными способами, но только сейчас они начали выстраиваться в некую систему, цепляться одно за другое, как зубчики колес внутри механизма, слишком сложного, чтобы его можно было охватить умственным взглядом.

– Нет смысла обращать внимание на ожидания и мысли других, и одновременно необходимо вырабатывать в себе сострадание к окружающим...

Брат Пон уже не кивал, просто смотрел на меня пристально, чуть склонив голову.

– Живые существа мучаются, переходя из жизни в жизнь внутри сансары, и одновременно они все изначально находятся в нирване.

– Совершенно верно, – сказал монах.

Опоры, за которые цеплялся мой ум, начали рушиться, и я понял, что падаю...

Каждое из упомянутых мной противоречий не могло быть сведено к обобщающему единству, тревожило и раздражало сознание, не позволяло ему укрыться в пределах убежища, выстроенного из привычных оппозиций: хорошо – плохо, быстро – медленно, полезно – вредно, горячо – холодно.

И в этот момент все это раздражение словно вышло на поверхность, я ощутил жжение, даже не телом, а всем существом, тем колесом из дхарм, которым я являлся. Захотелось содрать с себя опаляющую оболочку, прыгнуть в канал, хотя я знал, что он тоже внутри меня и это не поможет.

Опоры, за которые цеплялся мой ум, начали рушиться, я понял, что падаю, хоть и стоял крепко, вцепившись в парашют.

– Не суетись, – голос брата Пона проник в мое сознание, прорезал гул внутренней катастрофы. – Это неизбежно, тебе просто нужно выждать, все пройдет, пройдет само. Только не дергайся...

Пройдет? Если с арбуза снять корку, то это тоже «пройдет»!

Но как он себя будет ощущать после этого, сохранит ли форму, останется ли он арбузом?

– Вспомни, как ты создавал новое тело, – монах продолжал говорить и, кажется, держал меня за плечо, хотя в последнем я не мог быть уверен: внешнее и внутреннее путались, менялись местами, я не различал более, что является моей мыслью, а что – элементом внешнего мира. – Оно устоит против любого разрушения. Терпи и держись. Терпи и держись...

Кхлонг перед моими глазами разлетелся на тысячи осколков, но тут же вернулся на прежнее место, громогласный рокот обрушился сверху, и я невольно вскинул голову, ожидая увидеть падающий на нас самолет.

Удивительно, но в таком состоянии я мог ходить, не потерял способности действовать разумно.

Мы дошли до ближайшей крупной улицы, и брат Пон остановил пролетающий мимо тук-тук. Под треск его мотора и визг шин мы понеслись по залитым яркими огнями улицам вечернего Бангкока.

Все вокруг качалось, то погружалось во тьму, то освещалось серией разноцветных вспышек, и я не мог понять, то ли это мы движемся, то ли изменения происходят целиком внутри моей головы.

Более или менее я пришел в себя на автовокзале Экамай.

– Зачем вы сделали это со мной? – пробормотал я, вытирая со лба холодный пот.

– Я? – деланно удивился брат Пон. – Никто не в силах ничего сотворить с тобой. Произошедшее сегодня – это результат исключительно твоих усилий, и я очень рад, что у тебя все получилось.

– Рад? – хмыкнул я, но этим и ограничился, поскольку сил на настоящее раздражение в этот момент у меня не было.

Мы купили билеты и отправились к платформе, где ждал автобус.

Стоявший у дверей водитель что-то сказал брату Пону на тайском и махнул рукой, показывая, что мы можем заходить.

– Кондиционер у него не работает, – сообщил мне монах.

Судя по жаре и духоте внутри, автобус некоторое время стоял на солнце и успел нагреться.

– Поедем в печке, – пробурчал я, усаживаясь на свое место. – А у нас даже воды нет. Будем потеть, задыхаться, страдать и вообще радоваться жизни.

– Опять ты лишаешь себя свободы, накручиваешь цепи на пустое место? Остановись! – голос брата Пона звучал в этот раз по-настоящему сурово, взгляд был мрачным.

– Но ведь будет жарко...

– А ты уверен?

После того, что я ощутил на берегу канала, я не мог быть уверен в том, как меня зовут, хотя какая-то часть ума продолжала вопить, что все это глупости, я просто выпил бокал пива с какой-то галлюциногенной дрянью, или меня загипнотизировали, или так сказался пережитый стресс...

– Чем думать об этой ерунде – займись делом. Вспомни «погружение во тьму», – монах отобрал у меня рюкзак и поставил себе на колени. – Давай, работай, времени нет. Труп, подобный тому, что ты видел сегодня, ничего осознавать не может...

На этот раз я взялся за вкусовое осознание, и с ним, что удивило меня сверх меры, все получилось легко и быстро, и неприятные ощущения, одолевавшие меня ранее, на этот раз себя не проявили.

Вернувшись к восприятию обычного мира, я понял, что вовсе не чувствую жары, хотя нашим соседям приходилось несладко – пожилой таец, сидевший впереди, судорожно обмахивался газетой, фаранг через проход сопел, пил воду и от него по-настоящему смердело потом.

Брат Пон выглядел оскорбительно свежим, но с него какой спрос?

С осознанием запахов я тоже справился быстро, сами они никуда не делись – тот же пот, мокрая кожа сидений, отсыревшая ткань, духи, бананы, слабая нотка алкоголя. Прекратилось только их постоянное, но при этом обычно не замечаемое нашим разумом истолкование.

– Теперь мысли, – сказал брат Пон, когда я отрапортовал об успехе.

Это оказалось самым сложным – отделить поток мыслей от их осознания, будто снять прозрачную клейкую пленку едва не нулевой толщины со скользкого шара, что так и норовит вывалиться из пальцев.

Но зато, когда все получилось, я испытал ни с чем не сравнимые покой и ясность – будто выключили радиоприемник, что днем и ночью бормотал у меня над ухом, передавая визгливые объявления и нестройную музыку.

В этот раз мне и сообщать о том, что я преуспел, не пришлось.

– Прекрасно, – сказал брат Пон, едва я повернулся к нему. – Ну что? Жарко?

Говорить не хотелось, и я только помотал головой.

– А ты ворчал... Люди сами создают решетки, бормоча «я уже старый», «слишком некрасивый», «застенчивый, поэтому не могу», а затем удивляются, что живут в клетке... Давай теперь все шесть «щупальцев» одновременно...

– Но как, я же не справлюсь, – во мне мигом проснулась неуверенность.

– Ты опять? – монах нахмурился и погрозил мне пальцем. – А ну-ка, цыц! Хватит! Пробуй!

Я видел, слышал, осязал, при этой словно висел посреди мягко клубившегося Ирака.

Погружение в смрити, чтобы осознавать все, от ритма дыхания и запаха соседа до лопотания шин по асфальту и пятна на обивке кресла передо мной, от недоверия и предвкушения до мыслей о том, что за дела ждут меня завтра в связи с неизбежной продажей второго магазина.

Тоннель из вспышек-дхарм, нанизанный на сознание-сокровищницу, и растущие из него отростки, точнее, не прямо из него, а из того омраченного сознания, которое мы обычно считаем собой...

Начнем со зрительного, как и в прошлый раз.

Автобус подбросило на кочке, и я едва не потерял концентрацию и сохранил ее только потому, что не пытался сохранить... Фаранг через проход начал ругаться по-английски, но это всего лишь звуки, вибрация, достигающая барабанных перепонок, затем проникающая в среднее ухо...

На этот раз я до конца осознал, что означает «погружение во тьму».

Я видел, слышал, осязал, но при этом словно висел посреди мягко клубившегося мрака, между мной и миром чувственных образов располагалась пустота, некая прослойка, разрыв.

Это было страшновато и восхитительно одновременно.

Продлилось какие-то мгновения, но мне показалось, что я провел в этом состоянии много часов.

Выбираясь из автобуса в Паттайе, я чувствовал себя прекрасно, но в то же время неуверенно.

Наверняка так воспринимает себя ребенок, только что научившийся ходить, – перед ним открылся новый мир, другая перспектива, но обращаться с ней нужно с осторожностью, иначе можно шлепнуться и что-нибудь себе ушибить или даже повредить.

Брат Пон, ни слова не говоря, повел меня в сторону Сукхумвита, и мы, не переходя улицы, сели в тук-тук.

– К-куда? – спросил я, глядя, как мимо проносится ярко освещенная мечеть.

Чтобы сартикулировать это простое слово, мне пришлось напрячься и буквально вспомнить, как это – шевелить губами, двигать языком и регулировать дыхание, один за другим порождая звуки.

Я все еще чувствовал сладостное онемение, приятную отстраненность от себя самого.

– Надо же нам где-то ночевать? – сказал брат Пон.

Место, где мы сошли с тук-тука, я не опознал, вроде бы уже за пределами города. Прошли немного вперед и зашагали по скупо освещенному переулку, петлявшему меж старых домов.

Вскоре они закончились, и мы очутились среди хибар, собранных из чего попало: доски, куски железа, шифера и фанеры, обрывки ткани и полиэтилена – все это скреплено веревками, гвоздями и проволокой.

Здесь царили запахи нечистот, грязной воды и вареного риса.

В каждой хибаре горела лампочка без абажура, внутри можно было разглядеть двигающиеся тени, слышались голоса, смех, детский плач, шипение ненастроенного радиоприемника.

Дорогу нам перебежали двое мальчишек лет десяти, один глянул на нас с изумлением.

– Вот мы и пришли, – сказал брат Пон, останавливаясь рядом с одной из хибар. – Пятизвездочного отеля не обещаю, но на ночь нас приютят.

Владельцем хлипкой «недвижимости», что вполне бы убралась в кузов моего «Ниссана», оказался жилистый низкорослый таец с пышной прической. Монаху он поклонился и сделал ваи, мне по-западному пожал руку, а затем откинул полог из брезента, приглашая нас внутрь.

Да, в подобных трущобах мне останавливаться еще не приходилось.

Полог отдернулся, и внутрь заглянула пухлая молодая тайка в шортах и майке.

Помост, на который навалено тряпье, служит и ложем, и обеденным столом, в ногах притулились три колченогих стула, в углу виднеется синяя пластиковая бочка для воды.

Лампочка болталась на крюке под потолком.

– Зачем... сюда? – спросил я.

– Это место ничем не хуже любого другого, – ответил брат Пон. – И даже лучше. Учитывая то, чем тебе предстоит сейчас заняться, пока мы с Монгкутом отправимся в магазин...

Я напрягся.

– Может быть, я с вами? – и язык начал ворочаться куда быстрее.

– Нет, ты останешься здесь и будешь уничтожать то, что недавно упорно создавал, – монах наслаждался эффектом, который его слова оказали на меня, и лишь потом добавил: – Ложную личность.

– Но от нее же столько пользы! – воскликнул я.

– Вот именно!

Дальнейших инструкций я от него не дождался, а вскоре остался в одиночестве, гадая, с какого конца взяться за дело. Почти тут же полог отдернулся, и внутрь заглянула пухлая молодая тайка в шортах и майке.

– Фаранг?.. – протянула она удивленно и залопотала что-то на родном языке.

Я пожал плечами и развел руками, но ее это, судя по морщинам на лбу, не удовлетворило.

Махнув ладошкой, она удалилась, а я вернулся к своим размышлениям.

Необходимо составить перечень черт, которыми можно описать мою вторую личность, и перестать поддерживать ее описание, но, чтобы это удалось, нужно действовать изнутри, а не снаружи... да еще и в состоянии Пустоты, тогда эффект будет намного сильнее.

Вот только из альтер-эго я никогда не пытался его достичь.

Значит, нужно пробовать...

Но не успел я воплотить сей замысел в жизнь, как полог затрясся вновь и моим глазам предстали уже две женщины, одну я видел только что, вторая явно разменяла шестой десяток и смотрела на меня взглядом мамыши, обнаружившей пьяного мужика в кровати у юной дочки.

Я кивнул и сказал: «Хай», но это возымело очень странный эффект.

Женщины дружно начали орать и махать руками в опасной близости от моей физиономии. Из всех чувств по этому поводу я испытал лишь удивление, даже поток мыслей относительно состояния Пустоты и всего остального если и взбаламутился, то не сильно.

Я словно распался на две части, одна занималась внутренней практикой, другая имела дело с внешним миром, но при этом обе действовали в связке, представляли единое целое.

– Что вам надо? – спросил я по-английски. – Я тут в гостях.

Но женщины продолжали вопить, их стало трое, и одна вцепилась мне в рукав длинными ногтями.

– Эй-эй! – воскликнул я, пытаюсь отодрать от себя эту мегеру и одновременно занимаясь созерцанием объекта в виде собственной второй личности, мрачного лысого мужика в полувоенном прикиде.

Но тут моя концентрация все-таки сбилась, перед глазами все поплыло, и я обнаружил, что рядом подпрыгивают три громадных шара из желтоватого свечения, каждый с протуберанцами и длинным хвостом вроде кометного. Потом их стало четыре, перспектива рывком изменилась, и я осознал, что меня куда-то волокут.

Неужели тайские дамы собрались разорвать меня на куски?

Я по-прежнему не ощущал ни злости, ни страха, лишь вяленькое беспокойство: если суждено мне сегодня умереть, то я с этим ничего поделать не смогу, остается только встретить неизбежное с достоинством.

Шары, «сферы восприятия», как называл их брат Пон, сгнули, точно полопались, я обнаружил, что лежу на земле, а вокруг топчется очень много ног, и мужских, и женских.

– Ты чего разлегся? – спросил монах, возникая из толчеи.

– Да так, устал, – ответил я, усаживаясь и ощупывая голову.

Череп болел так, словно ему достался не один полновесный удар, плечи и руки намекали на то, что их царапали, и еще я был настолько грязен, словно ползал и перекатывался по груде отбросов.

Утро я встретил со все той же головной болью и ломотой в костях.

Поспать в том убогом жилище, где мы остановились на ночлег, я смог всего пару часов, мешало все: и едва прикрытые доски под спиной, и то, что за тонкими стенками храпели, сопели, разговаривали и пели люди, и даже собственные мысли.

В какой-то момент я отчаялся и решил заняться разрушением ложной личности.

Насколько преуспел, мне судить было сложно, но тот образ, который я с таким тщанием создавал, теперь извлекался из памяти с большим трудом, от него остались жалкие обрывки, а уж о том, чтобы переместить в него центр восприятия, и речи не шло.

Потом все же уснул, а открыл глаза, когда мои соседи начали возиться.

– Доброе утро, – сказал я, сползая с нар.

– Доброе, – отозвался брат Пон. – А я как раз собирался тебя расталкивать.

Умылись мы водой из той же бочки, строго экономя драгоценную жидкость.

Центрального водопровода и канализации тут не знали, от слова «совсем», заказывали водовозку со шлангом, что приезжала раз в неделю и наполняла все емкости. С электричеством поступали еще проще – тянули провода из ближайшего дома, а затем вскладчину оплачивали все, что нагорело.

Объект же, заменяющий туалет, можно было найти за километр – по запаху.

Едва я вытер физиономию, как услышал за спиной рычание мотора и клацанье закрывшейся дверцы. Обернувшись, с изумлением обнаружил, что переулок загородила полицейская машина и из нее вылезли двое стражей порядка, крайне хмурых и решительных на вид.

– Этого еще не хватало... – пробормотал я.

Вчера мне удалось немного почиститься, но все равно выглядел я не особенно презентабельно – мятый, грязный, с опухшим со сна лицом, да еще и фаранг, что само по себе подозрительно.

– Не суетись, – прошептал брат Пон, подходя ко мне. – Это облава. Бежать поздно.

Объект, заменяющий туалет, можно было найти за километр – по запаху.

Вскоре стало ясно, что полицейских не двое, а куда больше, и что они намерены осмотреть тут все.

Страж порядка, обнаруживший меня, поначалу не поверил собственным глазам. Оглядел с головы до ног, а затем, протянув руку, гаркнул «Айди!» так, что с ближайшей крыши сорвались птицы.

Я не без содрогания предъявил паспорт.

Виза у меня в порядке, да еще и разрешение на работу, но что фарангу с такими документами делать в трущобах? Похожие мысли, судя по всему, одолевали и полицейского,

поскольку он долго листал странички, крутил «серпастый-молоткастый» так и сяк, а затем вовсе позвал старшего.

Тот посмотрел на меня, глянул в паспорт и отрезал:

– Поедешь с нами.

Вот тут я и помертвел.

Связываться с тайской полицией мне адски не хотелось – наверняка разбирательства с моей скромной персоной займут не один час, да и предсказать их исход никто не возьмется.

Вдруг у этих парней в бежевой форме как раз есть годный «висяк» с подозрением на фаранга?

Но тут в дело вступил брат Пон, до этого момента сидевший ниже травы, тише воды. Он вскочил, залопотал что-то, указывая на меня, на себя, на документ в руках полицейского.

Вот только сейчас он не в антаравасаке, не уважаемый монах, а обычный человек.

Но стражи порядка слушали его, точно зачарованные, затем вернули мне паспорт и ушли.

– Хотели везти тебя в участок, – сообщил брат Пон, улыбаясь. – Еле отговорил.

– Но как? Что вы им наболтали? – осведомился и, замешкавшись, добавил. – Спасибо.

– Вот уж я не скажу, пусть это останется секретом, – он вскинул на спину рюкзак. – Просто ученик нужен мне под рукой, а не за решеткой в компании воров и бандитов. Пойдем, настало время оставить этот гостеприимный кров...

– Ученик, – проворчал я, проделывая ту же процедуру. – Вы же меня не учите, так?

Монах ответил, только когда мы дошагали до Сукхумвита и уселись на стулья под навесом небольшой закускойной для тайцев – суп-лапша, рис, обжаренные на гриле до черноты куриные ноги и никаких изысков.

– Как сказал один из древних, духовная практика не принадлежит к тем вещам, которые можно практиковать, – заявил он.

– Но как же так? – воскликнул я, пытаюсь осмыслить противоречие.

– Очень просто. Любое умение, достигаемое в результате преднамеренных действий, может быть утрачено, стоит этим действиям прекратиться. Это как игра на скрипке – если не тренироваться, то рано или поздно твои пальцы забудут, как это делать.

– Но если не заниматься вообще ничем...

– То ты погрязнешь в лени и невежестве, как это и происходит с большинством, – подтвердил брат Пон.

Тут нам принесли по тарелке супа, и разговор на какое-то время прервался.

– Как тогда все это понимать? Медитации, упражнения? – спросил я, покончив с едой, что была острой даже по тайским меркам.

– Как подготовку, – сказал монах. – Просветления-бодхи с их помощью не достичь. Зато можно достичь понимания того, как это сделать, добиться готовности, отодвинуть в сторону все мешающее...

– Отодвинуть в том числе медитации и упражнения?

– Ну вот, ты все понял, – и монах одобрительно похлопал меня по плечу.

Сам я вовсе не был убежден, что дело обстоит таким образом, мне скорее казалось, что я безнадежно запутался, что голова у меня вот-вот лопнет от попыток совместить множество противоречий.

Мы забрались в тук-тук, идущий в сторону Паттайи, и тут зазвонил мой сотовый.

Машины у меня не имелось, я перемещался по городу на арендованном мотобайке.

– Суда по поводу ДТП не будет, – сказал я, закончив разговор. – Дело закрыто. Водила того грузовика оказался то ли пьян, то ли еще с какой дрянью в крови, так что он виноват.

Брат Пон кивнул:

– Ну вот, видишь, не бывает такого, чтобы ты только платил кармические долги. Постоянно возникают ситуации, когда их возвращают тебе...

Целый день я занимался продажей второго магазина, и получалось все на удивление гладко.

Чуть ли не одновременно явились два покупателя, и я смог несколько задрать цену. Поговорил с Виктором, написал ему и Жанне по отличной рекомендации, вместе с тайским консультантом посетил разных бюрократов и оформил все нужные бумаги, и без малейшей проволоочки.

Даже налоговая на этот раз к нам не придралась, хотя общались мы с тем же инспектором, что грозил мне штрафом.

Параллельно я начал искать склад, для начала временный, куда смогу поместить товар, нужный для функционирования интернет-магазина: чтобы и доступ был удобный, и охрана в наличии, и крыша не протекала, и крысы по помещению не бегали, и драли за всю эту красоту не страшные деньги.

Учитывая, что машины у меня более не имелось, перемещался по городу на арендованном мотобайке: очень давно не садился за руль этой штуки и, честно говоря, немного забыл, как ее водить.

Пару раз чуть не попал в аварию, однажды лишь чудом не сбил человека.

Долго потом матерился по поводу сумасшедших туристов, что бросаются под колеса.

Где пропадал брат Пон, я не имел представления, наверняка он орудовал ножом и поварешкой при макашнице на берегу, а может быть, занимался другими, более таинственными делами.

Возник монах вечером, когда я уже начал подумывать о том, чтобы снять комнату в каком-нибудь хостеле: дешево, сердито и шумно, но на большее у меня денег все равно нет.

– Ват Пхотисампхан, – сказал брат Пон, и мы поехали к тому храму в Наклыа, где один раз ночевали.

Нас поселили в ту же комнату, и я с неудовольствием вспомнил о комарах, что не дали мне выспаться: прошлой ночью не отдохнул нормально, если и этой не получится, то завтра буду как вареный овощ.

– Самое время для практики, – сообщил брат Пон, когда я вернулся из душа.

– Но это невозможно, – заворчал я. – Столько упражнений в такой короткий срок. Ничего не успеваю толком освоить!

Раньше, когда мы сидели в Тхам Пу или странствовали по диким местам, у меня было достаточно времени, чтобы досконально, до мелочей изучить каждую медитацию, набить шишки на начальном этапе и затем довести исполнение если не до совершенства, то до эффективного уровня.

Теперь же не успевал я получить одно задание, как за ним следовало другое, на предыдущее мало похожее, – выработка сострадания, поиск и осознание шаблонов-васан, «погружение во тьму».

Что ждет меня сегодня?

– Это может быть проблемой лишь в том случае, если упражнения имеют смысл, – сказал монах. – Мы же сегодня выяснили, что они его сами по себе полностью лишены. Только это не значит, что без них есть шанс обойтись.

– Может, хотя бы до завтра подождать? – умоляюще потянул я. – А то я усну...

– Ну значит, придется тебе практиковать во сне, – брат Пон пожал плечами. – Насколько помню, это у тебя получается не очень хорошо.

Да, к самой грани полного осознания во сне я несколько раз приближался, но перешагнуть ее, несмотря на все усилия, не мог, терял себя в тот момент, когда понимал, где нахожусь.

– Вот свеча, – он чиркнул зажигалкой, и фитиль загорелся с треском и шипением. – Ты должен погасить ее пальцами.

– Так это же легко, – сказал я недоуменно.

– Пробуй, – брат Пон был неумолим.

Я подвел руку к крохотному пламени, но, прежде чем коснуться его, на миг задержался, поскольку вспомнил, как обжигался, почти увидел, что огонь может сделать с человеческой кожей.

Свеча погасла.

– Теперь еще раз, только отключив память, – сказал монах. – Уничтожив совсем. Так, словно ты делаешь это в первый раз.

– Но зачем?

– Воспоминания – то топливо, на котором во многом работает сознание номер семь, омраченный центр ложного «я», и если ограничить его поступление, то это сознание ослабеет, станет тоньше. Смотри на огонь, представляй, что никогда не видел такой вещи.

Убери само представление о «свечности», «горячести», «больности» из сознания... Приступай...

Я попытался, но, поскольку не очень понял, что от меня нужно, успеха не добился.

– Еще раз, – голос брата Пона звучал мягко, но непреклонности в нем было не меньше, чем перца в правильном том-яме.

Свечка загоралась вновь и вновь, я гасил пламя раз за разом, уже не очень понимая, что и зачем делаю. Зверски хотелось спать, зевота буквально раздирала рот, так что приходилось между попытками трясти головой и растирать уши.

– Готовясь к новому подходу, ты вспоминаешь предыдущие, – монах вновь клацнул зажигалкой. – Выкини их из головы, реши, что ты делаешь упражнение впервые! Давай! Это не сложно!

Я пытался опять и опять, а брат Пон не уставал давать мне инструкции:

– Не забывай встряхивать себя время от времени, осознавать, где ты находишься, что и зачем делаешь... Искушение впасть в автоматизм велико, но ему поддаться нельзя.

И через десять минут или час:

– Постарайся сдвинуть сознание в ту руку, которой ты тушишь пламя, в ней памяти меньше, чем в голове...

И еще через какой-то отрезок времени, когда у меня перед глазами все мутилось:

– Не забывай о состоянии Пустоты... Забудь о собственной личности, о том, что даст ей и чего лишит ее эта практика.

Спать хотелось невероятно, но я старался.

Бусины на четках

Обмен словами, к которому мы так часто прибегаем, порой имеет чисто ритуальное значение.

Пустая трата времени, сотрясение воздуха, разговор в состоянии полной несознательности, когда не происходит создания новой информации или ее перемещения, а лишь передача от собеседника к собеседнику банальных, всегда одинаковых и лишенных смысла фраз.

Это и знакомые всем «светские» беседы о погоде, и старческое ворчание по поводу развращенной молодежи или жадного правительства, одни и те же анекдоты и истории, что рассказываются год за годом, хотя все их прекрасно знают.

Их продуцирует эго, желающее подтвердить собственное существование хотя бы таким образом.

Полностью избежать подобных ситуаций невозможно, если мы живем среди других людей, главное – осознавать, что именно происходит, какие именно речевые шаблоны задействованы.

И по возможности не стоит провоцировать такие «беседы»...

* * *

Обычно мы сами лишаем себя той свободы, что есть у нас в наличии.

В первую очередь – собственными «авторитетными» утверждениями по поводу будущего: на улице скользко, и это значит, что мы обязательно упадем; пошел снег, и это подразумевает непременную пробку; с утра ноет голова, и это верный признак того, что начальник сегодня будет лютовать.

Тем самым мы навешиваем тяжелые цепи ожиданий и определенности на свое восприятие, а значит, и на поведение.

Еще хуже заявления типа «я слишком стар для...», «я слишком толстая для...», «у меня слишком мало денег для...» и прочие того же типа. Используя их, мы сами формируем непрошибаемые стены вокруг себя, а потом жалуемся, что нам не хватает пространства и воздуха.

Осознать наличие таких загоронок непросто, разрушить их еще труднее.

Куда разумнее их не создавать.

* * *

«Отключение памяти» позволяет ослабить наше повседневное сознание, центр нашего эго, лишить его топлива, подпитки воспоминаниями.

Начинать его освоение лучше на простых, хорошо знакомых действиях, которые в то же время вызывают однозначную эмоциональную реакцию. Совсем банальные вещи, к которым относимся равнодушно, без интереса или отторжения, не годятся.

Выбранное для упражнения действие нужно выполнять так, словно делаешь его в первый раз, устранив воспоминания о предыдущих попытках и о том, что они за собой повлекли. Отследить и выкорчевать из памяти те представления и концепты, что порождают эмоциональную или даже физиологическую реакцию.

Когда это будет получаться хорошо и каждая следующая попытка перестанет сопровождаться мысленным возвращением к предыдущим, можно перенести практику и на более сложные действия, на взаимодействия с другими людьми.

Глава 7 Поймать облако

Утром я проснулся с таким ощущением, словно под веки мне насыпали песка, и, несмотря на все усилия, не смог вспомнить, чем и когда закончилась вчерашняя практика. Брат Пон на вопросы по этому поводу отвечать отказался, заявив «это не важно», чем меня совсем не удивил.

На визжащем и кашляющем мотоцикле я отвез его в район Сои Бокао, тихого и скучного с утра, ну а сам отправился по своим делам.

Времени на то, чтобы быть переборчивым, у меня не оставалось, и я арендовал клетушку непосредственно в здании ТукКома, специализированного торгового центра на Южной улице. Нашел грузовое такси, и мы начали перевозить товар – мешки с мускатным орехом и куркумой, коробки тамаринда и лумбанга, упаковки корицы и лимон-грасса.

Водитель оказался смешливым, но не сильно интеллектуальным, даже по тайским меркам, чуваком, вдобавок посреди операции у него спустило колесо, а запасного в наличии не оказалось. Решить проблему удалось за два часа, ну а закончили мы только к трем, хотя я планировал управиться к полудню.

За краткий период я лишился всего – друзей, имущества, даже жилья...

К вечеру я стал обладателем приличной суммы денег на счете, только это меня не обрадовало. Навалилось тоскливое осознание того, что я за краткий период лишился всего – друзей, имущества, даже жилья.

Ситуация напоминала ту, в которой я очутился два года назад, перед тем как отправиться на обучение к брату Пону.

– Зачем вы это все со мной сделали? – полушутливо осведомился я у монаха, когда мы встретились на Бич-роад, напротив того soi, где располагался почтамт Паттайи. – Я уже проходил через подобное!

Шумели волны, сигналили катившие мимо тук-туки, под пальмами неспешно прохаживались вышедшие на трудовую смену «ночные бабочки» – пока немногочисленные, самые шустрые или жадные, хотя к вечеру тут будет не продохнуть от продажных женщин.

Я ожидал, что брат Пон будет отрицать собственное вмешательство, но вместо этого он принялся нараспев декламировать:

– У страдания есть пять достоинств. Первое же – побуждение к освобождению, ведь если бы не было страдания, не возникло бы желание спастись от него. Второе – устранение высокомерия, ибо когда приходит страдание, пропадает надменность. Третье – отвращение греходеяний, поскольку при испытании мук, происходящих от неблагих деяний, исчезает желание поступать так...

Он упомянул еще вдохновение к совершению благих дел и порождение сострадания к иным скитальцам сансары.

– Очень поэтично, – буркнул я, когда декламация закончилась.

– Но не помогло, это я вижу сам, – сказал монах и, некоторое время потратив на разглядывание моей скромной персоны, добавил: – Никуда не уходи, я скоро вернусь. Организую тебе сюрприз.

Я хмыкнул и скрестил руки на груди.

Брат Пон шлялся где-то примерно час, я за это время успел купить жареных тараканов с проехавшей мимо тележки и пообщаться с группой веселых, но, как ни странно, трезвых соотечественников из Сибири.

– Это что? – спросил я, разглядывая мешок на лямке, который монах волок на плече.

– Скоро узнаешь, – загадочно отозвался он. – Давай я поведу. Вопросов не задавай. Займись лучше делом...

Ну да, воспоминания о том, как я ездил на мотоциклах и падал с них, имелись у меня в голове, и весьма живые, и яркости им прибавлял шрам, оставшийся на правом локте.

Так что для «отключения памяти» это дело подходящее.

Брат Пон за рулем вел себя точно пьяный тайский подросток, и не будь я так погружен в себя, наверняка бы ежился и вздрагивал. А так почти равнодушно глядел, как в считанных сантиметрах проплывает пестрый бок автобуса или забитый веселыми работягами кузов пикапа.

Встрепенулся, лишь когда мы заехали на заправку, и осознал, что мы опять выбрались за пределы города.

– Куда мы едем? – спросил я.

– Не задавай вопросов! – отрезал брат Пон.

И байк вновь понесся через ночь, в свете фар мелькнул указатель на Утапао, аэропорт к юго-востоку от Паттайи, обслуживающий исключительно набитые туристами чартеры.

Поворот, другой, мы проехали мимо ворот одной из военных баз, которых в этих местах немало, и понеслись через густую, будто сироп, тьму. Затем впереди оказалось море, под колесами байка зашуршал песок, а над головами закачали ветвями хвойные деревья, похожие на обычные сосны.

Судя по всему, мы прибыли на один из пляжей Саттахипа, но на какой, я во мраке понять не мог.

– Разгружайся, – сказал брат Пон, заглушая мотор.

В мешке его оказалась палатка, небольшая, выдавшая виды, с заплаткой на одном из скатов. Мы поставили ее за пятнадцать минут, на краю зарослей, метрах в двадцати от моря.

– Ну вот и отлично, – заявил монах, извлекая из рюкзака знакомую мне подстилку. – Сейчас тебя ждет очень важное и многосмысленное занятие, а именно сон, и постарайся относиться к нему серьезно!

Я спорить не стал и отключился, едва очутившись в палатке.

Утром, выбравшись на свежий воздух, я обнаружил, что мы находимся у подножия утеса, похожего на половинку закопанного в землю яйца в сто метров высотой – его сплошь покрывали заросли кустарника, и лишь местами проглядывала серая плоть камня.

На ярко-голубой глади моря были разбросаны островки, правее из-за мыса торчал длинный пирс.

– Ну как, выспался? – спросил брат Пон, сидевший на песке.

– Да, – сказал я. – Словно заново родился.

Оглядевшись, я убедился, что в той стороне, откуда мы явились, виднеется большая, но совершенно пустая автостоянка в окружении магазинчиков и ресторанчиков, а указатель намекает, что здесь есть душ и туалет.

А вчера вечером все выглядело так, словно мы заехали в совершенно дикое место.

– Садись, – брат Пон сделал приглашающий жест, и я опустился наземь рядом с ним. – Смотри на это прекрасное море, впитывай кожей ласковый ветер и слушай меня.

Солнце пряталось за яйцевидным утесом, и поэтому было приятно тепло, не жарко. Зато дальше от берега золотые блики бежали по волнам, и черными штрихами скакали над ними летучие рыбы.

– Иногда случается так, что не выходит ничего, все валится из рук, – начал монах. – Неудачи лупят и справа и слева, отчаяние грызет душу, как собака кость, а успеха не добиваешься и в мелочах...

Я кивнул – да, такие ситуации я и сам переживал, и был уверен, что они встречаются в жизни у любого.

– В таком положении лучше всего забыть о том, чем ты занимаешься. Совсем, – сказал брат Пон. – Перестать трепыхаться, позволить событиям идти своим чередом. Отпустить поводья, отказаться от того иллюзорного контроля, что якобы есть у нас над происходящим.

– Но это не всегда возможно... – попытался возразить я.

– Всегда. Только страх мешает нам поверить.

С неправильного монаха станется вручить мне пылесос и отправить убираться на пляже!

– Ради того, чтобы «перестать трепыхаться», вы меня сюда и привезли?

– Совершенно верно, – физиономия брата Пона просто-таки лучилась довольством. – Иначе ты бы взял и сожрал сам себя... А так ночь в тишине, несколько часов полного безделья... Да, безделья, если смотреть на то, чем ты будешь заниматься, с точки зрения обычного человека.

– А чем я буду заниматься? – спросил я подозрительно.

С неправильного монаха станется вручить мне пылесос и отправить убираться на пляже.

– Как чем? – брат Пон продемонстрировал мне знакомую метелку. – Стирать тень. Когда надоест – вопить так, чтобы не возникало эхо... Ну и ловить облака, как появятся.

Я невольно посмотрел на небо, пока ясное... хотя нет, из-за яйцевидного утеса высунулся белый, подсвеченный снизу отросток, а за ним прет целая туча, похожая на огромную подушку.

Очень хотелось спросить «как?», имея в виду ловлю облаков, но я сдержался и вместо этого поинтересовался:

– А мне никто не помешает?

– Люди появятся здесь часа через три, – сказал брат Пон. – И они нам помогут. Держи...

И он протянул мне метелку.

Какое-то время я махал ею по песку, норовя стереть прилипшую тень, затем принялся удивлять воплями морских птиц. К этому времени из-за утеса вылезло солнце и стало припекать, так жестко, как это обычно бывает в начале апреля.

Естественно, тень моя никуда не делась и эхо откликалось столь же уныло, как и всегда.

Когда на пляж начали приезжать люди, тайцы и фаранги, я хотел было заткнуться, но брат Пон мне не разрешил. А затем и вовсе приказал бегать по песку и хватать плывущие по небу облака, причем не халтуря, а всерьез пытаюсь зацапать их рыхлые стремительные тушки.

Ветер дул крепкий, причем зимний, с северо-востока.

К моему удивлению, никто из загорающих или купавшихся не обратил внимания на взрослого мужика, что скакал по пляжу без смысла и цели, хлопая в ладоши, точно ребенок. Зато заболела подвернутая не так давно нога, напомнили о себе не залеченные до конца повреждения.

– Ну вот и отлично, – сказал брат Пон, когда я, запыхавшийся и потный, приковылял в тенек, чтобы передохнуть. – Как себя чувствуешь? Что ощущаешь?

– Разочарование и недоумение, – признал я.

– Простые человеческие эмоции. Они все до единой содержат семена просветления. Живые, полные силы, готовые явить себя в благоприятный момент.

– Как так? – я посмотрел на монаха растерянно. – Даже ненависть и злоба?

– Именно. Они и все остальное – это тот ил, откуда прорастает лотос бодхи. Нагромождения грязи и иллюзий, завязанных на эго, – самая плодородная почва для него. Те дхармы, из которых складывается повседневный мир, обладающие качествами ограниченности,

омраченности, невежества, в то же самое время не лишены и качества истины, пробуждения и покоя.

Мысль показалась мне странной, но не успел я не то что задать, даже сформулировать вопрос, а брат Пон уже говорил дальше:

– Как сказал один из древних мудрецов, сфера нирваны есть также и сфера сансары, между ними не существует ни малейшего отличия. С точки зрения высшей реальности это одно и то же явление, только проявленное разным образом.

Голова у меня закружилась, а монах, видимо, для того чтобы усилить эффект, добавил:

– Нирвана же, к которой тянешься страстно, оборачивается мучительным колесом сансары. Сансара, от которой отказываешься без малейшего усилия, принимает блаженный облик нирваны.

– Зачем тогда бороться с аффектами? – спросил я мрачно. – Если они – тот ил...

Возвращаться в город мне не хотелось, я бы провел на пляже хоть целый день...

– А по этому поводу другой мудрец говорил, что «если ты практикуешь осознание, то поворачиваешь Лотос Закона, если же не практикуешь, то уже Лотос Закона поворачивает тебя», – тут брат Пон неожиданно вскочил. – Ну все, давай, поехали. Достаточно на сегодня.

Возвращаться в город мне, откровенно говоря, не хотелось, я бы провел на пляже хоть целый день, искупался бы, позагорал, даже вновь отправился ловить облака или занялся ликвидацией эха.

– Может быть, лучше тут помедитировать? – предложил я.

– Да-да-да, девять степеней сосредоточения и четыре вида внимания, – сказал брат Пон, начиная снимать палатку. – Это прекрасно, замечательно, но не для тебя сейчас. Канон хорош, но он не для всех...

Я почесал в затылке и отправился помогать монаху.

Обратно до Паттайи мотобайк вел я и непонятно почему зверски устал.

Завернули на Бич-роад, чтобы брат Пон мог отдать палатку, и на этот раз он вернулся куда быстрее, чем вчера.

– Пойдем, – сказал монах. – Самое время заняться шоппингом.

Я вытаращился на него с изумлением:

– А деньги где взять?

– Кто сказал, что мы будем покупать и платить? – брат Пон был сама невинность. – Нам интересен сам процесс.

И он повел меня в торговый центр «Ройал Гарден»,

– А теперь отключай свою память и отправляйся выбирать галстук, – выдал монах, останавливаясь около магазинчика с мужской одеждой. – Так, словно в первый раз. Никогда ты эту штуку не носил, вчера с дерева слез и вот решил себя ею украсить.

Как же, «в первый раз», если я прекрасно помню, что таскал галстук еще со школьной формой в старших классах, и потом, когда родители приобрели мне настоящий костюм, светло-серый, и к нему в шкафу у отца нашелся не один такой предмет – и черный, на резинке, и темно-синий, с пятном на подкладке, и золотисто-зеленый, его я пытался завязывать сам...

– Ну ладно, попробую, – буркнул я и отправился в закуток со шмотками.

Мне навстречу двинулся продавец, манерный таец гейского вида со слащавой улыбочкой на физиономии.

Я завел с ним беседу о галстуках, и мы принялись копаться среди товара. Естественно, меж лент разного цвета нашлись похожие на те, которые я когда-то носил начиная со школьных времен.

Память отключаться не пожелала, воспоминания лились из нее потоком, а кроме того, я никак не мог отстраниться от того, что вокруг полно людей – фаранги, тайцы, арабы, негры, китайцы и вообще не пойми кто.

– Нет, так не пойдет, – сказал брат Пон, когда я покинул слегка разочарованного продавца нетрадиционной сексуальной ориентации. – Вспомни те дни, когда к нам в гости приходили многочисленные и шумные скелеты.

Ну да, было такое в вате Тхам Пу, когда он неожиданно для его обитателей стал туристическим объектом.

– Теперь ты сам пришел к ним, – настойчиво продолжил монах. – Вот они, вокруг... Это не болтающие женщины, кричащие дети и поддатые мужики, а белые костяки, щелкающие челюстями, хрустящие сочленениями, не вызывающие у тебя ни интереса, ни отторжения, вообще ничего.

Я посмотрел на него с сомнением.

– Твое сознание достаточно пластично, чтобы выполнить эту операцию быстро. Переключи канал восприятия и сосредоточься на своей задаче... вот, хотя бы на часах...

Первые «свои» наручные часы я втихомолку упер из ящика маминого стола много лет назад, гордо нацепил на запястье и отправился гулять, хвастать перед приятелями, и меня не волновало, что часы не ходят, что кожаный ремешок протерся, а одна из стрелок немного изогнута.

Потом в моей жизни было еще много таких предметов... и о них надо забыть?

Зато вспомнить о том, что передо мной не продавщица, могучая тайка, плоти на которой хватит на двоих, а всего лишь скелет, костяк, лишенный признаков пола, одежды и вообще человеческих характеристик.

Но в то же время заслуживающий сострадания!

Когда я осознал этот момент, в голове у меня что-то сдвинулось – нет, я не перестал видеть круглое лицо с челкой над ним, полные руки с кольцами на пальцах, даже не утерял

целостности восприятия разных объектов и понимания того, что принадлежат они одному существу.

Мир не распался на дхармы, просто в нем появилось нечто, чего ранее не было.

Некий оттенок, вкус, содержание, ощущение полноты, оттенявшее все остальное.

– Можно посмотреть эти часы? – спросил я, указывая на строгий хронометр в серебристом корпусе.

– Конечно, – отозвалась продавщица и принялась открывать витрину.

Я смотрел на тайку и воспринимал ее как образ, проекцию, часть себя, заслуживающую изменения и очищения, и в то же время как часть уникального события, которое никогда не повторится и никогда не случалось ранее, ни в одной из миллиона возможных жизней...

Она показывала мне часы одни за другими, и я осматривал их, примерял, задавал вопросы, и памяти у меня словно вовсе не было, я не вспоминал даже о последнем своем хронометре, утопленном на Ко Чанге.

Всецело здесь, полностью сейчас, и никаких отклонений.

Когда я отошел от прилавка, голова у меня кружилась, все вокруг казалось ярким, живым, необычным, вплоть до манекенов в витринах и кадок с деревьями у входной двери.

Теперь я понимал, зачем брат Пон велел мне «отключить память».

Это было не просто отдельное упражнение, а следующий этап в длинном наборе практик, начавшемся с «медитации на объекте», продолженном «растворением личности» и «действием в состоянии Пустоты» и совсем недавно дополненным сложным и даже пугающим «погружением во тьму».

Но выразить это понимание в словах я оказался не в состоянии.

Мир не распался на дхармы, просто в нем появилось нечто, чего ранее не было.

Расшатывание шаблонов восприятия? Трансформация дорог сознания? Уничтожение границ разума? Ликвидация фиксации на собственной персоне?

Все это вместе, и еще многое за пределами сказанного.

Дорогу мне загородил какой-то мужик, и я не сразу понял, что это брат Пон.

– Ты справился даже лучше, чем я думал, – сказал он, дружески ткнув меня кулаком в плечо.

Я встряхнул головой, моргнул – мир неторопливо возвращался к прежнему состоянию, он словно наводил сам на себя резкость и одновременно терял яркость, восьмой цвет за пределами радуги.

Зато мысли мои теперь двигались легко и стройно, без препятствий.

Мы сидели в маленькой кофейне с видом на Бич-роад и бухту Паттайи.

Брат Пон с аппетитом уничтожал вторую порцию чизкейка, я же лениво мешал ложкой в чашке с латте. Есть не хотелось, пить тоже, вообще не было желаний, но при этом я вовсе не находился в состоянии апатии вроде той, что одолела меня несколько дней назад.

– Интересно, – сказал я задумчиво, глядя, как носятся по морской глади катера и водные мотоциклы, на висящее над самым горизонтом раздувшееся красное солнце. – Когда я начинал учиться, для меня существовало два мира: обычный, где обитаю я, привычный и скучный; и второй, в котором находитесь вы, с чудесами и откровениями. Затем это впечатление только усилилось... ну, после путешествия...

Монах хмыкнул и улыбнулся, но комментировать не стал.

– А теперь вы явились в Паттайю, и я должен как-то совместить эти два мира. Объединить две противоположные картины реальности, отрицающие одна вторую, друг другу противоречащие!

– Ну и как идет объединение? – спросил брат Пон, облизывая ложечку.

– Судя по тому, что я его осознал, – хорошо. Старая уверенность разбита вдребезги.

– Это действительно хорошо, – он кивнул и замахал, подзывая официантку.

Без удивления я наблюдал, как неправильный монах заказывает третий чизкейк.

Большое Отшельничество – это вам не в пещере сидеть на воде и рисе...

– Но вот тантра, – сказал я, когда девушка отошла. – Я о ней вроде когда-то читал. Это же ритуалы всякие, визуализации, так?

– Тантра бывает разная, – ответил брат Пон. – Все зависит от ученика, его свойств. Одному поможет цитирование мантр, отождествление себя с божеством, другому – иные методы... Хотя ты же рисовал мандалу на земле, и сейчас тоже рисуешь ее, хоть и другими средствами.

– Бхавачакру? Это как? – я нахмурился.

– Свершенными поступками вышиваешь ее на плоти собственного сознания. Слепец невежества выткан твоим походом в ресторан с друзьями, горшечник формирующих факторов возник в тот момент, когда ты избавился от квартиры, и так далее... Все двенадцать звеньев присутствуют одновременно, даже сейчас, выгравированы на основе из пустоты, и колесо вращается...

Вышивать поступками? Гравировать на том, чего не существует?

Да, о таком способе восприятия собственной жизни я никогда не думал...

– Пустота, – пробормотал я. – Некогда я думал, что она означает ничто.

Страх и возмещение закипели внутри, мысли понеслись тропическим ураганом.

– Многие видят за этим словом отрицание всего, но зачем ориентироваться на глупцов? – брат Пон улыбнулся официантке, принесшей чизкейк и новую чашку кофе. – Пустота всего лишь отсутствие независимого, ни на что не опирающегося существования предметов и явлений, таких как личность, например... Хотя ты знаешь все определения.

Во время путешествия по джунглям мы обсуждали шуньяту не раз, хотя, учитывая, что я молчал, не столько «обсуждали», сколько я выслушивал объяснения и растолкования, порой экзотические и сложные, иногда обманчиво простые.

Телефонный звонок вынудил меня отвлечься от размышлений.

– Да? – сказал я, поднеся сотовый к уху.

– Ты готов к встрече? – на ломаном английском осведомился хриплый голос, и я мигом забыл о высоких материях.

Вымогатели, о которых я не вспоминал несколько дней!

– Да, – ответил я.

– Тогда там же через час, – и в трубке зазвучали гудки.

И словно не было никакого «отключения памяти» и прочих высот управления осознанием, которых я достигал недавно, – страх, возмущение и раздражение закипели внутри, мысли понеслись тропическим ураганом.

– Мне надо ехать, – сказал я неприятно скрежещущим, мертвенным голосом.

– Отдавать деньги? – брат Пон осознал все мгновенно.

– В банк сначала загляну, а потом к ним... – эмоциональная буря оказалась неглубокой и стихла, но смутное недовольство ситуацией осталось.

Я вроде бы давно смирился с неизбежным и даже не мог сказать, что мне жалко толстой пачки долларов, но все же что-то царапало грудь изнутри и возникало желание позвонить Одноглазому.

– Это хорошо, – сказал монах, глядя на меня испытующе. – Ты еще не освободился. Аффекты до сих пор цепляются за тебя, и, чтобы оторвать их лапы, ты должен все сделать сам.

По дороге в банк я попытался как-то раскатать себя, взглянуть на ситуацию с точки зрения ложной личности, но оказалось, что я слишком преуспел в ее разрушении. Остальные практики тоже не помогли, я словно без крючьев и прочего снаряжения захотел взобраться по гладкой скользкой стене и, само собой, не преуспел.

Сознание мое упорно не желало изменяться, и я оставался в самом обычном нервном состоянии. Дергался при каждом резком звуке вроде автомобильного гудка, потел и едва не грыз ногти.

Да уж, в прошлый раз, когда я встречался с «друзьями», все выглядело иначе.

В банке меня промурыжили дольше обычного, выпытывая, почему я хочу снять такую большую сумму и не желаю ли я завести вместо этого карту или взять очень выгодный кредит...

Чтобы не опоздать, мне пришлось нестись через Паттайю на опасной скорости.

В свои сорок три по Сукхумвиту я влетел, едва не врезавшись в придорожный столб. Резко затормозил и вытащил ключ зажигания, ощущая, как тяжело бухает в груди сердце и шумно работают легкие.

Недостроенное здание за то время, что я тут не был, совсем не изменилось: груды мусора, бетонные столбы, торчащие из них прутья и глухая тьма, в которой может прятаться все что угодно, хоть люди, хоть животные или демоны.

– Эй! – позвал я, слезая с байка.

Включил фонарик, осветил под ноги, чтобы не вступить во что-нибудь.

Меж столбов вспыхнул свет, тут же погас, и я двинулся в ту сторону, осторожно выбирая дорогу.

– Принес? – хрипло спросили меня из темноты.

– Да, – ответил я.

Велико было искушение сказать: «А еще я разговаривал с Одноглазым, и он признался, что о вас ничего не знает», услышать несвязные оправдания, щедро приправленную страхом ложь...

Но я сдержался.

– Тогда давай сюда, – произнес второй голос.

Ведь есть шанс отомстить людям, что разгромили мой магазин, оставили меня без денег!

Надо только набрать номер с золоченой визитки!

Но какие будут мотивы у такого поступка? Мечь, злоба, жадность?

Достойны ли они того, кто заглядывал в Пустоту, читал сутру Молчания и осознал, что вся существующая Темнота находится внутри и что нет отличия между твоей собственной персоной и другими существами?

Все есть сознание и образы на его поверхности.

– Да, – сказал я, спуская с плеча рюкзак.

Пачка денег, упакованная в пакет, едва не вывалилась из моих вспотевших пальцев. Но я поймал ее, зацепил, точно ускользящую рыбину, и выставил перед собой, в свет фонаря.

– Положи наземь и сделай шаг назад, – велел хриплый.

Я послушно отступил, увидел очертания склонившейся к деньгам фигуры. Зашелестел полиэтилен, потом за ближайшим столбом вспыхнул свет и раздался монотонный шорох купюр.

Ну да, вымогатели очень не любят, когда их обманывают, и не верят в то, что бывают честные люди.

– Ну что? – спросил я, когда фонарь погас и наступила тишина.

Мне никто не ответил.

– Эй?! Я могу идти? – спросил я.

И в этот момент мне стало легко-легко, словно, отдав деньги, я убрал огромный камень с собственной души или вместе с долларами избавился от тех самых аффектов, о которых говорил брат Пон. Я только что на самом деле лишился всего, у меня осталось бабла на

месяц скромной жизни, но это меня совершенно не волновало, поскольку не существовало будущего, и я не собирался о нем думать или тем более беспокоиться.

Я отказался от мести, от представления о том, что нечто в этом мире может «принадлежать» мне, и на самом деле если чего и лишился, то исключительно ненужных вещей, того, что висело на мне тяжелым грузом, стесняло движения и ограничивало свободу.

Повернувшись, я зашагал к байку.

Вернувшись в кофейню, я обнаружил брата Пона на том же месте.

Перед ним стояло блюдо с крошками от чизкейка, а на мордочке официантки читался почти священный ужас.

Вымогатели не любят, когда их обманывают, и не верят, что бывают честные люди.

– Пойдем погуляем, – сказал монах, вставая из-за стола и хлопая себя по животу. – Славно поел...

Я ограничился кивком.

Мы пересекли Бич-роад, прошли через шеренгу «ночных бабочек» и оказались на опустевшем пляже. Я уселся рядом с братом Поном, глядя туда, где на бликующей водной глади моргал огнями плавающий ресторан «Oriental Princess» и двигались вдали фонари рыбацких лодок и кораблей, повезших туристов на ночную прогулку по морю.

– Ты достиг момента, когда можно рассказать, что и зачем было нами сделано, – торжественно произнес монах.

Я кивнул.

Я понимал, что он говорит, но в то же время его слова не порождали во мне ни мыслей, ни эмоций, они словно резонировали в огромном пустом сосуде и опускались в его темную ласковую глубину.

– Ты прошел все десять этапов обучения, как положено, от встречи со знающим человеком и возникновения желания двигаться к свободе через отторжение мирских привязанностей и освещение сознания к обретению полноты соответствия между искусными методами и сосредоточением мысли...

Брат Пон затратил какое-то время, чтобы растолковать, что именно он имел в виду, затем обратился к другой теме:

– Первый обучающий семестр ты провел в изоляции, в вате Тхам Пу, в необычных для тебя условиях. Благодаря им ты смог отказаться от привычных дорог, найти в себе силы отбросить старое, очистить сознание и изменить разум, познать его структуру. Упражнения, которые ты тогда выполнял, были нацелены на ослабление силы эго, разрушение личности и обучение контролю внимания.

Монах замолк, и я почти час вспоминал, что происходило в крошечном заброшенном храме на берегу Меконга.

Заговорил он вновь, только когда поток образов внутри меня иссяк:

– Второй семестр ты провел в еще более суровой обстановке, на ходу, вдали от привычного мира. Его результатом стало обнаружение стоящего за феноменами внутреннего и внешнего мира сознания-сокровищницы, постижение этого факта не разумом, а целостным существом. Отсюда и упражнения, далекие от обычной реальности, нацеленные на то, чтобы спровоцировать коренной поворот внутри разума, отвлечь алая-виджняну от проращивания кармических «семян», заставить ее посмотреть на себя.

Вторая пауза, долгая, может быть, в час, а может, и больше, на то, чтобы перебрать в памяти моменты нашего странствия по джунглям, храмам, рекам и селениям на границе Таиланда, Мьянмы и Лаоса.

Я сидел неподвижно, тело меня не беспокоило, не отвлекал тот факт, что по пляжу ходят люди, что в каком-то десятке метров проститутки яростно торгуются с клиентами, а на другой стороне Бич-роад орет музыка.

Все это были элементы цельной, нераздельной реальности.

– Третий семестр мы заканчиваем сейчас, и он нацелен на то, чтобы совместить несовместимое – обычную жизнь с ее тревогами и страданием и то знание, которое ты получил. Во-первых, ты должен увидеть, что любые, самые низменные проявления вокруг тебя – манифестации чистой, блаженной нирваны, и поэтому упражнения, исполняемые сейчас, нацелены на части дхармических потоков, обычно воспринимаемые как внешнее. Можно описать это как возвращение в обычный мир, но уже и ты стал другим, и мир тоже изменился.

Ну да, сострадание, поиск васан-шаблонов...

– Вторая цель – ликвидация двойственности, разделения на «я» и «не я» вплоть до самого высшего уровня, третья – сохранение фиксации алая-виджняны, сознания-сокровищницы на самой себе, чтобы она постепенно разглядела собственную неомраченную, изначальную природу.

Брат Пон замолкал и вновь подавал голос, а над нами плыла паттайская ночь.

На этом месте что-то случилось у меня с разумом, я перестал мыслить как раньше, с помощью слов, в ход пошли цельные образы, содержащие как интеллектуальную, так и эмоциональную часть, и еще много всего разного. Произошло это помимо моего желания, ведь желаний в этот момент у меня не имелось, просто случилось, и все.

Брат Пон говорил, замолкал на какое-то время, потом вновь подавал голос, а над нами плыла теплая паттайская ночь.

Вывалившись в обычное состояние мысли, я обнаружил, что огни ресторана погасли, вокруг тишина и время понемногу идет к рассвету, но мышцы у меня не затекли, голова не болит, а сознание легкое и ясное.

Монах сидел рядом, неподвижный, как статуя, и глаза его были закрыты.

– Ну что, осталось что-нибудь в башке? – спросил он, не поднимая век.

– Ну я не уверен, что понял все... – пробормотал я, потирая лоб.

Память, еще недавно распаханная во всю ширь и изумительно отчетливая, стремительно сужалась и мутнела, я еще мог ухватить отдельные фрагменты того, что услышал за промелькнувшую как мгновение ночь, но не сложить их в единую картину.

– А я и не рассчитывал, что ты поймешь все, – тут брат Пон все же открыл глаза. – Люди вообще крайне редко слушают других, а уж такое, чтобы они при этом еще и слышали, можно счесть вообще чудом...

И он рассказал мне историю о честном, исполненном добродетелей казначее, к жене которого однажды пришла в гости ее мать и начала спрашивать: «Доченька, а не пренебрегает ли тобою супруг? Не обижает ли он тебя?»

Жена казначея ответила: «Такой добродетельный характер и благородство, как у него, трудно встретить и у нищенствующего монаха!»

Слух же ее матери с годами ослабел, как и разум, и она, не поняв, что ей сказали, решила, что зять ее стал нищенствующим монахом. И тут же разразилась воплями и рыданиями, начала причитать, обнимать и утешать дочь.

Та же, от смущения забыв, с чего начался разговор, в свою очередь вообразила, что ее супруг сделался монахом, и тоже завопила и заплакала, на шум сбежались слуги и домочадцы, соседи и родственники...

Так что когда казначей вернулся домой, его ждал сюрприз.

Слушая эту историю, я покатывался со смеху.

– Так что когда-нибудь поймешь, – закончил брат Пон, глядя на меня испытующе. – Теперь вставай, самое время начать рабочий день.

Мне очень хотелось спросить, в чем будет заключаться работа, но я удержался. Взгромоздившись на мотобайк, мы поехали в сторону Южной улицы и запарковались рядом с большим тайским рынком, где торговали всем подряд, от сувениров до продуктов.

Несмотря на ранний час, тут царил суета, с машин сгружали ящики с фруктами и свежей рыбой, продавцы раскладывали товар.

– Вот наше место, – сказал брат Пон, останавливаясь у одного из прилавков в глубине торговых рядов.

– И что мы будем продавать? – осведомился я.

– А то, что я сделал вчера, и то, что ты изобразишь сегодня.

Из-под прилавка оказалась извлечена громадная коробка, набитая вырезанными из дерева фигурками животных – слоны, тигры, обезьяны, змеи, ящерицы и лягушки выглядели живыми и вроде бы даже шевелились, следили за мной ехидными глазами, когда мы их расставляли.

Затем моему взгляду предстал хорошо знакомый нож с коротким изогнутым лезвием.

– О нет... – пробормотал я, вспоминая, как с этой штуковиной в руке корпел над изображениями бодхисатв.

– Да! – возразил брат Пон, доставая вторую коробку, набитую кусками древесины. – Приступай.

– Может быть, наоборот? – уныло спросил я. – Вы – режете, я – продаю.

Да, тогда мне удалось выполнить задачу, я в конце концов изготовил пять статуэток, за которые мне было не стыдно, но сколько пота, крови и времени на это потратил – страшно вспомнить.

Да и произошло это два года назад, и с тех пор я ножа в руки не брал.

Монах глянул на меня, и я понял – отвертеться не получится.

Порезался я уже через пять минут после того, как взялся за нож.

Вскоре стало ясно, что я испортил первую заготовку и годится она теперь лишь на дрова.

– И почему у меня ничего не получается? – пробормотал я с досадой.

– Ты просто действуешь неверно, – сказал брат Пон, только что продавший раннему покупателю мрачного буйвола с венком на рогах. – Мастерства при вырезании у тебя нет. Значит, нужно развивать мастерство без вырезания...

– Это как? – я посмотрел на монаха с недоумением.

– Состязались некогда в искусстве стрельбы из лука два просветленных монаха. Первый ухитрился попадать в цель десятью стрелами подряд, при этом на предплечьях его стояли наполненные водой чаши и из них не проливалось ни капли... Второй же, посмотрев на это, сказал: «Неплохо», после чего забрался на камень, находящийся на краю глубокой пропасти, и повернулся так, чтобы пятки его повисли над бездной... И позвал соперника: «Встань со мной рядом!» Но тот отказался и в страхе упал наземь...

– Но тут нет камня и нет пропасти, – пробормотал я.

– Дело не в том, – брат Пон хмыкнул. – Сознание достигшего всегда одинаково. Занимается ли он тем, что умеет, или берется за то, что ему не дается...

– Но эти монахи были просветлены в разной степени? – уточнил я.

– Конечно, – подтвердил он. – Даже видов нирваны насчитывается четыре: лишенная пребывания, безостаточная, с остатком и абсолютная, а на пути к ним лежит множество степеней прозрения.

Не могу сказать, что притча меня ободрила, но дело пошло веселее.

Монах глянул на меня, и я понял – отвертеться не получится.

Я ухитрился изготовить змею, напоминавшую червяка с утолщением с одного конца, а вот на слоне залип, начал резать вроде уверенно, а потом застыл, не зная, что и как делать дальше.

– Ладно, потом, – сказал я, отставляя фигурку. – Займусь чем-нибудь другим...

– Нет, не годится, – монах покачал головой. – Думай и планируй, готовься сколько угодно. Но вот дело, которое начал, доводи до конца. Поднял ногу, опусти ее куда-нибудь. Иначе энергия, силы, внимание твоего сознания будут тратиться на незавершенный процесс, даже

если ты не будешь осознавать факт его существования. Такие недоделки, как бы невинно они ни выглядели, чаще всего порождают обильный урожай «семян».

Я почесал в затылке и взялся за слона заново.

Покупатели заглядывали к нам, иногда что-то брали, порой ограничивались беседой с братом Поном. Крыша прилавка нагревалась, жара усиливалась, но я не обращал на это внимания, поскольку глубже и глубже погружался в работу.

Стружки текли из-под лезвия, древесина становилась все более податливой, я вспоминал, как держать нож, и инструмент будто сам двигался в моих руках, нетерпеливо толкался в ладони, подсказывая, куда нажать.

– Уже неплохо, можно людям показывать, – брат Пон взял изготовленного мной тигра, и я моргнул, вспоминая, где нахожусь.

– Можно, но стоит ли?

– А это мы сейчас проверим, – и монах поставил зверя на прилавок. – Голоден?

– Нет, – я помотал головой.

После вчерашнего кофе я ничего не ел, но дискомфорта по этому поводу не ощущал, и хотя ночь провел в бодрствовании, сидя на пляже, не чувствовал ни малейшей усталости.

– Прекрасно. Тот распорядок жизни, который ты некогда создал, мы разрушили. Когда-нибудь ты создашь новый...

– Зачем?

– А чтобы общаться с людьми, – и брат Пон рассказал мне, как строил день Будда: вставал на рассвете, собирал подаяние и говорил с мирянами, потом съедал то, что добыл, некоторое время медитировал и затем наставлял уже монахов до полуденной жары, которую проводил в полудреме; вечер он тратил на то, чтобы созерцать мироздание божественным оком в поисках новых учеников и путей проповеди Закона; на закате совершал омовение, затем принимал гостей из дальних краев и только глубокой ночью предавался второму сну.

Тигра моего купили через пять минут за пятьдесят бат, и за спиной у меня словно выросли крылья. Я взял новую деревяшку и решил, что это будет крокодил, с длинным хвостом и приоткрытым ртом.

Тот самый гад ползучий, что покушался на солнце...

За день я изготовил еще десяток фигурок.

Брат Пон приволок две порции жареного риса со свининой, и мы поели тут же, не отходя от прилавка. Что странно, за целый день никто не обратил внимания на меня, не бросил в сторону фаранга любопытного взгляда, ни туристы-покупатели, ни тайцы-соседи.

Меня воспринимали как естественную часть рыночного пейзажа.

– На сегодня хватит, – сказал монах, когда я закончил работу над сидящей обезьяной.

Я отложил нож, пошевелил пальцами.

– Теперь смотри на то, что ты сделал, – продолжил брат Пон. – Не отрываясь. Внимательно.

Я перевел взгляд на нож, и лезвие расплылось, стало куском раскаленного металла.

Я уставился на крокодила, на слона с поднятым над головой хоботом.

– Ты видел, чем они были только что, кусками дерева, бесформенными, грубыми. Существовали ли они тогда?

– Нет, – сказал я.

– А существовали ли те куски дерева, когда были частью ствола или ветви? – продолжал допытываться брат Пон.

Нет.

– Существуют ли твои фигурки сейчас? – и он взял обезьяну в руку.

– Нет... – я знал, что сейчас произойдет, и даже не вздрогнул, когда статуэтка оказалась безжалостно раздавлена и осыпалась наземь дождем из щепок.

– Так увидь это несуществование, – прошептал монах, наклонившись к самому моему уху.

Я уставился на щепки, представляя одновременно фигурку обезьяны, которой они только что были, кусок древесины, послуживший мне материалом, само дерево, росшее где-то в джунглях, семя в земле...

– Каждый предмет обусловлен десятками причин и сам по себе не существует, – продолжал брат Пон. – Воспринимай любой объект, попавший в твоё поле зрения, и людей в том числе, как совокупность этих причин и как источник следующего явления. Смотри...

Мимо нашего прилавка прошла изящная маленькая девушка-тайка, и мне на мгновение показалось, что я вижу не только её, но ребенка, которым она когда-то была, с растрепанной куклой в руках, и одновременно старуху, в какую она превратится через несколько десятилетий.

Перевел взгляд на нож для резьбы по дереву, и лезвие расплылось, стало куском раскаленного металла, рукоять же превратилась в ската, неспешно плывущего в толще воды...

Видение продолжалось всего миг, а потом сгнуло.

– Смотри-смотри, – подбодрил меня брат Пон. – Помни, что все вокруг пусто... Явления, предметы, объекты, что кажутся нам реальными, на самом деле лишь пузыри на воде, дрожащее отражение, всплеск радуги над водопадом, скользнувший по стене солнечный луч...

Я глядел, но более не видел ничего особенного.

Статуэтки из дерева оставались статуэтками, прилавков напротив, заваленный чемоданами, не спешил превращаться во что-то иное, и даже покупатели, чей поток к вечеру обмелел, представляли моему восприятию монолитами, совсем как в давние времена, до знакомства с неправильным монахом.

– Ничего, – сказал он, когда стало ясно, что толку от меня нет. – Завтра продолжим. Ночуем сегодня здесь...

– Да уж, это не облака ловить, – заметил я со вздохом.

После этого я осведомился у брата Пона, где в окрестностях можно найти вай-фай, и он отправил меня в одну из ближних кафешек. Оттуда я вернулся мрачным, поскольку выяснил, что интернет-магазин мой впал в летаргический сон – ни одного заказа за последние дни.

К этому времени начало темнеть, и рынок затих, окунулся в почти полную тишину. Монах спрятал товар в коробки и болтал с нашим соседом, коренастым тайцем, что торговал ремнями.

– Одежда там, под прилавком, – сказал он, на миг отвлекшись.

Я нагнулся, пытаюсь разглядеть что-то во мраке, зажег фонарик в телефоне. Обнаружил пару свернутых одеял и потянулся за одним из них, когда уловил краем глаза движение.

Повернул голову и застыл, по спине побежал холодок.

В каком-то метре от моей ноги свивала кольца змея, небольшая, черная, с зеленоватыми и синими чешуйками позади глаз, та самая «тихая радость», с которой я сталкивался в джунглях.

Я хорошо знал, что чешуйчатых тварей порой можно встретить на холме Пратамнак или в других местах, где сохранились большие участки зарослей... Но откуда ей взяться здесь, посреди забитого людьми рынка?

– Кыш, – сказал я тихо.

Змея зашипела, мелькнул раздвоенный язык, а затем она развернулась и уползла прочь. Миг, и исчезла в темноте под соседним прилавком, но холодные крючья страха, вонзившиеся мне в сердце, никуда не делись.

Бусины на четках

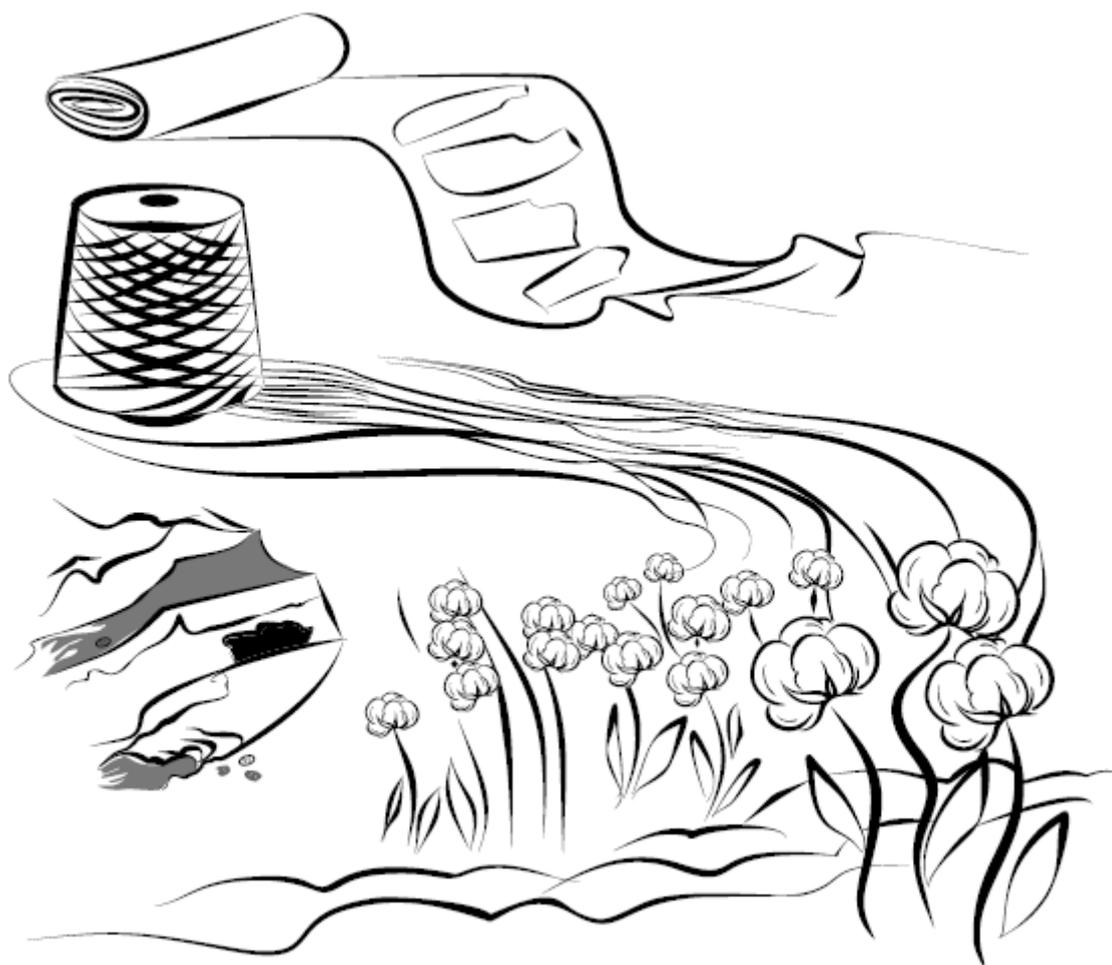
Как ни крути, все мы время от времени оказываемся в такой ситуации, когда не получается ничего, любое предприятие заканчивается неудачей, судьба ставит подножки по три раза на дню.

Наилучшая тактика в этом случае – тотальным образом забыть о том, чем мы заняты. Если есть возможность, на некоторое время полностью сменить обстановку, хотя бы на день-два или на несколько часов.

Если нет – просто выкинуть из головы заботы, расслабиться и заняться ерундой.

Тот контроль, который мы якобы имеем над происходящими вокруг событиями, на самом деле по большей части иллюзорен, зато на поддержание его уходит значительный объем энергии. Кроме того, чем сильнее мы пыжимся и стараемся, пытаясь переломить все в свою пользу, тем больше сил мы тратим.

Если отказаться от насилия, отпустить вожжи и высвободить энергию, то ситуация изменится сама собой, откроются такие возможности, о которых мы и не подозревали...

* * *

Начатые, но не доведенные до конца дела висят на нас подобно веригам, отвлекают энергию сознания и порождают обильный урожай кармических «семян», что рано или поздно прорастут.

Мы пускаемся в предприятия, запускаем проекты, но затем отвлекаемся и бросаем их на полпути...

Но энергия, что тратится на начальном этапе любого процесса, никуда не исчезает, и если перестать уделять ей осознанное внимание, то она продолжит существовать, но в хаотическом, непросветленном состоянии, порождая не самые благоприятные события, на первый взгляд не имеющие рациональных причин.

Чтобы избежать их появления, нужно любое дело тем или иным образом доводить до логического финала: сил на то, чтобы это сделать, все равно уйдет меньше, чем в том случае, если придется бороться с последствиями.

Или не браться за проекты, в необходимости которых нет уверенности.

* * *

«Созерцание Пустоты» позволяет избавиться от иллюзий, увидеть вещи и явления окружающего мира такими, какие они есть.

Практиковать его лучше там, где в поле зрения без усилий попадает множество объектов разного рода – живых, неживых, составных, простых. На упражнение лучше закладывать достаточно большой отрезок времени, не менее часа, но оно, по большому счету, не мешает заниматься другими делами, сидеть в кафе, например, или бродить по торговому центру.

Цель выглядит просто – увидеть каждый попадающий в центр внимания предмет как совокупность породивших его причин и как причину, от которой произойдут другие предметы.

Для начала – один и тот же объект, размазанный во времени.

Пиджак, например, должен одновременно предстать кусками ткани, из которой его сшили, и самим же собой, только старым, покрытым мусором и выброшенным на помойку, где он стал жильем для насекомых. Куски ткани – превратиться в нити и растущий хлопок; жилье для насекомых – стать землей, из которой появляется свежая трава.

Чем лучше будет получаться, тем дальше в обе стороны можно растягивать эту цепь и одновременно ее расширять.

Увидеть человека, сшившего пиджак, и того, кто будет его носить...

Глава 8

Дорога без возврата

Спал я плохо, и вовсе не потому, что под спиной был жесткий металл, а из-за мыслей о том, что где-то рядом может быть змея. Мне снились огромные пресмыкающиеся, что скалили жемчужные зубы и выплевывали струи густого багрового яда, облепившего меня с головы до ног.

Вынырнул я из этих видений с облегчением. Брат Пон вечером посмеялся над моими страхами, заявил, что «тихая радость» меня не тронет, если я, конечно, не наступлю ей на хвост, но его уверения меня не успокоили.

За завтраком пришлось сбегать в ближайший «Севен-элевен», и начался очередной рабочий день.

Я орудовал ножом, превращая деревяшки в животных, и одновременно созерцал Пустоту. Глядел и на заготовки в своих руках, и на ходивших вокруг людей, и на товары с других прилавков, то пристально, то вскользь, даже порой расфокусировав взгляд.

Но ничего не происходило.

Брат Пон торговал так, словно всю жизнь этим занимался, окучивал клиентов на раз-два и втюхивал им даже то, что выглядело ужасно, напирая на то, что это «аутентичные этнические поделки в кхмерском стиле».

Мир растворился и в то же время обрел такое богатство содержания!

Поняв, что успеха не добьюсь, я вспомнил об «отключении памяти» и вот здесь преуспел. Даже опаска по поводу укрывающейся под прилавками ядовитой змеи покинула мое сознание.

Я как раз закончил слона из светлой, почти белой древесины и любовался, как блики играют на его гладком боку, когда статуэтка в моих руках потеряла вес и объем, стала не более чем рисунком, причем одним из многих, наложенных друг на друга, – тут было и валяющееся на земле бревно, и полка, на которой мой слон располагался между кувшинчиком, украшенным надписью «Карловы Вары», и журавлем из цветного стекла.

Я держал нечто реальное и вместе с тем несуществующее.

– Не думай, не пытайся осмыслить, не пугайся и не радуйся, просто смотри, – ворвался в мое сознание голос брата Пона.

Я поднял взгляд на стоявшего у прилавка фаранга и увидел размытое облако, составленное из сотен образов: люди, предметы, моменты от того, как берут на руки младенца в пеленках до плача вокруг поставленного на табуретки гроба.

Мир растворился и в то же время обрел такое богатство содержания, что каждый его элемент, даже скучный и банальный на первый взгляд, я мог созерцать бесконечно!

Приходилось усилием воли переводить взгляд.

Сколько продлилось это состояние, я не знаю, но из него я мягко, без усилий или желания перешел к восприятию дхарм. Закрутилось многомерное колесо, заколыхались волны отдельных впечатлений, колеблемые движениями-сполохами моего собственного сознания.

На этой фазе я застрял на некоторое время, и, поскольку она была мне хорошо знакома, я мог вполне нормально функционировать, не сваливаясь в обычное восприятие.

Поэтому я поместил слона на прилавок и взялся за следующую заготовку.

Черная вязкая древесина и буквально проглядывающая из нее, просвечивающая фигура прижавшегося к земле, готового к прыжку хищника из породы кошачьих... Никакой памяти о том, что я резал ранее, никакой соотнесенности с собственной личностью, с ее выгодами и потерями, с прошлым и будущим.

И свет, что растворяет все дхармы, погружает в Пустоту.

Тигра я не вырезал, он будто рождался у меня в руках, тянул спину, бил хвостом и даже рычал. Я слышал, как брат Пон торгуется с покупателем, как грызутся собаки за соседним прилавком, как смеется продавщица сувенирных маек, звонкая, как пионерский горн.

Но это не мешало, не отвлекало, потому что было частью света, частью моих движений, не принадлежавших мне на самом деле, а происходивших откуда-то извне, из-за пределов...

Сияние померкло, я обнаружил себя источником шести сознаний, что текли подобно струям воды, но одновременно в обе стороны, впадая обратно в озеро из двух слоев, верхнего, мутного, открытого взглядам, и нижнего, погруженного в ясный мрак.

Я втянул их в себя одно за другим без малейшего усилия, как черепаха убирает голову под панцирь при виде опасности. Я не перестал слышать, видеть, осязать или думать, но прекратил осознавать эти процессы, конструировать на их основе реальность, и она рассыпалась.

Будто кто-то разбил объемное зеркало, отражение в котором я принимал за мир.

Но в этой тьме восприятия я ощущал то же самое, что и в том ярком свете, что заполнял меня от макушки до пяток, в колесе дхарм или пустоте, составляющей основу всех явлений.

Нечто единое, остающееся всегда, не-я, алая-виджняна, сознание-сокровищница.

Мир воссоздал себя из праха скачком, я моргнул и шумно вздохнул, с некоторым удивлением посмотрел на готового черного тигра у себя в ладони: еще сегодня утром я бы ни за что не поверил, что в состоянии сделать такое.

Да и причастен ли «я» к рождению этого зверя? Нет, не думаю.

«Мастерство без вырезания», как выразился монах.

– Только сейчас я могу сказать, что все это время не зря жевал свой рис, – проговорил брат Пон с немного грустной улыбкой. – Повторю: не думай, не понимай. Живи дальше с тем, что произошло, дай новому состоянию закрепиться внутри тебя, прижиться, дать побегу.

Я кивнул, поскольку говорить мне не хотелось, не было желания нарушать установившуюся внутри тишину столь грубой вещью, как мысль, и уж тем более словом.

– А этого зверя я оставлю себе, – брат Пон забрал тигра. – Как продать такое? Миллиона долларов будет мало!

Я не испытал ни радости, ни гордости, лишь слабую тень удовлетворенности.

Начни кто-нибудь хаять меня или мою работу в этот момент, я бы не удостоил критика даже пожатием плеч.

– Что это такое? – спросил я, когда дар речи вернулся ко мне. – Нирвана?

Брат Пон хитро посмотрел на меня:

– Ты можешь описать словами, что произошло?

– Нет... – отозвался я. – Я понял только, что это состояние всегда имелось во мне. Только я его не осознавал, не понимал... И сейчас оно есть, только словно за занавеской...

– Не зря я ел свой рис, – повторил монах.

– А еще... – я нахмурился. – Все упражнения, с самого начала, от «внимания дыхания» и смрити, от «установления в памяти» и «создания объекта» и до «перемещения сознания» и остальных... Они же были нацелены на одно и то же, как я этого не видел!

– Поверь мне, ты и сейчас не видишь, – брат Пон нагнулся и похлопал меня по плечу. – Если включишь разум в данный момент, то ничего хорошего из этого не выйдет, придумаешь какое-нибудь нелепое объяснение тому, что пережил, и добавишь новую перекладину в свою клетку из противоречий.

Но мозги у меня уже работали, и, как обычно, торчащая из них труба испускала дым сомнений.

Поддаваться им мне не хотелось и, занимаясь следующей фигуркой, бородавчатой жабой из тех, которых год назад видел в джунглях, я усердно практиковал «это не я, это не мое».

– Только как можно с этим жить? Чтобы вот так... всегда? Если среди людей... – понимал, что говорю не особенно внятно, но остановиться не мог, вопросы лились из меня, как вода из крана.

Мозги у меня уже работали, и торчащая из них труба испускала дым сомнений.

– Очень просто, – сказал брат Пон. – Для этого создается личность. Ты пробовал. Помнишь? Натягивается, словно маска на пустоту, чтобы люди не пугались, а ты мог с ними общаться.

– Ну да... – я нахмурился. – Я создавал, но она же была выдуманная... фальшивая.

– А та, которой ты пользуешься сейчас, – настоящая?

Этот вопрос вызвал у меня глубокое беспокойство.

Откровенно говоря, несмотря на все, что я узнал и пережил, мне не хотелось верить, что все, чем я себя считал, является не более чем иллюзией, пустым измышлением омраченного сознания.

– Я же тебе говорю – не думай, – брат Пон нахмурился тоже, будто пародируя меня. – Просто живи.

Разум же мой к этому моменту набрал крейсерскую скорость, и хотя я пытался его остановить, но без успеха.

– Ведь если нет личности, то нет и сознания, нет и восприятия? – осведомился я.

– Конечно нет, – сказал монах. – Как непрерывной, реальной, вечной сущности. Есть набор постоянно сменяющих друг друга состояний... Как мы говорим «колокол звучит» или «лампа светит», хотя на самом деле колокол ничего не делает, а происходит лишь порождение одного звука за другим, а в лампе имеем последовательность отдельных вспышек. Точно так же и восприятие, пробуждающее сознание, выбирающее личность.

Тут ум у меня окончательно заехал за разум, я решил вопросы прекратить и заняться жабой. Да и покупатели как никогда вовремя пошли косяком, и брат Пон отвлекся на них, из философа превратился в торговца.

Орудую ножом, я в какой-то момент начал осознавать, что нечто мешает мне четко видеть. Поначалу решил, что мне попала в глаз соринка, но избавиться от нее я не смог, зато краем уха различил назойливый шепот, исходивший из точки прямо за затылком.

Голос Пустоты! Еще его не хватало!

– Ничего страшного, – заявил брат Пон, когда я рассказал ему, что происходит. – Опять мы с тобой движемся слишком быстро, и побочные эффекты неизбежны... терпи. Сколько это продлится, я не знаю, но вряд ли долго.

Последняя фраза меня совсем не утешила.

Сверкание в глазах разрасталось, пока центр поля зрения не закрыло нечто вроде груды раскаленных углей или скопления пылающих звезд, шепот превратился в неразборчивое бормотание, то требовательное, то угрожающее. Я старался не обращать внимания на то и другое, но слишком уж оно мешало, отвлекало от работы, приходилось вертеть заготовку так и сяк, чтобы увидеть, где и как нужно резать.

О шедеврах вроде черного тигра я не мог и мечтать.

Вдобавок Голос Пустоты не позволял исполнять упражнения, а ведь я в последнее время обычно делал их, не отвлекаясь от прочих дел. Самовстряхивание еще кое-как получалось, а вот со всем прочим возникали проблемы, даже передвинуть сознание в руку или ногу концентрации не хватало.

Что уж говорить о более сложных вещах?

Несколько легче мне стало только на следующий день, к полудню.

Поле зрения очистилось, и звуки окружающего мира обрели прежнюю отчетливость.

– Ну вот, я же говорил, что это не продлится долго, – сказал брат Пон, когда мы обсудили ситуацию.

Покупателей в этот день у нас почти не было, хотя народу по рынку бродило немало. Но никто не обращал внимания на фигурки из дерева, люди торопились мимо, точно нашего прилавка вовсе не существовало.

– Да, все хотел спросить... – я помялся. – Что дальше? Так и будем сидеть здесь? Торговать?

– Даже не надейся, – откликнулся монах. – Я закончу свое дело и уйду. А потом... Только ты можешь решить, чем и где тебе заниматься.

Любой «влюбленный» эгоистичен во всем, что не касается объекта его страсти.

Его слова заставили меня помрачнеть.

Нет, я понимал, что брат Пон не задержится в Паттайе надолго, что у него наверняка есть другие дела помимо моего обучения, но все же хотелось верить, что я проведу некоторое время в компании неправильного монаха.

– Только не заставляй меня забирать обратно заявление по поводу того, что «я не зря ел свой рис»! – он рассмеялся. – Крошечное иллюзорное «я» старается изо всех сил подтвердить свое существование, цепляясь за все подряд, и крепче всего оно пытается ухватиться за людей, находящихся рядом. Называется это красивыми словами вроде «дружбы», «любви», «родственных отношений», но на самом деле это всего лишь эгоистическое стремление определить себя. Чтобы на вопрос «кто я?» можно было гордо ответить «друг такого-то» или «сестра такой-то»...

– То есть вы хотите сказать, что дружбы и любви не бывает? – спросил я.

– Почему? – брат Пон погрозил мне пальцем. – Бывает. Но сравнительно редко. Просто обычно эти термины используются для того, чтобы маскировать собственное цепляние за существующие в сознании образы других людей. Явления же и процессы, для описания которых их применяют, только способствуют тому, что существа запутываются в тенетах сансары и порождают не самую благую карму.

Ну да, тут он был прав.

Любой «влюбленный» беспредельно эгоистичен во всем, что не касается объекта его страсти, а с близкими людьми почему-то принято обращаться так мерзко, как никогда не поведешь себя с чужаком...

Супруги, повышающие друг на друга голос, – обычное дело.

Но вряд ли кто-то из них будет так же истово орать на незнакомого человека.

– Поэтому не вздумай хвататься за меня, – продолжил брат Пон. – Это глупо. Радуйся, если тебе доставляет удовольствие общение со мной, но не пытайся продлить его насильно... Кстати, совет универсальный, ведь никто из тех, кто тебе дорог, не задержится рядом навечно.

– Ну да, ну да... – я почесал в затылке и вернулся к работе.

Сегодня утром брат Пон приволок еще деревяшек, и теперь заготовок у меня была полная коробка: самой разной формы, текстуры, размера и цвета – вырезай что хочешь.

Я изготовил еще одного слона, монах за это время продал пару обезьян.

Потом мы сделали перерыв на кофе, и я принялся за буйвола, могучего, с раскидистыми рогами. Шепот, терзавший мои уши более суток, к этому времени затих, от груды мерцающих углей осталось крохотное пятнышко.

Я очень надеялся, что Голос Пустоты заткнется навсегда.

Телефон мой ожил, когда начало темнеть, и на экране появилась надпись «Виталик».

– Привет, – сказал я, взяв трубку.

Друга-дайвера я не видел с самого дня рождения и был уверен, что он, как всегда в сезон, работает на износ – водит под воду туристов-чайников, натаскивает студентов и исполняет роль гида при сертифицированных ныряльщиках.

– Привет, – откликнулся он. – Ты чего вообще и как?

– Да нормально, – ответил я. – Э... работаю...

Я опасался, что Виталик начнет расспрашивать, какого черта я покинул свой кондо и что у меня вообще происходит, но вместо этого он неожиданно заявил, что приглашает меня в гости.

– Я слышал, у тебя с жильем проблемы, – сказал он в лоб. – Так заночуешь у меня.

Апартаменты Виталик снимал большие, чем-то похожие на те, из которых я съехал не так давно, и помимо спальни в них имелась и гостиная с огромным роскошным диваном.

– Только я не один... с деловым партнером... – сообщил я.

– Не вопрос, – Виталик усмехнулся. – У меня завтра первый выходной за месяц. Выпить с кем-то надо, а то какой смысл?

– Отлично, – я глянул на брата Пона вопросительно, тот кивнул и поднял большой палец. – Тогда мы тут закончим работу и где-то через час-полтора будем у тебя, я снизу позвоню.

– Отлично, – эхом откликнулся он. – Жду.

Обитал Виталик, как почти все из нашей компании, на Пратамнаке.

Только вот кондо его, небольшой, элитный, скромно прятался в одном из переулков, и даже подъезды к самому зданию перекрывал высокий забор, снабженный могучими – не всякий таран возьмет – воротами.

Виталик их открыл, и я припарковал байк под навесом рядом с аккуратно подстриженной клумбой, на которой цвели огромные розы. Они с братом Поном представились, пожали друг другу руки, и мы прошли внутрь, но лишь для того, чтобы бросить вещи.

После этого отправились к бассейну, около которого и планировались посиделки.

– Ну что? – сказал мой друг, ухмыляясь. – Виски или ром?

Я настороженно глянул на монаха, но тот с видом знатока проговорил:

– Это смотря какой ром и какое виски!

– Ха! – Виталик оскорбленно хмыкнул и полез рукой в большой пакет, стоявший под столом. – Дряни не держим!

Пил он редко, но уж если пил, то не тайский дешевый алкоголь, что весь из одной бочки. Сегодня нам предстояло баловаться «Джемисоном» и ромом «Биеха карта» откуда-то из Латинской Америки.

Интересно, если ты в Большом Отшельничестве, то похмелье тоже рассматривается как духовное упражнение?

– Давай виски, – решил брат Пон.

Мы получили по стакану, из сумки-холодильника на свет появились кубики льда. Виталик уничтожил свою порцию залпом и набросился на закуску, я чуть отхлебнул, монах только губы смочил.

– Что, парни, за бизнес у вас? – спросил мой друг, наливая себе еще. – Странный... Раз даже на жильё не хватает.

– Хватает, – ответил брат Пон. – Только оно очень далеко от этих мест... Давай!

И он протянул стакан чокнуться с хозяином.

Нам предстояло баловаться «Джемисоном» и ромом «Биеха карта» из Латинской Америки.

Мне оставалось только присоединиться.

Виталик на удивление быстро набрался, я его таким видел один раз, и очень давно. Монах отставил стакан и принялся рассказывать историю про некий монастырь, привратником в котором был один послушник, и его остальные почитали человеком не особенно умным.

Но обычай существовал такой, что раз в неделю монахи собирались и кто-то должен был читать и трактовать философский текст.

И когда дошло дело до привратника, тот спросил, что читать, свое или чужое. Братья решили пошутить и велели читать свое... и привратник начал по памяти шпарить сочинение о пути бодхисатвы и обретении нирваны, а потом вообще окутался белым сиянием и взлетел к потолку.

– Сочинение это позже вошло в канон, а монах недолго оставался привратником, – закончил брат Пон.

Услышал эту фразу только я, поскольку Виталик безмятежно похрапывал в кресле.

Около бассейна сидели лишь мы, в ограниченном забором пространстве кондо царила полная тишина, и удивительно хорошо было слышно, как рокочет вдали гром. Темное уже небо заполняли громады облаков, в стороне моря поблескивали зарницы.

– Надо бы довести его до кровати, – сказал я, отставляя стакан с виски.

– Займись, – кивнул монах.

Я проводил Виталика в его апартаменты, убедился, что он улегся на кровать. Вернувшись, обнаружил, что дождь шпарит всюду, капли шлепают по воде бассейна, по листьям и креслам, по крыше навеса.

И только вокруг брата Пона было сухо, точно кто-то держал над ним невидимый зонт. В темноте я не мог четко видеть, что происходит с каплями, норовившими упасть на монаха, но мне казалось, что они отскакивают в стороны или вовсе разбиваются и пропадают без следа.

– Это как?! – спросил я.

– Ты тоже можешь так, – ответил монах невозмутимо. – Ты же создал новое тело?

– Но как?! – повторил я, подходя к нему.

Несколько капель упали мне на голову, но затем я словно оказался под крышей. Вытянул руку вверх насколько мог, пытаюсь нащупать то, что мешало дождю, но не обнаружил ничего.

– А как ты тогда достал цветок?

– Ну... – я сел в кресло: жутковато было находиться вот так под ливнем, без прикрытия, но в то же время не мокнуть. – Неужели это тело годится для таких фокусов? Не верю!

– И правильно делаешь, – брат Пон поставил стакан на стол. – Тело – это опора. Старое твоё тело было опорой личности, новое, родившееся из алмазных зародышей, станет опорой не-личности. И, предвкушая твой вопрос, могу сказать, что «не-личность» – это ни в коем случае не «личность».

Я разочарованно засопел: вот уж «понятное» объяснение!

– Попробуй чего-нибудь, сорви вон розу... – предложил монах.

Я попытался вспомнить, как действовал год назад – перестройка сознания, смена перспективы, цветок лишь элемент сферы восприятия, и я могу с легкостью переместить его в пространстве, дергая за нити, лежащие в основе этого самого восприятия.

Мир поплыл перед глазами, но через миг вернулся обратно в компании чудовищной силы рвотного спазма. Меня буквально вывернуло прямо на землю всем, что я съел и выпил здесь,

у бассейна, в горле встал кислый ком, по позвоночнику точно шибанула вверх струя пара, мне стало жарко.

Барбосов оказалось несколько; цокая когтями по асфальту, за нами мчалась стая.

– Ах ты, как неудачно! – брат Пон вскочил. – Я же забыл, что ты глотнул виски!

Я попытался сказать что-то, но ощутил нечто вроде мощного удара под ложечку и отключился.

Открыл глаза я на диване в гостиной Виталика.

Меня слегка подташнивало, чувствовал я себя чахлым, точно после тяжелой болезни. За окнами светало, на полу, прямиком на мохнатом ковре, подложив под голову подушку, мирно похрапывал брат Пон.

Похоже, это был первый раз, когда я видел его спящим.

Когда я вернулся из туалета, монах уже поднялся, а вдобавок из спальни выбрался охающий Виталик.

– Круто посидели, – сказал он, держась за голову. – Похмеляться будем? Пиво есть.

– Нет, у нас работа, – и брат Пон развел руками.

Мимо бассейна я прошел с опаской, но никаких следов моего вчерашнего позора там не осталось.

– Я все убрал, – сказал брат Пон, усаживаясь на мотобайк. – Сегодня я поведу. Давай ключи.

Я спорить не стал, Виталик махнул нам, и створки ворот с рокотом пошли в стороны.

– Алкоголь не только искажает сознание, но и отбирает силы, – сообщил монах, когда мы выехали наружу. – Поэтому вчера ты просто надорвался. И я забылся немного.

«Как же, забылся, – подумал я мрачно. – Наверняка все продумал и рассчитал. Очередной урок».

Мы проехали переулок до конца и вывернули на один из soi Пратамнака, когда нам прямо под колеса метнулась собака. Серо-желтая мохнатая бестия шелкнула зубами рядом с моей лодыжкой и понеслась следом, остервенело лая.

Через миг барбосов оказалось несколько, и за нами, цокая когтями по асфальту, мчалась целая стая.

– Вот тебе и доброе утро, – брат Пон покосился через плечо и добавил газу. – Интересно, что их приманило?

Я мог не отвечать, он прекрасно знал, в чем дело.

Базовый аффект, определявший мое поведение в наибольшей степени, а именно ненависть, был в значительной степени преодолен, но какие-то его следы еще оставались в непросветленных закоулках сознания.

Собаки бежали за нами, истошно лая, до самого выезда на Пратамнак-роад и только там отстали.

До рынка мы доехали без приключений, и брат Пон начал выставлять на прилавок статуэтки. Я же уселся на стул, взял в руки очередную заготовку и нож, и в этот момент до меня в полной мере дошло, чем именно я занимаюсь в последние дни.

Изображаю нищего мастера тайских народных промыслов, и ради чего?!

– Это что, я теперь до конца жизни буду здесь торчать, деревяшки резать? – поинтересовался я, не пытаясь скрыть недовольства.

– А я все ждал, когда ты спросишь, – брат Пон подмигнул мне и принялся выстраивать слонов по размеру. – Нет, я так не думаю. Возникнут у тебя и иные дела. Кстати, я забыл отдать твою долю...

Он вытащил из кармана пачку шелестящих бумажек с изображением правителя королевства, и вскоре я стал обладателем нескольких тысяч бат – ничего себе, а мы не так плохо торгуем, если так дело и дальше пойдет, можно будет снять комнатушку, чтобы не ночевать по соседству со змеями.

– Так что давай работай, – повелительно сказал монах.

В этот момент у прилавка объявилась дама в огромной шляпе и темных очках, и он отвлекся. Мне же ничего не осталось, как воткнуть нож в непокорную древесину и заняться новым тигром.

Ну и заодно созерцать Пустоту... от духовной практики меня никто не освобождал.

Дело пошло легче, чем я думал, следы вечернего недомогания постепенно слабели и совсем исчезли после того, как я изничтожил тарелку обжигающе-острого том-яма, купленного с проезжавшей мимо рынка макашницы.

Брат Пон заговорил вновь, когда время подошло к полудню, стало жарко и число покупателей уменьшилось.

– Те обычные, привычные типы сознания, которыми ты пользуешься всю жизнь, банальные, загрязненные, – сказал он, – и нерождающееся, негибнущее истинное сознание находятся в гармоничном единстве и являются не тождественными и не отличными, сливаясь в алая-виджняне. Второе без первых существовать может, и это называется просветлением, а вот первые без второго нет.

Да, теперь я понимал, что проблески того света, огня, дыхания, что я ощущал внутри теперь так четко, имели место всегда, вот только я не обращал на них внимания, да и терялись они среди прочих, куда более грубых и ярких впечатлений.

– Но почему возникают эти омраченные сознания? – осведомился я.

– Первичное невежество проявляет себя в виде действующей мысли, активного восприятия, что стремится выйти за пределы погруженного в себя изначального сознания, не догадываясь, что этих пределов не существует... Прилагая для этого усилия, оно порождает некие образы, создает турбулентности-свойства, но наделяет их внешним существованием и

называет окружающим миром, – тут брат Пон сделал краткую паузу. – Как сказал один из древних, дхармы обусловлены разумом, их лучшая часть – разум, из разума они сотворены.

– Это-то понятно, – сказал я, хотя не был уверен, что до конца ухватил теорию монаха. – А вот куда исчезает личность после того, как возникает то, что вы называете «не-личность»?

– Хороший вопрос, – брат Пон глянул на меня искоса. – Вот смотри, костер. Представляешь, что это?

– Ну да.

– Что нужно для того, чтобы он загорелся?

– Дрова, – ответил я. – Спички или зажигалка.

– Верно. А при каких условиях пламя гаснет? – вид у монаха был хитрый, и я подозревал, что он готовит мне некую каверзу, но в чем она состоит и где кроется, я понять не мог.

– Когда дрова заканчиваются... ну или если водой зальет.

– Отлично! – брат Пон хлопнул в ладоши. – То есть ты легко можешь ответить на вопрос, какие обстоятельства порождают огонь и какие приводят к его исчезновению. Теперь же сообщи мне, куда уходит погасший костер – на запад, на север, на юг или восток?

Вид у монаха был хитрый, и я подозревал, что он готовит мне некую каверзу.

И он уставился на меня вопросительно.

– Но этот вопрос не имеет смысла... – пробормотал я.

– А твой – имеет? Личность точно так же прекращается, если нет топлива. Исчерпывает себя, когда...

Он еще что-то говорил, но я уже слышал не очень хорошо, поскольку осознал, о чем шла речь с самого начала, со слов о единстве пробужденного и непробужденного сознания. И это светоносное понимание сотрясло меня не хуже, чем ударившая в голову молния.

Брат Пон вручил последнего слона могучему фарангу в детской панамке и с удовлетворением оглядел прилавок: деревянных животных осталось не так много, поскольку торговля шла бойко, а вскоре после разговора об осознании он отобрал у меня нож для резьбы по дереву.

Сказал: «Хватит, отдыхай», так что последние несколько часов я занимал себя «погружением во тьму».

– Так, Пустоту ты уже видишь, – сказал монах, повернувшись в мою сторону. – Настало время заменить мысли в твоей голове на «не-мысли»... Вот, смотри, твой тигр, – одна из статуэток, из светлого, почти белого дерева, оказалась у него в руках. – Какой он?

– Красивый... изящный... хищный...

– А теперь смотри на него, думай о нем, но без всех перечисленных тобой понятий. Забудь, что такое «хищность», «красота», «белизна», убери эти термины из сознания... «Созерцание Пустоты» может помочь, как и «отключение памяти».

Он поставил фигурку передо мной, и я уставился на тигра.

– Помни о четырех определенных бодхисатвами признаках правильной медитации: тело расслаблено, дыхание неглубокое, сознание ясное и светлое, как небосвод, восприятие утонченное, чтобы мог разглядеть даже волосок на носу проползающего мимо муравья...

От воспоминаний о «тигриности», «деревянности» и прочем я избавился довольно быстро и даже разглядел ту пустоту, что стояла за статуэткой хищного зверя, всю обусловленность, отсутствие самости.

Но потом случился затык.

Я впал в ступор и не мог понять, куда и как двигаться дальше, меня словно замкнуло в одном положении – так бывает, когда «защелкнется» позвоночник и любое движение начинает причинять боль. Вот и у меня случилось примерно то же самое, только не с телом, а с сознанием, с разумом – я видел всю последовательность обусловленных форм от семени в земле до древесной гнилушки, но и только.

Раньше я продолжил бы упорствовать, напрягаться, начал бы обвинять себя и злиться, но теперь я знал, что это только ухудшит ситуацию, и просто расслабился.

Прорыв случился почти тут же, и я осознал, что не могу понять, на что смотрю.

Я дернулся, мысли вновь зашумели в голове, вернулись такие понятия, как «дерево», «искусство», «прилавок», «хищник», и я оторвал взгляд от оскалившегося белого тигра.

– Получилось, – резюмировал брат Пон. – Иди, попробуй то же самое с байком... Связанных с ним понятий намного больше, посмотрим, как ты с ними справишься.

Я уселся на собственный скутер и принялся созерцать другой, припаркованный рядом. И вновь первые фазы упражнения миновал быстро, но дальше застрял, будучи не в силах отвлечься от мыслей о круглости и резинистости колес, бежевом цвете корпуса, о том, что эта штука передвигается, поворотники мигают оранжевым и в два зеркала на руле можно глядеться.

Понятий и явлений, связанных с этим объектом, было слишком много, и абстрагироваться не получалось.

Свирепо поглядывая на меня, таец взгромоздился на свою машину и уехал.

Сколько я так промучился, не знаю, но отвлек меня резкий толчок в плечо. Повернувшись, я обнаружил рядом мелкого тайца в ковбойской шляпе, смотревшего на меня, точно Клинт Иствуд на злодея.

– Ты глядеть что? – спросил он. – Украсть хотеть мочь?! Байк похитить нет?

– Нет, – я покачал головой и постучал себя пальцем по лбу. – Задумался.

Но владельца байка, избранного мной для созерцания, подобное объяснение не устроило. Свирепо поглядывая на меня, он взгромоздился на свою машину и уехал, наверняка для того, чтобы оставить где-нибудь неподалеку, но за пределами моего хищного взгляда.

А я побрел к брату Пону и обнаружил, что тот готовит лавочку к закрытию.

Монах убирал оставшиеся статуэтки в коробку, фальшиво насвистывая себе под нос «Дым над водой»,

– Что, на сегодня все? – спросил я.

– Почему на сегодня? Совсем все... Мы больше сюда не вернемся.

– Но как же это? – забормотал я растерянно, указывая на непроданные фигурки. – Куда их?

– А вот здесь оставим, – брат Пон сунул коробку под прилавок. – Кто найдет, тому и достанется...

Только в этот момент я понял, что прикипел к этому странному, но стабильному существованию, привязанному к нашей торговой точке, – удивительно, ведь я провел здесь всего несколько дней, но успел обжиться и привыкнуть!

– Наш путь в этом мире – в принципе дорога без возврата, – монах посмотрел на меня, и в его черных, как маслины, глазах я обнаружил печаль. – Возвращение невозможно. Только вперед, в неизвестность, и никогда туда, где мы находились и где нам было хорошо и легко...

От этих его слов у меня внутри что-то оборвалось, и стало так тоскливо, что хоть в петлю лезь.

Я даже не пытался гадать, куда мы поедем с рынка, где я проведу следующую ночь, что буду делать завтра. У меня не имелось ничего, стоящего беспокойства, и я ощущал себя точно несомая ветром пушинка одуванчика.

Брат Пон вновь сел за руль, и отправились мы к пирсу Бали Хай.

– Сегодня мы отправимся на экскурсию, – гордо сообщил монах, заглушив мотор. – Ночной лов кальмара... Что может быть лучше?

Лодка, куда он меня привел, оказалась забита соотечественниками – шумными, обгоревшими, веселыми, уверенными в том, что все вокруг лишь аттракцион, задуманный для их увеселения.

Нас пустили на борт без вопросов, брат Пон обменялся парой слов с капитаном, и вот мы уже занимаем два шезлонга в заднем ряду, с краю, где на нас никто не обратит внимания, зато мы видим почти всех.

Взревел движок, корабль отвалил от причала, боат-менеджер начал отрепетированную речь.

– Вот человек, неплохой объект для созерцания, – шепнул мне брат Пон. – Используй, практикуйся.

– А почему мы чуть ли не каждый день ночуем на новом месте и занимаемся чем-то другим? – поинтересовался я, чувствуя странное нежелание заново начинать путь к «не-мысли».

– Это очевидно. Ты сейчас изменяешься внутри, и в очень высоком темпе. Необходимо поддерживать его внешними переменами, так намного легче.

Я уставился на боат-менеджера, курчавого паренька, надеясь, что он не воспримет мой интерес превратно. Затем мне стало все равно, беспокойство ушло за компанию с мыслями, место человеческого существа заняла размазанная по времени обусловленность, что составляет основу бытия живых и неживых объектов.

И вновь резко, скачком, я прекратил даже на самом тонком, близком к подсознанию уровне использовать определения того, что получают мои органы чувств – «человеческое», «мужчина», «одежда», «работа с туристами», «молодость», «звонкий голос», «руки», «движение», «русский язык».

При этом я не перестал видеть боат-менеджера, не ослеп и не провалился во тьму.

– Теперь отведи взгляд в сторону, но постарайся сохранить качество мышления, – брат Пон вынужден был несколько раз повторить эту фразу, прежде чем до меня дошло, что это слова, что они обращены ко мне и в них есть смысл.

Я медленно повернул голову, мгновение видел цветные пятна на черном фоне и затем понял, что смотрю на Паттайю, на ярко освещенный «Ройал Клифф» и отели по соседству.

Попытался вернуть то состояние, в котором только что находился, ведь оно обещало тишину, мир и свободу.

– Не все сразу, – сказал брат Пон, когда я осознал, что ничего пока не получается.

Выступление боат-менеджера закончилось, и туристы ринулись к столу с закусками. Собравшиеся в кружок мужики принялись разливать по стаканчикам ром «Санг Сом» – то ли притащили с собой, то ли купили у команды, что на таких лодках обычно приторговывает алкоголем.

В руках у женщин возникли бутылки пива.

– Не хочешь выпить? – осведомился монах ехидно. – А то организую.

– Нет, – ответил я и душой не покривил. – Мы на лодке и заночуем?

– Ага. К полуночи пассажиров высадим, и место для нас найдется.

Спать придется либо в том же шезлонге, либо на жесткой лавке, но мысли об этом не вызвали у меня отторжения – небольшой поворот сознания, и я даже на гвоздях смогу устроиться не хуже, чем на пуховой перине.

– То, что ты воспринимаешь за пределами явлений, то, что является истинной природой, именуют обычно Телом Закона Будды, – сказал монах, глядя на темную воду. – Высшая неопишуемая сущность, та самая Пустота, что есть Полнота, она пронизывает все уголки Вселенной, она во всем, и все в ней.

Давно, еще в Тхам Пу, брат Пон несколько раз упоминал о Трех Телах Будды, но концепцию эту не развивал и практических выводов из нее не делал, и выглядело это странно, поскольку обычно он любую теорию рано или поздно воплощал в упражнениях или медитациях.

Монах ненадолго замолк, давая пройти мимо любопытной барышне.

– После освоения высших степеней сосредоточения появляется способность наблюдать Тело Наслаждения, воплощенное в тысячах и даже миллионах образов различных небесных учителей. Это те же знакомые тебе Амогасиддхи, Вайрочана, Ратнасамбхава и прочие, которые наставляют и помогают несчетному количеству живых существ... Это тело не вечно, оно существует до тех пор, пока все потоки восприятия не вернуться к состоянию истинного осознания.

Монах ненадолго замолк, давая пройти мимо любопытной барышне, решившей посмотреть, что творится за кормой.

– И Явленное Тело, то самое, в котором Будда воплощается на этой земле, среди людей, как Шакьямуни или кто-то еще, – тут брат Пон сделал вай, точно находился в храме, перед изображением Татхагаты.

Мне даже почудилось, что волосы с его головы исчезли, а на плечах возникла монашеская одежда.

– И все три тела присутствуют и в тебе, – сказал он, ткнув меня пальцем в бок. – Тело Закона – это изначально чистая природа сознания, явленная в алая-виджняне, Тело Наслаждения – бесчисленное многообразие тех форм сознания, которые ты способен породить, а Явленное Тело – совокупность материальных дхарм, что сидит в соседнем шезлонге и слушает, развесив уши.

Да уж, именно так, развесив уши.

Все время, что мы болтались в море, я посвятил созерцанию.

То ли сочетание ярких огней в окружении темноты и бликующей воды, то ли речи брата Пона, то ли совокупность усилий, то ли все вместе привело к тому, что я смог добиться того, чего он от меня хотел, – перенести качество «не-мысли» на процесс мышления целиком.

Произошло то, что монах назвал «потерей опоры», – рухнула структура разума, за которую я держался всю жизнь, из которой не имел желания выйти, и даже представить не мог, что это возможно. Я стал един и с черным, усеянным звездами небом, и с кораблем, качавшимся на водной глади, и с соотечественниками, что возбужденно орали, тягая из воды тушки кальмаров.

Обычные мысли стихли, осталось нечто тонкое, почти неуловимое.

Из этого состояния я мягко, без сотрясений вышел, когда мы на всех парах шли обратно.

– Ну вот, отлично, – сказал брат Пон, выдавая мне тарелку с кусками кальмара. – Ешь, в Большом Отшельничестве можно...

Я послушно жевал, и сырое мясо, жесткое, приправленное острым соусом типа васаби, казалось мне невероятно вкусным.

– Когда-нибудь и наши тела съедят точно так же, – заявил монах, когда с поздним ужином было покончено. – Это закон жизни, столь беспощадно действующий в сансаре.

Корабль наш подошел к пирсу, на котором уже ждали гиды, чтобы распахнуть туристов по минивэнам и развезти по гостиницам от «Гарден Си» до «Амбассадора». Толчок, второй, загромыхали опущенные трапы, и по ним хлынули ручейки болтающих и смеющихся людей.

При взгляде на них я ощутил внезапный приступ острой тоски, возникло чувство, что я никогда не смогу вот так беззаботно ржать, находясь в кругу сородичей, что даже в толпе буду один.

– Человеческое умирает медленно, – заметил брат Пон с сочувствием в голосе. – Окончательно оно сгинет не через год, и не через два, и то при условии неотступной практики.

– А я буду ею заниматься? – осведомился я.

– Шансы на это велики, – монах глянул на меня оценивающе. – Не занимаясь обучением, я научил тебя всему, чему нужно. Самое главное, что ты усвоил – знание может называться знанием лишь в том случае, если его можно использовать в деле. Какой был бы прок от всех моих поучений и рассказов, если бы тебе не пришлось их «воплощать», применять к себе изложенные в них истины?

Я поскреб в затылке.

Я улегся и даже почти уснул, когда на корабль с ревом обрушился шквал.

Да, с самого первого дня, когда меня переодели в антаравасаку и посадили на диету, я работал не покладая рук – и лопатой, и метлой, и ножом, и просто ногами, проходя километр за километром, и это не говоря о разных формах созерцания, порой тоже связанных с физическими усилиями.

Совсем не так я представлял себе ученичество – читай себе умные трактаты, медитируй в тишине и покое, слушай мудрые наставления, и рано или поздно все поймешь, станешь возвышен и продвинут.

– Но есть же знания, которые нельзя применить на практике, – возразил я.

– Это не знания, это лишь информация, – брат Пон покачал головой. – Пойдем... Настало время отработать наш ночлег.

И мы отправились наводить на корабле чистоту и порядок, мыть палубы и заниматься столь же «высокодуховными» вещами. Когда закончили, лодка вновь отошла от берега и стала на якорь так, чтобы не мешать другим судам.

Для ночлега мне выдали целых два шезлонга и плед.

Я попытался со всем этим как-то устроиться, улегся и даже почти уснул, когда на корабль с ревом обрушился шквал. Палуба накренилась, плед едва не унесло, брызги от ударившей в борт волны плеснули в лицо.

На нижней палубе вскрикнул капитан, ожил двигатель.

Вскоре стало ясно, что это не одиночный удар стихии, что ветер поднялся всерьез и надолго: волны ощущались даже в гавани, под защитой берега, и лодку нашу мотало туда-сюда, как поплавок.

Я лежал, вцепившись в шезлонг, и как раскачивались огни на берегу, так же моталось все у меня внутри. Мысли, желания, воспоминания, планы вспыхивали и гасли подобно летящим через ночное небо метеорам.

Бусины на четках

Мы привыкли рассматривать оказавшихся рядом людей как имущество, а отношения с ними использовать для того, чтобы укреплять собственную личность, поддерживать веру эго в то, что оно существует.

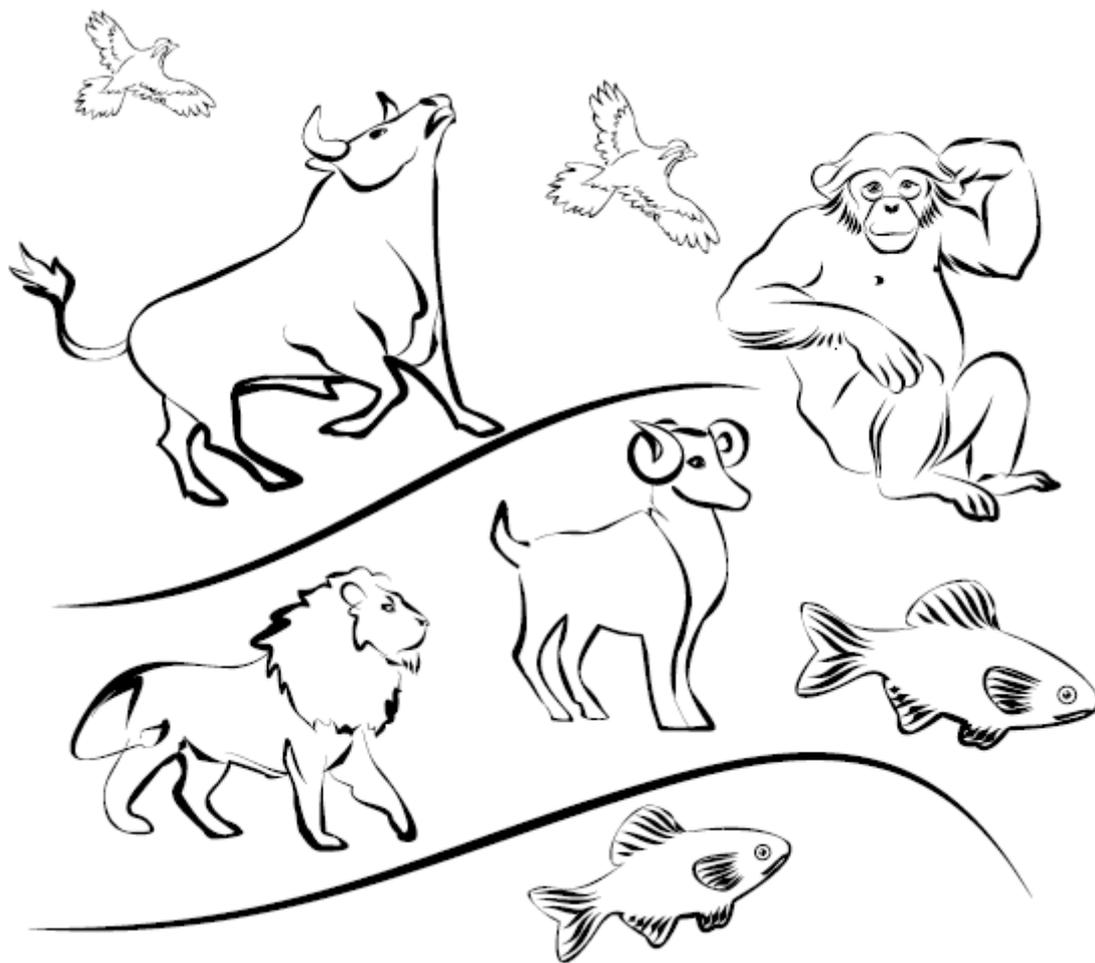
Красивые слова «любовь» и «дружба» обычно прячут под собой махровый эгоизм, растут из инстинкта собственника.

Мы окружаем себя другими людьми точно стеной, называя себя «отцом», «дочерью», «матерью», «другом», и забываем, что все эти статусы не вечны, рано или поздно любой из них перестанет быть актуальным. Мы цепляемся за окружающих, пытаемся их переделать под себя, сделать эту стену крепче, чтобы страшный незнакомый мир из-за ее пределов не добрался до нас.

И тем самым убиваем радость общения.

Еще мы позволяем по отношению к близким такие поступки, которых никогда не совершим по отношению к чужакам, и это, если смотреть объективно, выглядит очень странно...

Стоит помнить, что никто не вечен, что всякий разговор, каждая встреча может стать последней. Куда разумнее отпустить, ослабить хватку на других, позволить им быть собой, а не поводом для гордости наряду с машиной, счетом в банке и домиком на Лазурном берегу.

* * *

«Не-мысль» имеет смысл осваивать лишь после того, как начнет получаться «созерцание Пустоты».

Эти две практики тесно связаны и дополняют друг друга.

Начинается упражнение с того, чтобы, наблюдая определенные конкретные признаки вещей или явлений, отрешаться от них, исключать из сознания само представление об этих признаках.

Скажем, рассматривая красный мяч, полностью забыть, что такое «краснота» и «круглое», или, разглядывая банан, элиминировать из разума определения и представления «желтизна», «продолговатое» и «сладкий вкус».

Освоив простые объекты, можно перейти к сложным, обладающим более широким спектром характеристик.

Затем нужно перенести освоенное качество непризнаваемости на весь процесс мышления, то есть, не наблюдая ничего конкретно и занимаясь обычными делами, вычеркивать из сознания базовые понятия и определения, что служат для него топливом.

Результатом будет «потеря опоры», полное успокоение сознания, благодатная тишина мысли.

* * *

Знание имеет смысл лишь в том случае, если оно служит основой для действия, для поступков.

Если же знание не порождает изменений в поведении того, кто им обладает, или вообще не способно произвести такие изменения, то это не знание, а просто информация, интеллектуальный багаж, накопленный, скорее всего, для того, чтобы наше эго могло чувствовать себя более «объемным», более значительным.

Поэтому эрудит на самом деле обременен своим багажом ничуть не менее, чем обладатель эмоциональных комплексов, тщательно выстроенного имиджа или гордый хозяин огромной коллекции бесполезных предметов.

Какой смысл читать умные книги, если они не помогают действовать разумно?

Знакомиться с изложением того или иного учения, не пытаясь воплотить его в собственной жизни?

Все равно что изучать язык, не имея намерения его использовать.

Глава 9 Начало пути

Качка продолжалась всю ночь, и к утру я ощущал себя так, словно провел несколько часов во внутренностях работающей стиральной машины.

Сойдя на пирс, куда мы причалили с первыми лучами рассвета, понял, что меня покачивает. Почти в тот же момент осознал, что чего-то недостает и внутри, там возникла пустота, ощущение нехватки привычного – такое бывает, когда только что выдрали зуб и ты не можешь приспособиться к тому, что его во рту больше нет.

Но я лишился объекта более значимого, чем маленький костяной нарост.

– Завтракать пойдем на пляж, – решительно заявил брат Пон, на что я отреагировал вялым кивком.

Зашагали мы в сторону паттайской бухты, в мутной водичке которой станет купаться только любитель грязевых ванн или на редкость невежественный турист, приехавший в город впервые.

Монах отправился в магазин, а я уселся прямо на песок, прислонился спиной к шершавому стволу.

Впереди голубое небо чертили летавшие туда-сюда парашютисты, привязанные к спид-ботам. Позади по дорожке, где вечером толпились продажные женщины и их клиенты, топали кроссовками ранние бегуны.

– Держи, – вернувшийся брат Пон сунул мне в руку бутылку молока, бросил на песок запакованные в целлофан слоеные булочки. – Что, непривычно себя чувствуешь? Голым? Беззащитным?

Вопрос был откровенно риторический, так что я только вздохнул и принялся откручивать крышечку на бутылке.

– Теперь попробуем понять, что с тобой, – сказал монах, когда мы закончили с едой. – Рисуй бхавачакру.

Я слегка удивился, но подобрал короткую палку и принялся чертить ею на песке: внутренний круг, разбитый на три сектора, шесть миров посередине, от божественных обиталищ до адов, и двенадцать звеньев цепи взаимозависимого происхождения снаружи, от невежества до смерти.

Бороздки получались неровные, их постоянно засыпало, так что приходилось обновлять. Я проводил по одному и тому же месту снова и снова, но помогало это слабо, только заканчивал в одном месте, как разрушения появлялись в другом, а о том, чтобы нарисовать что-то сложное на столь зыбкой основе, и речи не шло.

– Ничего не выходит, – сказал я, когда очередная попытка изобразить курицу алчности закончилась неудачей.

– Именно! – радостно подтвердил брат Пон. – И внутри тоже ничего не выходит! Попытки строить то, что ты считал собой, теперь обречены на неудачу, ибо фундамент разрушен! Убраны несущие балки личности, и сделать ее столь же прочной, как ранее, ты не в состоянии!

– Но как мне быть, я же не знаю... – забормотал я.

Там, где вечерок толпились продажные женщины, топали кроссовками ранние бегуны.

Порыв ветра засыпал еще одну из линий колеса судьбы, «размыл» очертания свиного пяточка.

– Ничего, понемногу научишься, – монах улыбался, голос его звучал беззаботно. – Тому, как быть собой, ты тоже выучился не сразу, не один год потратил на то, чтобы сделать себя личностью.

Он замолчал, и я вновь уставился на бхавачакру, вспоминая, как создавал подобную в джунглях: расчищал участок земли, выдумывал рисунки, проводил канавки, засыпал их цветным песком.

Странно, но то изображение, законченное, стабильное и не лишенное гармонии, казалось мне сейчас неправильным. А то, что я видел перед собой – криво начерченное за пять минут, хрупкое и обреченное на скорое исчезновение, – реальным и справедливым.

– Омраченное сознание опирается на объекты, – вновь заговорил брат Пон. – Объекты формируются сознанием, и хотя и то и другое пусто, пустота эта не осознается. Только после того, как возникает осознание шуньяты, возможен выход за пределы колеса страданий... Для того, кто постиг пустоту, нет чувственно воспринимаемого, нет форм сознания, связанных со зрением, слухом, обонянием, вкусом, телом, разумом, – он явно цитировал некий священный

текст. – Нет четырех истин и нет мудрости, а также нет приобретения, нет кармы и нет воздаяния, нет совершенствования и нет доказательства. Сансара и нирвана равны между собой и в одинаковой степени подобны сну или иллюзии, а движение по пути возможно лишь без привязанности к не-привязанности...

Я хотел воскликнуть: «Как же нет? Если есть мир, который я вижу, море, небо! Существует осознание всего! Есть мудрость, есть все!», но ничего не сказал, поскольку где-то глубоко внутри знал, что брат Пон прав.

Я мог выбрать любую форму восприятия, обычную или через потоки дхарм, погрузиться во тьму или раствориться в свете, но все это имело одинаковое значение и в то же время не имело никакого.

– Но можно доказать и обратное, – голос неправильного монаха вернул меня к реальности. – Кто осознает пустоту как отсутствие реального бытия вещей, тот не может отвергать взаимозависимое происхождение. Кто принимает взаимозависимое происхождение, тот не может отрицать и благородные истины, а значит, и реальность страдания, и наличие пути к освобождению от него. Кто верует в путь, обязан постулировать реальность истины и того, кто ей учит, то есть Будды.

Доказательство выглядело изящным, простым и коротким.

– Да, – сказал я. – Можно.

– Нов этих эмпиреях мы долго пребывать не будем, – заметил брат Пон. – Наверняка тебя одолевают более приземленные мысли.

И тут он не ошибался.

– Не возражаете, если я сниму комнату в отеле? – спросил я. – Интернет нужен...

И в самом деле, надо вспомнить о магазине, который я совсем забросил, да пораскинуть мозгами, как быть дальше, за что уцепиться в этом иллюзорном мире, чтобы скопище материальных дхарм, именуемое телом, не померло с голоду.

– Конечно, действуй, – брат Пон встал одним стремительным движением. – Увидимся позже.

Комнатушку я отыскал в самом центре, небольшую, за маленькие деньги, но сносную. Забрался в Сеть и с удивлением обнаружил, что заказов у меня предостаточно, на счет падают деньги, а это значит, что нужно организовывать доставку: паковать все и ехать на почту.

Я с удивлением обнаружил, что заказов у меня предостаточно, на счет падают деньги.

Я поглядел вакансии по Таиланду, в пару мест отправил резюме.

Думал подремать часок-другой, пока в гостинице и за окнами тихо, но тут зазвонил мобильник. Взяв трубку, я услышал голос Василия, старого приятеля, жившего в Паттайе несколько лет, но вернувшегося в Россию два года назад и с тех пор не подававшего признаков жизни.

– Привет, – сказал он. – Ты как, чем занят?

– На перепутье, – ответил я. – Как раз решаю, куда себя применить.

– Отлично! – выдал мой приятель. – Я сейчас в Бангкоке, буду у вас через неделю. Есть один разговор, и, возможно, он тебя заинтересует...

– Хорошо, – отозвался я. – Появляйся, как приедешь.

После этого разговора я ощутил такой прилив сил, что идею о сиесте отринул и поехал на склад, проверить, как там дела. Оттуда в банк, потом за упаковкой, обратно на склад и уже потом на почтамт, только не на байке, а на такси, ведь посылок для клиентов наготовил много.

Тайская почта работает несколько шустрее российской, и справился я быстро.

Забрал байк от склада, а вернувшись к отелю, без удивления обнаружил у входа брата Пона.

– Ну как, все дела сделал? – спросил он.

– Все, до каких дотянулся, – ответил я.

– Тогда поехали! – и монах ловко уселся сзади.

Следуя его указаниям, я поднялся на холм Пратамнак и свернул в сторону Большого Будды. Мы запарковались и двинулись пешком в ту сторону, где начиналась лестница, ведущая к громадному золоченому изваянию, окруженному статуями поменьше.

Сбоку в тени деревьев пряталась небольшая палатка с вывеской, изображавшей раскрытую ладонь, украшенную таинственными знаками. Под ней болтался трехязычный преискуртант на предсказательно-астрологические услуги.

Обитавший тут хиромант-астролог кормился за счет туристов, которых к Большому Будде возят автобусами.

– Мне сюда, – сказал брат Пон. – А ты иди пока, погуляй...

Он свернул к палатке, и хиромант, плотный мужичок средних лет, с улыбкой встал из-за стола. Я же отправился дальше, пока не добрался до лестницы, охраняемой многоглавыми рогатыми змеями.

Тащиться вверх было лень, и я свернул в сторону, пошел вдоль спрятанного под мощной крышей ряда колоколов – почти такого же, как в Тхам Пу, только основательней, с могучими колоннами и подсветкой.

Повинуясь внезапному порыву, я забрался на облицованный плиткой постамент и зашагал по нему, легонько трогая каждый из колоколов и считая – один, два, три, четыре...

Бом-м... – отдалось скорее не в ушах, а в памяти. Бом-м... бом-м...

Навалилось головокружение такой силы, что я остановился, оперся на один из столбов и с удивлением обнаружил, что он деревянный, что под ногами старые доски, а впереди через зелень проглядывает гладь широкой реки, дальше виден задернутый дымкой противоположный берег.

Если глянуть налево, то обнаружишь небольшой храм, а если обернуться, то упрешься взглядом в спрятанные меж зарослей крохотные домики, и один из них недавно стал мне жилищем.

От страха похолодела спина.

Неужели все, пережитое в последние два года, было лишь необычайно ярким видением, сном, а я нахожусь в Тхам Пу, где только начал обучение у неправильного монаха?

– Нет, – прошептал я, облизывая пересохшие губы. – Нет... это невозможно...

Бом-м – звякнул колокол у меня за спиной.

Я моргнул и понял, что таращусь на склон круто уходящего вверх холма, под ногами могучий помост из кирпичей или бетона, а на плечах вовсе не антаравасака послушника.

– Ничего, не напрягайся, такое случается, – сказал очутившийся рядом брат Пон. – Твой поток восприятия сейчас нестабилен, лишен привычных границ и опор, и какое-то время такие вещи будут возможны.

От страха меня еще колотило, и очень хотелось спросить «какое время? год? два?», но я сдержался.

За руль брат Пон уселся сам, заявив: «Ты сейчас только до первого столба!», и я не стал спорить.

К моему удивлению, мы не вернулись в центральную Паттайю, а покатали в сторону крохотного рынка, знакомого всем обитателям района Пратамнак: тут, помимо торговых рядов, находился отличный ресторанчик, заправляла в котором толстая и оборотистая Мама Ли.

– Будем приводить тебя в чувство, – сказал монах, слезая с байка.

Начал он этот процесс, заказав чудовищное количество еды.

Я думал, что не смогу проглотить ни куска, и, когда нам принесли сом там, острый салат с зеленой папайей, посмотрел на блюдо скептически. Начав есть, поначалу не ощутил вкуса и только по жжению в глотке осознал, что маленьких красных перчиков в тарелке столько, что хватит на приправу для целого жареного слона.

– Жуй-жуй, – сказал брат Пон, глядя, как я застыл с приоткрытым ртом и выпученными глазами.

С сом тамом я справился и после этого ощутил нутряной, дикий голод.

Так что и суп на кокосовом молоке, и жареная лапша с морепродуктами оказались кстати.

– Вот уж не думал, что смогу это все съесть, – проговорил я, отодвигая тарелку. – Неужели теперь всегда буду столько жрать?

Монах захихикал проказливо и сказал:

– Если ты думаешь, что жизнь твоя будет состоять только из эфирных процессов и возвышенных состояний, то ошибаешься, ведь тело твое никуда не делось, и его потребности – тоже.

– А из чего она будет состоять? – осведомился я требовательно. – Как мне жить?

Только в этот момент я понял, что именно этот вопрос в последнее время тревожил меня сильнее всего, донимал с того самого момента, когда я понял, что опоры прежней жизни разрушены, зеркало мира разбито и пути назад нет.

– Так же, как раньше, – ответил брат Пон. – Но в то же время совсем иначе.

Понятно, очередное противоречие, которое рационально не разрешить, только прожить.

С сом тамом я справился и после этого ощутил нутряной, дикий голод.

– Вот смотри, два человека говорят, что третий, такой-сякой, совершил кражу. Украл он на самом деле, вот только один из них говорит правду, а другой наговаривает. Как такое возможно?

– Ну... первый видел, как было дело, – предположил я. – А второй – нет... лжет... Обвиняет того, кого просто не любит, и хочет сделать недругу гадость.

– Именно, – монах откинулся на стуле, широко улыбнулся. – Одна ситуация. Одинаковые слова. Но разное отношение и последствия для тех, кто эти слова произнес. Понимаешь?

Я неуверенно кивнул.

Подошла Мама Ли, о чем-то спросила брата Пона, он помотал головой и красноречиво похлопал себя по животу.

– Один совет я могу тебе дать... – сказал монах, когда хозяйка кафе удалилась. – Живи как прежде, только не поддавайся искушению выделить себя меж остальных, поднять над прочим миром... Ведь ты на самом деле прошел через необычный опыт, освоил такие вещи, что мало кому по плечу, видел такие чудеса, какие твоим ближним разве что приснятся, многое знаешь и умеешь.

Я беспокойно заерзал, поскольку мысли подобного рода у меня сегодня были.

– А окружающие? – продолжил брат Пон, не отводя пронизывающего взгляда. – Погружены в крошечные мирки своих эго, озабочены повседневным, невежественны и жалки... Так приятно полагать, что ты отличаешься от них, поднимаешься над ними, подобно дереву над кустарником... И искушение так думать будет появляться иногда... Вместе с желанием помогать, наставлять, вытаскивать из грязных луж и шлепать по задницам...

Ничего подобного я пока не испытывал, но монах наверняка знал, о чем говорит.

– Но если ты ему поддашься, то все, ты пропал, – тут брат Пон развел руками. – Отделение состоится, окружающий мир вновь обретет для тебя ту реальность, которую он недавно потерял, и с радостью возьмет в плен, возникнет новая клетка из оппозиций. Возможно, не такая прочная, как старая, но куда менее заметная.

– Но ведь есть сострадание, – сказал я.

– Я рад, что ты сам упомянул его, – сказал монах. – Значит, ты все верно понял. Практикуй его, не забывай, что, занимаясь собой, ты помогаешь другим, а погружаясь в заботы о других, ты лишь укрепляешь представление о себе.

Он вытащил из кармана шорт несколько купюр и замахал, подзывая возившуюся у плиты Маму Ли.

Я высадил брата Пона у «Биг Си» на Сукхумвите, а сам поехал к себе в гостиницу. Окрестности ее выглядели куда более шумными, чем днем, и я подумал, что надо будет сменить жилье, перебраться чуток подальше от «морковок» и гуляющих фарангов.

На сайте обнаружилось несколько новых заказов, причем один на приличную сумму, а в почте – приглашение на собеседование в одну из контор, куда я утром кидал резюме.

Ну что же, схожу, послушаю, что они мне скажут.

Прежний я, получив такие новости, прыгал бы от радости, но сейчас я мог воспринимать подобные явления лишь как рябь на воде – чуть-чуть качнет, потревожит, но мигом исчезнет, сменившись чем-то другим, может быть, волной покрупнее или вообще штилем.

Умом я понимал, что такое «хорошо» и что есть «плохо», но эти слова, как и все прочие, утратили для меня содержательную глубину, стали лишь инструментами, элементами описания.

Я в одно и то же время существовал и как человек в обычной мире, и как поток дхари.

Мне не нужно было больше погружаться в медитацию на несколько часов, чтобы сместить фокус восприятия. Я в одно и то же время существовал как человек в обычном мире, и как поток дхарм, для которого не наличествует ни внешнего, ни внутреннего, да еще и как сознание, похожее на зеркало, где отражаются все элементы, составляющие мое существо.

Стена моего номера, кривая, с косо наклеенными обоями, являлась просто стеной, но в то же время объектом, созданным целиком из моего разума, и я мог заставить ее исчезнуть или начать воспринимать рисунок на обоях как независимую сущность.

И вот пребывание в этом спокойном, гибком состоянии доставляло мне куда большую радость, чем новые клиенты в магазине или тот факт, что мое резюме кого-то заинтересовало.

Несмотря на то, что у Мамы Ли я набил брюхо, спать не хотелось.

Написал пару писем друзьям, о которых давно не вспоминал, и улегся на койку, глядя, как на потолке отражаются алые огни от вывески, что висит над баром на другой стороне улицы.

За окном вопили и смеялись, визжали моторы байков, но мне это не мешало.

Резкие звуки тоже были частью моего мира, как и занавеска на окне, шуршание вентилятора, овевающий тело поток воздуха, мягкая кровать под спиной и благословенная тишина внутри.

Должно быть, я все же уснул, поскольку прозвучавший над самым ухом грохот заставил меня сесть.

– Глори, глори, глори Мэн Юнайтед! – истоиво орали в коридоре. – Мэн Юнайтед! Мэн Юнайтед!

В дверь ударили с такой силой, что та захрустела, шпингалет не выдержал и отлетел. Скрипнули петли, и моим глазам предстал кусок коридора, а в нем три добрых краснорожих молодца в алых фанатских шарфах, с бутылками пива в руках и диким блеском в глазах.

– Ты кто? – спросил один из них по-английски, тараша на меня стеклянные глаза.

Вот они, те объекты восприятия, на которых надлежит отрабатывать сострадание – принять их как часть собственного сознания, не затронутую просветлением, находящуюся во власти омрачения.

Поэтому ответ в стиле «конь в пальто» я исключил.

– Друг, – сказал я.

– Друг? – спросил другой, с пузом в рыжих волосах, что выпирало между сползшими шортами и задравшейся майкой. – Тогда какого хера ты так говоришь? Ирландец, что ли?

Да, английский я знаю хорошо, но акцент у меня есть.

– Нет, русский, – отозвался я.

Только не думать о том, что за сломанную дверь придется платить, и, скорее всего, мне, а денег лишних у меня нет, и вообще эти уроды меня разбудили, откуда они только взялись на мою голову?

– Нет у нас друзей в твоей стране! – гордо провозгласил третий, высокий и тощий. – Разбомбить вас надо было к чертовой матери!

Я смолчал.

– И вообще, не продохнуть от этих русских... – заявил рыжий. – Понаехали тут... Билл... помните Билла? – он глянул сначала на одного приятеля, затем на второго. – Девчонку у него увел какой-то урод из Киева!

– Киев – это Украина, – сказал я.

– Да насрать, – заявил первый. – Все вы там русские... Поэтому получай, урод!

Он размахнулся и швырнул в меня бутылкой, но промазал и угодил прямым в окно. Зазвенело стекло, внизу кто-то ахнул, на физиономиях пьяных англичан появились хищные ухмылки.

Слушая мой рассказ о ночных событиях, брат Пон едва не лопался от хохота.

Мне же было совсем не смешно – побаливал синяк на скуле, куда прилетел кулак рыжепупозого англичанина, да напоминали о себе ребра, по которым мне скользкой врезали несколько раз.

Нет, я не вообразил себя Брюсом Ли, чтобы драться в одиночку против троих, прорвался через нестройные ряды противника и пошел к ресепшену. Там вызвали полицию, та приехала с дивной быстротой и начала выяснять, кто вообще эти фаранги, кто кого ударил, кто сломал дверь и вынес к чертям собачьим окно.

Сомнений особых у стражей закона не возникло, так что фанатов «Манчестер Юнайтед» увезли в кутузку, а мне выделили другой номер.

– Вот видишь, – сказал брат Пон, когда я закончил свое унылое повествование. – Говорил я тебе, что некоторые «семена» кармы должны в любом случае прорасти?

Сидели мы все в той же кофейне с видом на Бич-роад.

– Говорил, – признал я.

– Находишься ты в худшем состоянии, тебе бы вообще голову бутылкой проломили. Ну а так – дешево отделался, – он утер выступившие слезы и поглядел на меня серьезно. – Отдельные истины остаются истинами, даже если ты подошел к самому порогу нирваны и занес ногу... Помнишь, мы с тобой говорили, что все в этом существовании есть страдание?

Был такой разговор, больше двух лет назад.

– На самом деле термин «духкха» не равен английскому «suffering», – пояснил брат Пон. – И если для обычного человека этой разницей можно пренебречь, то тому, кто ступил на путь к свободе, необходимо ее понимать.

– И что значит этот термин?

– Претерпевание, подвергание, – монах щелкнул пальцами. – Ты не страдал ночью? Зато подвергался обстоятельствам, претерпевал некие события, над которыми имел мало власти... И это претерпевание образует сущность сансары даже там, где о страдании напрямую говорить трудно, например в божественных мирах.

– А такие «обстоятельства», что, будут появляться и дальше? – спросил я недовольно.

– До полного исчерпания накопленной тобой кармы, – ответил брат Пон. – Необходимо только понимать, что если раньше тебя опутывали цепи из неприятностей, то они не приходили по одной, а теперь это будут отдельные всплески, если, конечно, ты не станешь реагировать на них злобой и раздражением... А ты не станешь.

Истины остаются истинами, даже если ты подошел к салону порогу нирваны и занес ногу.

Я помотал головой, вспоминая испытанные ночью эмоции – недоумение было, легкое недовольство, но ненависти или агрессии по отношению к пьяным англичанам я не испытал.

– Тогда вернемся к нашему «страданию», – продолжил монах. – Оно существует. Естественно, есть в наличии и его причина, и об этих причинах ты теперь знаешь все, от корня до семян.

Ну да, цепь взаимозависимого происхождения из двенадцати звеньев.

– А значит, убирая эту причину, можно ликвидировать и страдание, – сообщил брат Пон с таким довольным видом, точно объявлял о собственном выигрыше в лотерею. – Методика же уничтожения причины страдания предложена самим Татхагатой два с половиной тысячелетия назад. Обычно ее именуют благородным восьмеричным путем.

– Я о нем читал, – сказал я. – Много лет назад, еще в России, в умной книжке. Общаясь же с вами, часто думал, почему вы о нем не вспоминаете?

– Часто ли ты вспоминаешь азбуку, изучая труды по философии? – с улыбкой поинтересовался монах. – Восьмеричный путь имеется во всем, чему я тебя обучал, с первого дня до этого разговора. Правильное воззрение... Им ты обладаешь в полной мере. Правильная решимость?... Есть ли она у тебя, это лучше знать тебе самому... Ну, есть?

Я помолчал, затем кивнул – да, обратной дороги нет, только вперед, и я продолжу двигаться, сколько хватит сил и умения.

– Правильная речь, – сказал монах. – На простом уровне это запрет на ложь, клевету и брань... На твоём – то же самое, только ты должен понимать, что это всего лишь техника безопасности.

Ну да, даже не эмоционально заряженные слова, а укрытые за ними душевные порывы не самого благого рода порождают «семена» кармы, что рано или поздно прорастут.

– Сюда же правильное поведение и правильный образ жизни... в меру твоих сил, – добавил брат Пон многозначительно. – Ты сам будешь решать, что в данной ситуации правильно, а что нет, опираясь не на ум, а на чистое, изначальное сознание, алая-виджняну.

– Но это не всегда получается, – пробормотал я.

– Ничего, будешь тренироваться. И в этом тебе помогут правильное усердие, памятование и созерцание, вот уж этому я тебя не-научил так, что готов испытать гордость, – тут монах сделал преувеличенно мрачную физиономию и развел руками. – Только не могу, поскольку забыл, как это делается.

И снова, в какой уже раз, он заставил меня улыбаться.

– А теперь вставай, поехали, – брат Пон поднялся из-за стола. – Совершать подвиги. Духовные по самую макушку...

Для начала мы отправились в «Теско Лотус», я подождал на стоянке, а монах сходил в магазин, откуда вернулся с пятилитровой канистрой питьевой воды и, к моему удивлению, с лопатой.

Затем проехали немного дальше по Сукхумвиту и свернули в один из самых неприглядных его сои, что ведет в сторону Джомтьена. Асфальт быстро закончился, под колесами байка оказалась трава, на обочинах встали густые заросли высохших за зиму кустов.

Справа открылась небольшая полянка, и тут же брат Пон хлопнул меня по плечу и завопил:

– Стоп!

Я послушно сбросил газ.

– Вот оно, родимое, – залопотал монах, спрыгивая с байка. – Как тебя ждет. Приступай!

– К чему? – спросил я.

– Дерево видишь? – он указал на нетолстое растение с серой морщинистой корой и пучком сочных листьев на верхушке. – Ты прекрасно знаешь, что должен с ним сделать.

Монах молчал и заговорил, только когда я прокопал канаву вокруг ствола.

– Что? – я обомлел.

Подобную штукину я выкорчевал в один из первых дней в Тхам Пу, заработал кровавые мозоли, проклял все на свете и потратил на этот «духовный подвиг» несколько часов.

– Еще раз? Зачем? – я слез с байка, взял у брата Пона лопату.

– Давно ты ничем серьезным не занимался. Все на ерунду какую-то время тратишь, – сказал он, откровенно пародируя мои недавние речи, и преспокойно уселся в тенечке.

Солнце палило, и поэтому я вытащил из рюкзака запасную майку, смочил ее и обмотал вокруг головы. Земля оказалась не такой мягкой, как в джунглях, и почти сразу же начали встречаться корни, вроде бы нетолстые, но узловатые и прочные, какие не разрубить с одного удара.

Монах некоторое время молчал, заговорил, только когда я прокопал канаву вокруг ствола.

– Тебе сейчас кажется, что ты колеблешься между двумя состояниями сознания. Чистым и нечистым, – проговорил он. – Первое тебе нравится, второе, естественно, нет.

Очередной корень лопнул, огрызок его отлетел и едва не угодил мне в глаз.

– На самом деле между ними нет разницы, это одно и то же, – продолжал брат Пон. – Как вода одна и та же в гавани Паттайи и в сорока километрах от берега, только одна содержит примеси, а другая – нет.

Спорить с монахом по этому поводу я бы не стал, разве что использовал бы куда более сильное слово, чем «примеси».

– Сущность воды от их наличия или отсутствия не меняется. Так же и с сознанием. Сансара и нирвана кажутся на первый взгляд противоположностями, но основа у них одна, а видение различия между ними – проявление двойственности на высшем уровне. Это проявление надо преодолеть, как и все прежние.

– То есть мне... должно быть все равно... в каком состоянии... я нахожусь?.. – орудуя лопатой, я пыхтел и задыхался, пот тек по лицу и шее, майка промокла насквозь. – Испытываю ли... нечто вроде обычных эмоций... или весь такой... бесстрастный и спокойный?

– Можно сказать и так, – брат Пон кивнул. – Да, и не надрывайся ты. Отдохни. Времени у нас еще много...

Я глянул на неправильного монаха – подкалывает или говорит серьезно.

Но по спокойному гладкому лицу и непроницаемым глазам прочитать ничего не сумел.

– Ну уж нет, – свирепо буркнул я. – Сначала закончу, потом буду отдыхать.

Судя по болезненной пульсации в ладонях, мозоли грозили мне и сегодня.

Я выгреб еще чуть ли не кубометр земли, перерубил не один десяток гнусных корней и, наклонившись, попытался выдернуть дерево из земли, используя вес тела, но не преуспел.

Утомившись, шлепнулся на задницу и принялся разглядывать ободранные ладони.

– Почему именно это дерево? – спросил я, чтобы отвлечься.

– Ему и так суждено погибнуть, – брат Пон пожал плечами. – Завтра тут появится бульдозер, чтобы разровнять участок, за ним придут землемеры и строители, и появится новый кондо, а может быть, коттеджный поселок, или парк развлечений, или магазин... Кто знает?

Поднявшись, я снова взялся за лопату.

– К сожалению, ты продолжаешь думать о жизни в терминах «я», – сказал монах. – Меж тем, пока остается некое «я», ищущее свободы, достичь этой самой свободы невозможно...

С деревом я справился, но, когда это произошло, едва не падал с ног от усталости.

Брат Пон похвалил меня, выкинул лопату в кусты и сам уселся за руль мотобайка. Отвезя мое изнуренное тело в гостиницу, он оставил меня отмокать в душе и пообещал, что скоро вернется.

Снова он появился уже в сумерках и принес набитый одеждой пакет.

– Это тебе, – заявил монах, небрежно швыряя его на кровать. – Одевайся.

Внутри я, помимо обычных маек и шорт, к своему удивлению, обнаружил джинсы и майку-поло от одной известной фирмы.

– Зачем мне такое? – поинтересовался я.

– Униформа на сегодняшний вечер, – сообщил брат Пон с торжественным видом. – Поедем по девочкам!

Как только начинало казаться, что я могу предвидеть все выходки неправильного монаха, так он выкидывал что-то новенькое!

– Какие девочки? – проворчал я.

От тяжелой работы на солнце у меня болело все тело, гудела башка, дергало мозоли на ладонях. Напоминали о себе «приключения» предыдущей ночи, так что сильнее всего я хотел спать.

– Частично раздетые, – ответил брат Пон, повергнув меня в еще большее изумление.

Я вздохнул и принялся натягивать «униформу».

На Уолкинг-стрит мы приехали уже в темноте, и я следом за монахом потащился через заполнявшую ее многоголосую толпу: туристы всех мастей, проститутки и «морковки», дилеры, воришки и жулики, зазывалы, продавцы сувениров и катой.

Грохотала музыка, пылали вывески баров, магазинов и клубов.

Брат Пон привел меня в один из последних, в такой, где гоу-гоу и прочие функции исполняли не тайки, а славянки. Не успели мы войти, как нас окружила щебечущая, сладко пахнущая стайка девиц, кто-то подхватил меня под локоток, прижался упругой грудью.

И вот мы сидим за низким столиком, изучая коктейльные карты с космическими ценами, а перед нами, на помосте, изгибается вокруг столба гибкая дива с ярко-рыжими волосами.

Брат Пон вел себя как завсегдатай, уверенно болтал с девчонками по-английски, делал заказы. Я же пребывал в состоянии некоего ступора, отвечал на вопросы пытавшейся расшевелить меня барышни, но каких-либо эмоций или желаний не испытывал.

Брат Пон вел себя как завсегдатай, болтал с девчонками по-английски, делал заказы.

Хотя нет, спать хотелось по-прежнему.

– Смотри на них, – прошептал монах мне на ухо, когда нас каким-то чудом на мгновение оставили в покое. – Все эти вроде бы падшие женщины – разумные, воспринимающие

существа, а значит, обладают истинным, пробужденным сознанием, алая-виджняной, воплощающей Тело Закона... И ничем в этом не отличаются от аскетов, забывших, что такое зов плоти, прочитавших по сто раз священные писания и разучившихся произносить что-либо, кроме молитв.

Я нервно моргнул, сглотнул пересохшим горлом.

– Ты должен забыть все, что было у тебя в подобных местах с дамами такого рода занятий, – продолжал брат Пон, не давая мне вставить и слово, не то что вопрос задать. – Вспомнить о сострадании, о «не-мысли» и увидеть за каждой из этих красоток алая-виджняну...

Рыжая девица на шесте как раз сорвала лифчик и эффектно затрясла прелестями.

– Забудь о теле, о своем и о чужих, помни об истинной реальности, что по своей природе не является наделенной свойствами, не является лишенной свойств, не является одновременно наделенной свойствами и лишенной свойств, не сводимой к понятиям «единство» или «различие»...

Барышни вновь окружили нас, одна ухитрилась втиснуться между нами, но голос монаха все равно продолжал звучать у меня в ушах. Официант принес коктейли, и один из них пухлая блондинка чуть ли не силой всунула мне в руку.

Как отвлечься, когда орет музыка, а вокруг тебя трутся молодые, красивые женщины? Как думать в такой момент о пустоте, о каком-то там сосредоточении, о сознании-сокровищнице?

– Я тебе нравлюсь? – жарко зашептала блондинка, прижимаясь ко мне все теснее, а рука другой барышни как бы невзначай легла мне на бедро.

– Да, – ответил я. – Ты весьма привлекательна.

Но это были пустые звуки, поскольку восприятие мое очень мягко сместилось. Никаких усилий, даже желания не понадобилось мне для того, чтобы переключиться на колесо из дхарм.

«Не-мысль» заняла место мысли, и все вокруг, от новой стриптизерши, на этот раз брюнетки, до пары вышибал у входа, стало частью моего сознания, конгломератом образов восприятия.

Я мог поддерживать разговор, не напрягаясь, но это происходило как бы помимо меня. Наблюдал за тем, как меня пытаются раскрутить еще на парочку коктейлей, и одновременно созерцал, не глазами, а всем существом, то, что стояло далеко за этими попытками, за мыслями и желаниями потока сознания, воплощенного в теле пухленькой блондинки.

На миг мне почудилось, что я вижу реку, чистый, неглубокий поток в окружении берез и осоки, вроде того, что я созерцал когда-то давно в медитации, а затем все слова, образы и представления разом исчезли.

И то, что осталось, я бы не смог описать при всем желании.

Кондоминиум был задрипанным, располагался вдали от моря, а менеджер, что показывал мне комнату, лебезил так, что становилось ясно – от избытка клиентов они не страдают. Радовала чистота, да еще наличие прочной, хорошей двери с несколькими замками разных видов.

Немного поторговавшись, мы ударили по рукам.

Ну вот и все, можно перевозить вещи, которых у меня нет.

Я подписал договор, внес депозит, мне выдали ключи, на чем процесс вселения и закончился. Я второй раз поднялся в комнату и еще раз осмотрел ее, испытывая странное чувство – если прежние апартаменты я считал «своими», то это помещение с первого мгновения воспринял как временное пристанище, на месяц-другой, может быть, на год, на несколько лет.

Я обнаружил неправильного монаха среди обитателей дикого пляжа – в одних плавках.

Никто же не знает, что ждет впереди?

Вечер закончился интересно – хоть мы и вели себя вроде бы нормально, и даже коктейли брали, девушки в один момент потеряли к нам интерес, переключились на других клиентов. Нас перестала замечать охрана, даже официант прекратил многозначительно поглядывать в нашу сторону.

Тогда брат Пон расплатился, и мы ушли.

Сейчас он, как договорено, ждал меня на берегу у «Паттайя Парка», но уже безо всякой макашницы.

Приехав туда, я обнаружил неправильного монаха среди прочих обитателей дикого пляжа – в одних плавках, на цветастом полотенце, по соседству с шумной компанией бухающих прямо на жаре чуваков откровенно гопницкого вида.

– Вот и ты, – сказал он, усаживаясь. – Давай располагайся... позагораешь чуток...

Я неловко опустился на песок, стащил майку через голову.

– Как все прошло? – спросил брат Пон.

– Нормально, – ответил я. – Теперь с жильем... завтра на собеседование пойду... Василий еще звонил, на днях должен появиться...

– Новая жизнь, как и положено, – он потянулся, словно огромный кот, зевнул. – Выглядеть она может точно так же, как и прежняя, но будет совсем другой, ты увидишь.

– Неужели мне можно заниматься всякими банальными вещами? – недоверчиво спросил я. – Деньги зарабатывать и на прочую ерунду время и силы тратить... после всего вот этого...

– А ты что думал, остаток жизни медитировать и молиться? – брат Пон рассмеялся. – Кто не работает, тот не ест... На самом деле тебе не запрещено абсолютно ничего. Вспомни Просветленного, что однажды, находясь среди толпы монахов, показал одному брахману срамные части тела.

Я оторопело заморгал:

– Зачем?

Представить себе Будду, демонстрирующего собственные гениталии, я не мог.

– Исключительно для того, чтобы тот брахман, которого одолевали сомнения, мог пробудиться. Так и ты можешь делать все что угодно, главное – осознавай, что и зачем и какие последствия будет иметь твой поступок.

– Но как так? – я почесал в затылке. – Вчера вы говорили о правильном поведении. Сегодня же утверждаете, что «все можно»?

– Конечно, – брат Пон лучезарно улыбался. – Ты сам определяешь, что правильно. Ни я, ни Будда, никто иной не в силах дать тебе подсказку, да и отвечать будешь ты. Только сам. Любая попытка сбросить ответственность с твоих плеч, обвинить кого-то другого или обстоятельства ни к чему хорошему не приведет.

Я почесал в затылке снова.

– Хотя, конечно, на Будду ты можешь надеяться, его легко отыскать в любом храме, – сказал монах, переведя взгляд на меня. – Ну а я завтра покину этот славный город. Отправлюсь дальше, туда, где я в данный момент нужнее.

– К-как?.. – выдавил я.

Солнечный свет померк, а еще меня словно ударили обухом по голове.

– Очень просто, раз-два, и нету, – черные глаза брата Пона мерцали, улыбка была мягкой, но без малейших следов жалости. – Приезжай на автостанцию меня провожать. Часам, скажем, к четырем...

– И мы больше не увидимся? – спросил я потерянно.

– Не знаю, – он пожал плечами. – Все возможно под этим небом и этим солнцем.

У меня случилось нечто вроде помутнения рассудка, поскольку брат Пон оказался неожиданно стоящим и в одежде, а я лишился шорт и переместился на его цветастое полотенце.

– Лежи, загорай, – сказал он. – Завтра увидимся.

И монах зашагал прочь, пробираясь между коптившимися на солнце телами.

Мне же в этот момент до одури, до дрожи в желудке захотелось присоединиться к компании по соседству – чтобы глотать теплую мерзкую водку, рассказывать скабрзные анекдоты, ржать во весь голос и ни о чем не думать.

К автостанции на Северной улице я приехал минут за пятнадцать до назначенного срока, пребывая в подавленном настроении. Собеседование прошло, мягко говоря, без особого успеха – меня допросили по полной программе и напоследок пообещали «мы с вами свяжемся».

Ага, после дождичка в четверг.

Брат Пон был уже тут, в джинсах и футболке, но обритый наголо по монашеской «моде».

– С тебя только мученика в аду рисовать, – сказал он, увидев мою мрачную физиономию.

– Ну уж не настолько все плохо, – пробормотал я. – Кстати, я тут вот задумался... Как я смогу отдать вам долг? Вы ведь столько для меня сделали, учили и вообще... вот...

Брат Пон покачал головой:

– Отдашь его, помогая другим, тем, кто ищет свободы, пытается вырваться из тенет сансары, но не знает путей. Как и когда это произойдет, я не знаю, но рано или поздно ты сам догадаешься, не сомневайся.

И он ободряюще похлопал меня по плечу.

– Лавры Кшитигарбхи, обещавшего заполнить телом все пространства мучений, чтобы там более ни для кого не осталось места, или Авалокитешвары, что дал обет наставлять существ всех измерений, даже голодных духов и животных, тебе не светят. Учитель из тебя выйдет так себе... – вынеся этот вердикт, брат Пон подмигнул, так что на душе у меня, вопреки смыслу его слов, стало легче. – Но ведь есть много разных методов. Стремись к совершенству в бескорыстии, в принципах, в отречении, в знании, в последовательности, в терпимости, в сострадании и беспристрастности, и все будет нормально.

Слушая эту речь, я бездумно шагал за монахом и неожиданно обнаружил, что мы вернулись на Северную улицу, вышли к обочине, где я припарковал мотоцикл.

Вынеся вердикт, брат Пон подмигнул, так что на душе у меня стало легче.

– Но я был бы рад увидеть вас еще раз в этой жизни, – сказал я без особой печали.

В том мире, где я жил теперь, никакое событие не могло стать катастрофой, все являлось лишь порождением сознания и в свою очередь рождало поток новых образов, мыслей, действий, равнозначных по своей природе и значению.

– Кто знает... – брат Пон снял с плеча рюкзак.

Рядом с нами затормозил черный пикап, хлопнула дверца, и наружу вышел мускулистый таец в майке без рукавов. Улыбнулся, рукой в татуировках поправил бандану на голове, и я неожиданно его узнал – это же один из двоих молодых монахов, что жили в храме Тхам Пу на берегу Меконга!

Из-за руля мне улыбнулся второй, тоже одетый вовсе не в антаравасаку.

– Там, внутри, кое-что для тебя, – сказал брат Пон, протягивая мне рюкзак.

– Но мне ничего не нужно! – принялся горячо возражать я.

– Я знаю. Но ты бери, пригодится.

Я взял рюкзак и обнаружил, что тот, судя по весу, пуст.

– Был рад повидаться, – сказал молодой монах так сильно запавшим мне в память хриплым голосом. – Сожалею, но иначе мы не имели возможности поступить. Удачи.

Он сел в автомобиль, а я остался стоять с отвисшей челюстью.

Но в Тхам Пу он говорил иначе!

Хотя сколько раз я слышал голос помощников брата Пона, если вообще слышал? Очень редко, и всегда это были короткие реплики, а большую часть времени эти парни молчали.

– Закрой рот, а то ворона залетит, – сказал брат Пон. – До встречи.

Неправильный монах забрался в пикап, хлопнула дверца, и машина взяла с места так резко, что завизжали шины. Через мгновение она исчезла в потоке транспорта, умчалась в сторону близкого Сукхумвита.

И только в этот момент ко мне вернулся голос.

– Но как? Неужели они?.. – забормотал я, размахивая рюкзаком брата Пона. – Подстроено все, да?

Гнева или обиды я не чувствовал, лишь изумление и недоверие.

Прошло минут десять, прежде чем я успокоился и расстегнул молнию на рюкзаке. Внутри обнаружилась завернутая в пакетик и перетянутая резинкой толстая пачка американских «рублей».

И мне не надо было распаковывать ее, чтобы определить, сколько там денег.

Бусины на четках

У того, кто далеко прошел по пути и многого достиг, возникает искушение отделить себя от окружающих.

Ну как же, вот он, на самом деле изменившийся, очистившийся, понявший многое, и вот все остальное, лежащее в невежестве, погруженное во мрак, находящееся где-то далеко внизу.

Но если этому искушению поддастся, выделить себя из мира, подняться над ним, начать учить и наставлять тех, кто знает меньше, то все труды пойдут насмарку.

Отрицая собственное окружение, придавая ему негативную ценность, мы тем самым присваиваем ему реальное существование, наделяем значением и прикрепляем к себе. А еще, отдаваясь такому поведению, мы исподволь питаем представление о себе как об отдельной сущности, личности, а оно само по себе является тяжким грузом, препятствием. Плюс по собственной воле заключаем себя в новую клетку из оппозиций, не такую прочную, но куда менее заметную.

Не упасть в эту яму поможет истинное сострадание.

* * *

Каждое живое существо обладает восприятием, а значит, и сознанием во всей его полноте, включая алая-виджняну, изначально чистую, пробужденную, никогда не исчезающую и не загрязняющуюся, воплощающую в себе истинную реальность, иными словами, Тело Закона Будды.

Мы можем воспринимать других как обычные человеческие персоны, отягченные телами или поступками, как часть себя, как воплощения Пустоты, проявления обусловленного существования.

Но все эти варианты являются ограниченными, одни более, другие менее: каждый подразумевает существование некоего центра восприятия, соотносимого с нами. Недостаток этот отсутствует лишь в одном случае – если видеть в других исключительно их собственное сознание-сокровищницу.

Отринуть представление о теле, о характере и роде занятий того, кто рядом. Уничтожить воспоминания о взаимодействиях с этим человеком или с подобными ему, включить состояние «не-мысли».

И видеть то, что кроется за внешним, истинную природу другого, пусть непроявленную, скрытую, но определяющую все остальное. Только это позволяет взаимодействовать с людьми, ни при каких условиях не порождая кармических «семян».

* * *

На самом деле нет ничего запретного для того, кто далеко прошел на пути свободы.

Можно совершать то, что со стороны может выглядеть странно, непривычно, дико или обыденно и банально, но в любом случае необходимо осознавать, что и с какой целью ты делаешь и какие будут последствия у этого поступка.

Мы не в силах человеческим умом постигнуть конкретные пути созревания и прорастания кармы, но общие принципы уловить в состоянии. Необходимо только помнить, что ключевую роль в возникновении «семян» играют не сами действия, а прячущиеся за ними желания и намерения.

Можно плюнуть в лицо так, что это окажется благословением.

А можно подарить что-то, испытывая лишь ненависть.

Только мы сами в состоянии определить, что является правильным в той или иной ситуации, и лишь мы должны отвечать за то, что произошло с нами и при нашем участии.

Попытка свалить ответственность на другого или на обстоятельства будет исключительно опасным самообманом.

Пара слов от автора в завершение

Я благодарен всем, кто был рядом на пути длиной в три книги.

Очень рад, что смог довести этот труд до завершения, и, судя по отзывам читателей на первые два тома, старался не зря.

Только мысль о том, что текст может принести пользу многим, поддерживала меня в сложные моменты. Ну и воспоминание о долге перед людьми, учившими меня, и в первую очередь перед братом Поном.

Я уверен, неправильный монах почувствует мою благодарность, где бы он сейчас ни находился.

Книга получилась несколько более сложной, чем предыдущие, и ничего удивительного – пришлось рассказывать о вещах, которые в принципе невозможно описать с помощью слов.

Все неточности и недостатки всецело на моей совести, не учение виновато, а тот, кто в меру слабых сил пытался его изложить.

И огромное спасибо всем, кто был рядом на этом долгом пути, кто проявлял интерес к тексту, благодарил меня в соцсетях или почтой, тем, кто с высочайшим профессионализмом готовил книги к печати, иллюстрировал их, издавал и распространял по нашей необъятной стране.